

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Кутенков

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Проза

Волгодонск
2019

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений Т. 6: Проза / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск: Самиздат, 2019. 276 с.

В шестом томе собрания сочинений собраны рассказы, сказки и другие прозаические произведения для взрослых читателей, публиковавшиеся в сборниках и отдельных изданиях за период с 2005 по 2019 годы.

РАССКАЗЫ ДЕДА БАЗЛАЯ

Медвежья невеста

– Дед, сбреши чего-нибудь, – пристали к старику мужики, устроившиеся на траве недалеко от сельмага.

– Что я кобель, что ли? – обиделся дед Базлай.

– Ну, тогда расскажи, – не сдавалась компания.

– Рассказать – не навоз тягать, пуп не сорвёшь, да вот табачку из дома не захватил, а без курева изо рта не слова идут, а срамота одна. Не приведи Господь такое услышать.

– Что ты, дед, раньше времени поми-раешь, этого добра у нас курить – не перекурить, – Сашка Иванов протянул старику свой кисет.

– Нет, Сашка, – замахал Базлай руками, – от твоего вонючего самосада я кашляю, как сова, целную неделю, а то и боле, мне б Витькиного попробовать. У него табак, говорят, духами пахнет. Я, думаю, это оттого, что у тебя, Сашка, за табаком бабка

ходит, а у Витьки – молодуха. А всем известно, от кого какой запах исходит, такой аромат и табаку передаётся.

Мужики захохотали, а старик, довольный своей шуткой, уже полез в Витькин кисет. Не торопясь, свернул «козью ножку», затянулся всласть, со смаком пустил дым в небо.

– Было это не так давно, ежели судить по мне, то и вовсе недавно, ну, а вас, огольцов, тогда, пожалуй, могло и не быть. Вот Сашкиного отца помню, он, как папуас, по деревне без штанов бегал, не потому что маленький был, а потому что портков не имел. Правда, тогда многие наряжались не краше. – Дед снова затянулся дымом и снова пустил его в небеса. – В соседней деревне, в Кузьминке, жил кузнец Егор Евонин, сейчас таких уже нету. Какую вещь ковал, как карандашом рисовал, такие узоры выводил, что хоть бабам на кружева, коней на скаку подковывал, на спор с завязанными глазами любой заказ выполнял. Бывало, мужики пристанут, давай, мол, Егор, выкуй серп да молот. Тот крякнет, подставит лицо, завязывай, мол. Ему быстренько глаза-то завяжут, а он, как ни в чём не бывало, возьмёт железо

сунет его в горн, а уже минут через пять выдаёт им серп да молот. Ну, правда, мужики уж тут раскошеливаются. И правильно, раз у кого есть талант, тот не должен за свой счёт народ потешать.

– Это ты к чему, дед? – заинтересовался Сашка, – это значит, что и тебя надо за наш счёт поить, раз у тебя до брехни талант?

– Глупый ты, Сашка, я ж не для вашей утехы рассказываю, а для вашего просвещения, для истории, значит. Слышал ты про такую науку – краеведение? Думаю, что не слышал. А наука эта изучает всё, что в нашем краю происходило в старые времена и даже ещё раньше. А за рассказ угостить табачком меня вовсе не зазорно. Не такие люди угощали, городские, образованные, не тебе чета.

– Да ладно, дед, не обращай ты на него внимания, – зашумели мужики, – рассказывай дальше.

– А у этого Егора была дочь, Марьей она прозывалась. Давно это было, кое-что и позабыть не мудрено стало. Но то, что звали её Марьей, век не забуду. Сказать, что уж слыла она красавицей – не скажешь, но и похаманить, совесть не позволяет. Были та-

кие парни, что и на неё заглядывались. Коса одна чего стоила, не то, что до пят, по земле волочилась, да и грудь – другим девкам на зависть. Был, правда, один недостаток: ростом батьку переросла и в кости широковата. Если уж заденет какого тюхлю по уху ладошкой, так ухо, почитай, с блин становилось, ну, а уж если второй раз оплеухой потчует – то, как молоньей, с ног сбивала.

Жил народ тогда помаленьку: кузнецы ковали, косари косили, бабы хозяйство вели, парни да девки влюблялись друг в друга. Такая уж у них пора была – ворковать друг с дружкой. Хороводились молодые, считай, все ночи напролёт. Родители хоть и ворчали, но всё же понимали, что любовь не просто забава, а дело ответственное, без неё по зиме свадьбу не сыграешь, а без свадеб внуков не дождёшься.

Но вот, стали парни замечать, что Марья вроде как их сторониться начала. На вечерки не ходит, никого из парней к себе не подпускает, пробовали было приструнить её, ничего не вышло, наоборот, даже хуже стало. Вообще девка перестала из дома выходить. Сидит целыми днями у окошка, вышивает, одежду чинит, а то и вовсе ниче-

го не делает — глядит на улицу, семечки лузгает и молчит.

Лишь когда пошла ягода, и бабы потянулись с лукошками в лес, Марья оставила своё затворничество и тоже стала ходить за ягодой. Наденет, бывало, красивое платье или сарафан, подвяжет новый платок и идёт среди баб первой красавицей. Правда, как бабы сказывали, в одной куче со всеми она ягоду не брала, всегда уединялась. То ли места ягодные знала, то ли просто не выносила большую компанию, кто сейчас про это что-нибудь скажет.

Вскоре стали бабы про меж собой поговаривать, что не спроста Марья за кустами прячется, есть у неё какой-то ухажёр, что встречает её в лесу, уводит в глухомань, а там уж милует да ласкает. Как бы до греха девку не довёл.

Стали слухи и до кузнеца доходить. Поначалу на эти сплетни он и внимания не обращал, но потом призадумался. И то, кому хочется родную дочку до свадьбы брюхатой видеть. Стал он жене пенять, посылать её в лес за ягодой, чтобы за девкой присматривать. Старуха пошла, конечно, но уже через две версты выдохлась и, как ни старалась,

отстала от неё. А та, лишь до леса дошла, и как в колодце пропала. Дома старуха стала наседать на Марью, чего, мол, от людей бегаешь, чего прячешься от них, давай, мол, выкладывай все свои секреты. А не то, обижайся на кого хочешь, запрём с отцом в чулане на всё лето и будешь, как в тюрьме жить. А нет, так отдадим замуж за первого, кто посватает. Марья в слёзы, кое-как отговорила от матери, день или два потерпела, походила по полянам вместе с другими бабами, а потом опять за своё.

Снова разговоры по деревне пошли, и не просто по чуть-чуть, а во весь голос. Как-то решили парни от безделья и нахальства последить за Марьей. Собрались двое и увязались за бабами. Шли скрытно, чтоб, не дай Бог, кто не заметил. Как зашли в лес, Марья стала сторониться компании, а только бабы напали на ягоду, она юркнула за кусток, потом за другой, а там поминай, как бабушку звали. Правда, парни этот момент не проворонили, а тоже бочком да обочинкой побежали за девкой. А та шла быстро, не оглядываясь, ни к чему не прислушиваясь, видно по всему, что цель какую-то имела. Парням это, конечно, на руку, они тоже уже

почти не хоронясь шагали.

Недолго шла Марья, минут через десять остановилась, опустила кошёлку на землю, сама присела на небольшой пенёк, развязала белую косынку и распустила волосы. Парни рассказывали, что их больше всего волосы удивили. Оказывается, они у неё были длинные да белые, каких в деревне ни у кого не видели, да и у Марьи увидеть не ожидали. А она достала гребешок, сидит, расчёсывает их, голову на бок склонила и что-то себе под нос напевает. Парни так засмотрелись на девку, что и не заметили, как из кустов на полянку вышел не мужик и не баба, не чёрт и не дьявол, а самый обыкновенный медведь. Парни с перепугу чуть всё бельё не испоганили, больно уж он им страшным показался.

Подошёл медведь к Марье, встал на задние ноги, засопел, зачмокал губами, а сам глазами вокруг водит и всё принюхивается. Ещё сильнее шпионы напугались, ну, как пронюхает, от такой зверюги на ватных ногах не убежишь. Стоят они и не знают, что делать. А медведь в это время протянул лапу, погладил Марью по волосам, потом согнулся в три погибели, подхватил её на руки

и зашагал на задних лапах в кусты. А девка обхватила зверюгу за шею, шепчет ему что-то на ухо да улыбается в полный рот, только зубы на солнце блестят.

Парни от радости, что живы остались, дёрнули в деревню без остановки, а вечером за бутыль самогона всю эту историю нам рассказали. Большинство, сказать по совести, им не поверило, решили, что всё это они сочинили, чтобы девке досадить. Другие же засомневались, мол, что-то в этом есть. Конечно, медведь её на руках не таскал, волосы ей не гладил, а вот мужик какой-нибудь тайком с ней шашни водит. Ну, а несколько человек заявили, что от Маньки всего можно ожидать, она и с медведем любовь закрутит и за волка замуж пойдёт, лишь бы людям насолить. Это они от обиды так говорили, потому что Марья их в своё время оплеухами потчевала. Вот они и решили ей таким образом отомстить.

— Интересно, дед, а ты как на эти сказки отреагировал? — поинтересовался Сашка.
— Небось, тоже сразу поверил, может быть, Марья и тебе оплеухи отвешивала?

— Нет, Сашка,— возмутился дед Базлай,
— я в таких условиях рассказывать истории

не могу. Ты, Сашка, хуже комара кровопийного, того хоть издалека слышно, знаешь, что он пакость какую-то готовит, тебя же не слышно, не видно, а пакость всегда на уме есть. И кусаешь ты большее, и убить тебя не так просто, хотя, порой, дюже хочется.

— Ладно, дед, не ворчи, ну, его Сашку, — загладил вину товарища Витька, — давай лучше моего табачку закурим.

Он достал кисет и протянул его деду Базлаю.

Тот сразу заулыбался:

— И то, правда, Витька, Сашка у нас завсегда ворчит, как в животе урчит, ни себе пользы, ни людям покою.

Дед снова свернул «козью ножку» и снова смачно затянулся дымом.

— Так на чём меня Сашка с толку сбил? Ага, с той поры стали люди промеж собой величать Марью «медвежьей невестой». А тут за работой да заботой и осень подошла, люди, почитай, все дела переделали, даже ленивые скот в стайки поставили, с огородов мелочь в погреба попрятали, наготовили на зиму солений и варений, дров навозили, горницы побелили, кое-кто стал о свадьбах задумываться.

Нашёлся жених и для Марьи. Жил в Печёнове парень, Василём звали. Хороший мужик был, высокий, красивый, кудрявый, говорили, что работающий и не из бедной семьи. Казалось бы, всем взял, но не «медвежью невесту». Упёрлась, будто шлея под хвост попала, твердит одно, не пойду, мол, за него, не люб.

Но тут уж и отец её Егор тоже упёрся, схватил вожжи, огрел ими два раза вдоль спины, девка и сникла, больно уж крутая рука у кузнеца была, правда согласие не дала, но и перечить перестала. А отец приказал, зимы не дожидаясь, к свадьбе готовиться.

Жених, понятно дело, домой поспешил, с родичами стал подарки прикупать, брагу заваривать, гостей приглашать. Наконец, день свадьбы назначили. Невесте платье с фатой по случаю приобрели, а может, материно или бабкино из сундука достали, жениху новый костюм справили. По слухам, свадьба с размахом готовилась. Всей деревней любопытствовали, как всё дальше будет, что за жена из «медвежьей невесты» получится.

Правда, по совести говоря, нас, пар-

ней, больше другой вопрос интересовал: дознается Василь, что его жена в любовницах у медведя ходила или нет. При желании мужик, конечно, может допытаться кое до чего, но, надо признаться, не у каждой бабы.

Ну, ладно, это дело пятое-десятое. Наступил день свадьбы и, надо сказать, всё прошло чинно и ладно. Мужики перепились, как ведётся, морды друг другу почистили, потом все помирились, спали вповалку, потом ещё два дня гуляли. Мне там побывать не привелось, но те, кто были, долго ещё расхваливали веселье да хлебосолье печёновских хозяев. Василь, говорят, от счастья под облаками летал, а Марья была строгой, красивой, но бледной, как будто похварывала.

На второй день жених стал ещё радостнее, а невеста, теперь уже жена, ещё бледнее, как будто болезнь за ночь сильнее развилась. Но гости, в основном, этого и не заметили, а тот, кто заметил, по этому поводу лишь шуточки отпускал, мол, первая брачная ночь – молодым потеха, а сну помеха. Да не вам это рассказывать, по этой части вы мне сто очков вперёд дадите и всё равно дней на пять опередите.

– И на этом конец, что ли? – разочарованно спросил Сашка.

– Ох, и нетерпеливый ты мужик, – возмутился дед Базлай, – тебе б, Сашка, только в космонавты податься, гонялся бы на ракете по небу, шишки сшибал или себе на лбу набивал. Хочешь, так слушай, язви твою душу, а не хочешь – гуляй, другим не мешай.

Прошло три дня, свадьбу затушили, кузнец со своими родичами домой навестрился. Попрощался со сватами, с детьми, с новой роднёй, хлопнули по полстакана на посошок, уселись в телеги и с песнями выехали за околицу. Езды там, как вы знаете, часов пять не боле, так что к вечеру благополучно прибыли в свою деревню. Егору, видно, гулять понравилось, он и зазвал всю компанию к себе домой.

Вот тут-то всё и началось. Как только ввалились в ограду, разом все протрезвели, последняя дурь из головы вылетела. Такое увидели, что не приведи Господь. Прямо посреди двора, головами к калитке, лежала кузнецова скотина. У какой брюхо вспорото, у какой голова оторвана, третья как будто ножами на мелкие лоскуточки порезана,

иная просто пополам разорвана. Кровища весь двор залила. Даже куры все передушены и в кучку сложены, а с Полкана, огромная собака была у кузнеца, и вовсе шкура напрочь спущена.

Забоялись гости, потихонечку по домам разошлись, а Егор с женой заперлись в хате и всё ждали невесть чего, до самого утра их колотун колотил. Правда, за ночь ничего не произошло, все страхи напрасными были. Утром соседи появились, рассказали, кто чего видел. А видели немногие да и те всё по-разному. Одни говорили, будто стая волков набежала и чуть ли не на глазах у всех скотину перерезала, другие видели лихих людей, третьи – медведя, огромного да свирепого. Рассказы третьих людей сразу же всем в души и запали. Это, мол, тот самый медведь отомстил за свою невесту, всю скотину порешил и страху на всю деревню нагнал.

Да, чуть не забыл рассказать. Жила в нашей деревне бабка одна, звали её Ганька-слепенька. Она отродясь ничего не видела, но знала очень многое. Так вот она ещё в первый раз, когда пошли слухи про «медвежью невесту», сказала, что медведи – это не

звери, а согрешившие люди, которых или Бог или чёрт за тяжкую провинность сподобили жить в таком виде. Их поэтому и называют оборотнями.

Такое объяснение не многих успокоило. Скорее, наоборот, с медведем как бы то ни было мужики миром, может быть, и сладили, но вот как с оборотнем бороться, никто не знал. Но беды на этом не кончились. Вскоре прискакали из Печёнова два парня верхами, чуть коней не загнали, говорят, что Марья пропала. Вечером вышла во двор, как по нужде, и больше в дом не вернулась. Василь, мол, всех соседей на ноги поднял, все окрестности прочесали – никого не нашли, нам велел сюда скакать, узнать, может, Марья в Кузьминку вернулась. Искали Марью до самой зимы, власти приезжали, всю деревню допросили, стращали баб и мужиков, Василя в кутузке неделю продержали, да что толку, девка как в воду канула. Милицейские чины так в протоколе и записали, мол, не выдержав семейной жизни, Марья Евоина наложила на себя руки путём утопления в реке. На этом следствие прекратили и все по домам укатали. Один Василь ещё

надеялся сыскать жену, всю речку с бредешком облазил, да всё бесполезно, только ревматизм себе нажил. Больно уж вода холодна была.

Родители Марьины, Егор с бабой, после Рождества ездили в город, свечку за упокой дочкиной души ставили, сами слышали, как поп читал: «Упокой, Господи, душу рабы твоея Марии...» И это так жалостно им показалось, что прожили они в городе, почитай, неделю, каждый день ходили в церковь и всё плакали да просили Бога вернуть дочку.

Чудеса, конечно, случаются, но не каждый день, а как я думаю, то и не каждый год. Более того, иной всю жизнь дурака проваляет, а чуда так и не встретит. Редко кому удача улыбнётся. Вот тебе, Сашка, чуда, как ушей своих немытых, не видать.

– Это почему же? – возмутился Сашка, – что я хуже тебя что ли?

– Может, и не хуже, – спокойно ответил дед, – но душа у тебя какая-то серая, не светится. А она должна сверкать, как маяк, чудо только на свет движется, притягивается словно магнитом. А к твоей душе только

водка, табак да похабщина прилипают, да лень ещё, ты даже краеведческую быль внимательно послушать не хочешь.

— Вот привязался старый чёрт и языка не прикусит, сам пьёт и курит не менее моего, а туда же в праведники лезет.

Дед Базлай на это замечание и ухом не повёл.

— Так вот, — продолжал он, — чудо всё-таки случилось. Раненько по весне охотники завалили шатуна, как они говорили, заблудшего из урмана. Медведь был худой, с клокастой, полинявшей шерстью, но свирепый и такой огромной величины, что даже мёртвый вызывал опасение. Сам я его не видел, не в нашей деревне это было, но те, кто видели, недели две после этого по ночам вскакивали, такие страсти им снились.

Вот в это-то время в один прекрасный день Марья сама объявилась в деревне. Поначалу её никто и не узнал, люди диву давались, что это за баба такая по улице идёт: босая, в драном платье, грязная, нечёсаная — обезьяна обезьяной да ещё с малым дитём на руках. Ребёнок не то в тряпки, не то в сено какое-то закутанный, живой ли мёртвый — неведомо. Шла она потихоньку, видно по

всему, что силы последние тратила, и то сказать, больно уж отощавшая была. Полдеревни, считай, прошла, пока кто-то из баб не признал в ней кузнецову дочку. Мигом позвали Егора. Тот, как увидел такую страхолюдину, замертво и завалился. Еле соседи их обоих до дому доволокли. А дома и бабка стала помирать, кое-как их всех отходили.

На этом история про «медвежью невесту» вроде бы и кончается, но загадка так и осталась без разгадки. Сколько ни пытали Марью, она так и не сказала, где провела зиму и чей у неё ребёнок, судя по всему, она и сама этого не знала. Стала она какой-то страшной, я имею в виду, некрасивой, из дома никуда не отлучалась, с людьми не разговаривала, ни отца с матерью, ни Василя не признала. Целыми днями ребёночка на руках носила, что-то ему нечленораздельное мурлыкала. Впрочем, век её коротким оказался, уже осенью родители нашли её в постели мёртвой. От чего она почила, никто сказать не мог.

Недолго прожили и Егор с бабой, в течение года растаяли друг за другом. Похоронили их всех троих рядом, только могилы те вскорости заровнялись, и ни одна живая

душа не показала бы вам, где упокоились они навечно.

Девчонку маленькую забрали сначала в район, а потом увезли в область, наверное, росла в каком-нибудь детском доме, кто её знает. Одно скажу, что когда забирали её, она так сильно отбивалась от чужих людей, что почти всех покусала или поцарапала. Один милицкий так и сказал, отбивается, мол, прям как медвежонок, недаром, мол, и масти медвежьей.

Дед замолчал. Мужики молча переваривали эту историю.

Первым не выдержал паузу Сашка:

— Ну, дед, и мастак же ты байки травить, одного не пойму, почему ты правду никогда не рассказываешь, например, про гражданскую войну или про раскулачивание, как колхоз наш организовывался, да хоть бы про себя, какую такую жизнь ты прожил. А то мелешь нескладушки.

— А знаешь, Сашка, мне эти нескладушки как-то больше запомнились, а всё остальное стёрлось из памяти, как Марьина могила. Не было в той жизни отрады, потому и вспоминать не хочу. Да и ты навряд ли что понял бы в тех рассказах, раз сказке ума

дать не можешь.

Базлай поднялся с травы:

— Прощевайте, хлопцы. Я ж дурак старый и забыл, что бабка меня в сельмаг за солью послала. Вот ведь продукт какой, шесть копеек стоит, а щи без него невкусные, вроде и наваристые, а есть не хочется. — Он помолчал. — И сказка тоже вроде ничего не стоит, а жизнь без неё пресная. Так что ты зря ругаешься, Сашка, я на данный момент для вас вроде сельмага. Вот оно, какое дело.

Деньги

Если вы не бывали в наших местах, то и чудес не знали. Был у нас один случай. Проживал на селе мужик Фёдор Тагаков. Жил он одиночно: землю пахал, скот разводил, в огороде ковырялся. Семья его была небольшая, кроме самого, ещё жена да дочка. Работали они дружно, летом так от зари до зари, зимой тоже раньше времени на печь не залазили. Может быть, поэтому и жили не в бедности. На столе всегда тарелка со щами была, иногда и хлеб с маслом появлялись. Известно, что у бездельников в то время,

кроме лебеды да крапивы в брюхе ещё вода плескалась.

Крепко работали Тагаки. Может быть, лет через десяток они бы и выбились в люди, если, правда, не надорвались бы, но тут колхозы образовывать стали. Фёдор, чтобы не раскулачили, записался тоже, свёл с подворья скотину, отдал лобогрейку и инвентарь, даже шубу пожертвовал бедняцкому комитету. В общем, остался гол как сокол, но за то не тронули его босяки, оставили в родной деревне.

Жена его в полном согласии с мужем была, а вот дочка Настасья затаила обиду на всех: и на колхозников, и на родителей. Больно ей не понравилось голодраной ходить. Стала она людей сторониться, то больной сказываться, то уставшей. На вечерках не появлялась, с женихами не якшалась, всё больше ковырялась по дому.

В то лето, как в Серебрянке колхоз образовался, с Настей эта история и приключилась. Я вам, честное слово, уже и не скажу, кто её первый рассказал, может, бабы как-нибудь из Настасьи вытянули, может, кто подсмотрел или подслушал, не это важно. Однажды пошла девка по ягоды, в то

лето клубника как никогда уродилась. Пришла на поляну, не успела согнуться, видит — мужик ходит неподалёку, вроде как ягоду рвёт. Увидел Настасью, пошёл в её сторону. А та немного напугалась — мужик-то незнакомый. Подошёл он поближе, девичья душа сразу же и растаяла — больно уж мужик славный был: и высокий, и красивый, и одет с иголочки по барской моде. Мечта, да и только.

Подошёл он к ней и ну девку обхаживать, речи всякие завёл с обольщением да с намёками, обещанья всякие давать начал, а когда до больших денег дошёл, Настасья тут, видно, и не устояла. Продала девичью честь. Что уж между ними было, одному Богу известно, но деньги она получила и не простые деньги.

Встала она с земли, отряхнула платье, волосы поправила, посмотрела туда-сюда, никого нет. Мужик, как сквозь землю, провалился. Погрустила немного, потом плюнула на всё и засобиравалась ягоду брать. Взялась за корзинку, а поднять не может, поглядела она вовнутрь и обомлела. Корзина доверху золотыми монетами насыпана и даже несколько из них на траве валяются. Тут

Настасья и ахнула. Что же делать? Как всё это богатство домой утащить. Сунула она корзину под куст, нет, видать её отовсюду, стала в землю закапывать, пальцы в кровь изодрала, ногти поломала, а дело с мёртвой точки не движется, всё корзина не прячется. Села она тогда в кустах задом на корзину, юбку вокруг подоткнула и стала ночи дожидаться. Как только появились первые звёзды, потащила по темноте золото. В конце огорода среди картошки зарыла его, вымыла в кадушке руки и ноги да спать завалилась.

Однако не всё так просто. Вроде и намаялась, а сон проклятый не идёт в глаза. Уж она и быков считала, и колыбельную себе пела, да всё без толку. Чудится ей, что кто-то чужой идёт по огороду, спотыкается о куст картошки, падает и попадает руками в аккурат на золото. Подскакивает Настасья, переводит дух, снова прикладывается к подушке, и снова мерещится ей, что отец рано утром идёт по огороду и случайно натывается на клад. И снова подхватывается она, снова терзают душу сомнения. Наконец, не выдержала девка, поднялась с постели, накинула на голое тело халат и побежала в огород клад перепрятывать. Зарыла его в

дальнем углу за баней. Легла спать, но снова не спится, не нравится ей новое место, кажется, что все окрестные мужики сбегаются к бане, тычут лопатами в землю и ещё не добытый клад меж собою делят.

Так она, почитай, всю ночь и пробежала. Утром мать поинтересовалась:

— Что это тебе не спалось нынче?

— Да, живот крутило, видно, ягоды в лесу переела.

— А где ж твоя ягода?

— Не нашла хорошей поляны, а рвать зелепупки всякие, не стала.

Покачала мать головой с сомнением, да сказать ничего не сказала — девка уже взрослая, себе на уме. Может, кто и отвлѣк от работы. Хорошо бы парень какой, смотришь к зиме и свадьбку справили. Тут отец подошёл:

— Хватит, бабоньки, языками чесать, пора и работу начинать, мы с матерью на покос, а ты, дочка, хозяйством занимайся, с завтрашнего дня и тебе выходить на работу велели, так что воли у тебя последний день.

Еле дождалась Настасья, когда родители со двора ушли. Кинулась она клад смотреть, на месте ли. Выкопала его из зем-

ли, хотела монеты пересчитать, да побоялась, вдруг, кто-нибудь в гости зайдёт, увидит и пойдёт молва по всей деревне, начальству донесут, а те непременно денежки приберут к рукам. У начальства, известно, руки липкие до чужого добра, а на золото у него и чутьё собачье, и слух. Чуть только послышится звон, так денежки из твоего кармана вон.

Стала Настасья снова деньги прятать. Разделила их на несколько частей и спрятала по разным местам, так, мол, надёжнее будет. Если и найдёт кто, так только самую малость. К обеду кое-как управилась, что в подполе зарыла, что в погребке спрятала, что на чердаке, что в землю закопала. Села она отдохнуть, но не тут-то было, снова сомнения одолевать стали: «А вдруг отец полезет в погреб да наткнётся на заглашник, станет пытаться, откуда, мол, деньги такие взялись. Я хоть и промолчу, да отец молчать не станет, донесёт властям, а те уж всю землю перероют, дом по щепочкам разнесут, но золото отыщут. В десяти местах-то клад проще отыскать, чем в одном, как это я сразу не додумалась».

Бросила Настасья всё, стала деньги из

потаённых уголков доставать и в одно место перепрятывать. Нашла она его под печкой. Лаз под неё узкий, мать никогда в него пролезть не могла, а отец, даже если бы смог, не полез. Вырыла она в дальнем уголке ямку поглубже, ссыпала в неё золото и вроде бы успокоилась. Пошла домашними делами заниматься. Прошло времени всего чуток, а Настю вновь сомнения одолевают. Вспомнилось, что отец обещал матери нынешним летом печь подремонтировать, а ну как дело сладится, и наткнётся отец на денежки. Начнутся разговоры, расспросы, я, конечно, ничего не скажу, но отец обязательно начальству донесёт, а оно мне-то ничего не оставит.

Кинулась она снова золото перепрятывать. Так до самого вечера маялась, пока родители с работы не вернулись. Помылись они, поели и спать улеглись, завтра, мол, ни свет, ни заря всей семьёй из дома уходить, отдохнуть получше требуется. Настя тоже в постель забралась, но вот беда не идёт к ней сон, мысли только об одном: надёжно ли деньги спрятаны, да или нет, а вдруг, кто случайно наткнётся на клад, что будет, что будет?

И поселился в её душе страх, стала она всего бояться, особенно родителей. Как бы они не разгадали её тайну, как бы не отобрали деньги, как бы её богатство не уплыло к другим людям. С такими мыслями и пошла её жизнь.

Родители вскоре заметили, что Настя стала, не такая как прежде, замкнулась в себе, о чём-то напряжённо думает, на вопросы отвечает невпопад, ночами не спит, с боку на бок ворочается. Решили они, что признак это явственный – влюбилась девка, теперь только надо сватов ждать. Хотя и сомнения брали, если уж так влюбилась дочь, то почему она вечерами из дому не выходит, ни вечёрки, ни посиделки её не интересуют, с подругами не встречается, не шепчется, не хихикает. Мать как-то высказала предположение:

– Ох, отец, чует моё сердце, что с дочкой нашей что-то не ладное деется. Боюсь, что влюбилась она не в парня, а в женатика какого-нибудь. Потому и на вечёрки не бегает, потому и с подругами не шепчется. Как бы нам позору через неё не нажить.

Покряхтел Фёдор, почесал пятернёй затылок, как все мужики в таком случае де-

лают.

— А ты бы, мать, побеседовала с ней, смотришь, она чего-нибудь скажет, а мы на ус намотаем, а там уж решим, что дальше делать.

Беседовала мать с Настей и не один раз, только толку от этих бесед никакого не вышло. Упёрлась, никого, мол, не знаю, никого, мол, не ведаю и, вообще, не привязывайтесь ко мне, у меня у самой ума палата. Побились родители, да и отстали, пусть сама свою жизнь устраивает, а Настасье только этого и надо. У неё о замужестве даже и мыслей не появлялось, поскольку через это дополнительные хлопоты на её голову выходили. Сейчас золото только от родителей прятать приходилось, а тогда ещё и от мужа надо будет хорониться, а не дай Бог дети пойдут.... От них вообще ничего не скроешь.

Постепенно тревога уходила из Настиного сердца, а всё чаще на смену ей приходило чувство радости за богатство, какое-то удовлетворение, даже теплота и любовь к золоту. Иногда, укладываясь в постель, она брала с собой несколько монет, укладывала их себе на голое тело, и они со-

гревали и успокаивали, и такое блаженство накатывало на неё, что не каждая замужняя баба может похвастать подобной радостью.

Однажды в их семью наведалась беда, захворала мать. Сначала она не придавала значения появившейся слабости, но постепенно та усилилась, стала мешать жить и, наконец, дополнилась сильными, а потом и невыносимыми болями. Приглашали бабку, Ганку-слепеньку, та пощупала болезную, поговорила с ней и приказала вызывать фельдшера. А фельдшер был всего один на весь район, но, правда, как-то расстарался и приехал к Тагаковым. Он тоже осмотрел женщину, поговорил с ней и посоветовал свезти в областную больницу, поскольку в данном случае без операции не обойтись.

Слово — дело. Засобирился Фёдор в Новосибирск, засуетился. К начальству пошёл, так, мол, и так, жена помирает, надо бы как-то в город доставить. Начальство, конечно же, тоже расстаралось, пообещало сразу же после уборки лошадь дать, чтобы больную до райцентра довезти, Фёдора на три дня с работы отпустить. Правда, денег не пообещало, да и сказать по совести, какие такие деньги в колхозной кассе были, не бы-

ло их ни в каком виде. Некоторые колхозники их целыми годами в руках не держали, да что там держали – не видели, а кто и видел, так забыл, как они выглядят наяву. Не было денег и у Фёдора. Жалко ему было жену, он бы рад свезти её в город, но всё не получалось. Два или три месяца собирался, деньги по людям выпрашивал, а когда насобирали немного, жена не выдержала мук и отошла к Богу, царство ей небесное.

Деревенские долго поминали покойницу добрыми словами, женщины плакали над её мученической смертью, ревела на людях и Настасья, но, когда оставалась в доме одна, слёзы её просыхали, через весь лоб пролегалла глубокая морщина, как знак сомнений и небесспорных раздумий. Чем дальше отодвигалась кончина матери, тем увереннее в своей правоте делалась Настасья, тем радостнее становились её встречи с деньгами. По ночам она раздевалась донага и купалась в золоте, испытывая при этом те же чувства, что и при встрече с мужчиною. В такие минуты она даже вроде как радовалась смерти матери, мол, одним соглядатаем меньше стало. Отец-то в её постель или бельё не полезет, так что теперь с золотом

можно чуть ли не в открытую спать.

Прошло несколько месяцев, и надумал Фёдор жениться. Надо понимать, что крестьянствовать одному мужику тягостно. Приглядел он вдовушку из Кузьминки, Агафью, что за Иваном Савельевым была. Полюбилась она ему, да и он бабёнке тоже. Ну, и порешили сойтись. Первым делом, надумали в известность Настю поставить. Как-никак отец не только себе жену подбирает, но и мачеху дочери.

Когда Агафья почему-то в чём-то засомневалась, Фёдор поспешил её успокоить:

– Да, что ты, Агафья, Настасия – девка умная, она всё поймёт, примет тебя, как родную.

Вечером как-то они и подались к ней на совет. Не знаю, как и рассказывать про него, потому что про этот совет знает весь белый свет. Отчехвостила Настасья Агафью да с позором из дома выгнала. Та выла дома недели две, стеснялась на люди показаться. Не знаю точно, но кажется, она и до смерти самой не пришла в себя. Фёдор попытался другую бабу в дом привести, но и ту дочка на порог не пустила. Закручинился Фёдор, запил горькую, да в скором времени и помер

под забором. Похоронили его чужие люди, Настя даже копейку из своих сокровищ не выделила.

С той поры она уже никого и ничего не боялась. В её дом никто не ходил. Ни одна соседка, даже если была крайняя нужда, к Насте пойти не осмелилась бы. Люди смотрели на неё и диву давались: куда её красота да сила деваться стали. С каждым годом она увядала скорее своих сверстниц: Манька, вон, Савелова-то до сих пор жива, мужиков ещё, что постарше, к себе притягивает. А ведь на год-два старше Настасии будет. Да и другие бабы не на одре лежат. Знать и вправду не всё возраст решает, есть и ещё что-то на свете.

О многом говорят люди, но многого они и не знают. Не знают они, что Настя сама себе на уме: и старится она не от заботы или трудов, а по своему разумению. И одета она в рваную да грязную одежду не от бедности, а тоже по своему умыслу. Думает она, что к старой да нищей никто в дом не пойдёт, никто ничего не попросит. Вот и ест она то, что собаки в рот не берут, и одевает на себя то, что даже чучелу одеть стыдно.

Прошли годы. Всё старше делалась

Настя, ветшало и всё её достояние. Поко-
сился и покрылся лишайником дом, местами
настолько врос в землю, что подоконники
сравнились с ней. Тёс на крыше потемнел,
многие доски прогнили и чуть ли не сверну-
лись в трубочку. Печная труба уже рухнула,
и в редкие дни, когда топились печь, дым
шёл прямо из-под крыши, что очень волно-
вало соседей. И вообще соседи часто гово-
рили о Насте, но пойти к ней и высказать
свои претензии боялись, все чуяли нутром,
что вертится вокруг неё какая-то нечисть.

Марфа Бурбилова как-то Нюрке Кон-
дратовой рассказала, что приходил к Насте
мужик, видный собой, одет по барской моде,
в общем расфуфыренный такой. Видно, бо-
гатый. Зашёл он к Насте в дом и долго не
выходил. А когда появился вновь, то так
расстарался, что Марфа и не заметила, в ка-
кую сторону он подался. Вот, прям, как ту-
ман растаял, или как в воду канул. Она
крестилась и клялась Отцом и Сыном и Свя-
тым духом. Правда, никто сильно-то ей и не
поверил, потому что Марфа любила принять
рюмку-вторую на грудь, а потом нести око-
лесицу. Хотя некоторые всё-таки засомнева-
лись, потому что уж больно Настасья

походила на чёртову невесту, которые, как всем известно, не ладят с людьми, не любят божьих праздников, не радуются жизни и, практически, не живут, умирают, так сказать, во здравии.

Кто-то из соседей пожаловался на Настю в милицию. Приезжал, по чести сказать, участковый, он у нас один на несколько деревень, заходил в Настасьину избу, но уже минут через пять вышел, плюнул в сердцах в сторону, перекрыл кого-то матом и несколько месяцев после этого не появлялся в деревне. Даже когда Мишка Ключок пырнул по пьянке ножом Стёпку Гращенко, он не объявился.

Приезжал какой-то капитан из района, постращал мужиков, допросил их, а когда те поинтересовались судьбой участкового, тот прямо сообщил, что, ваш Пинкертон, мол, сильно захворал по неизвестной причине. Вот и подумайте с чего бы этому надо случиться.

Но, как каждому известно, судьбы человеческие никому не известны. В один из зимних дней ненамного позже только что описанных событий умерла Настя. Честно сказать, почти каждому дураку было ясно,

что у почившей одиночки должны были быть какие-то загаченные деньги. Все пьянчуги в течение двух-трёх часов побывали у неё. Поискали по пустым углам, в постельном рванье, в одёжных лохмотьях, но... к своему разочарованию кроме дохлых пауков да еле живых уховёрток ничего в доме не отыскивали.

Нашлись в деревне старушки, которые обмыли покойницу, обрядили в более-менее чистое бельё, уложили в гроб, который по доброте душевной смастерил Сашка Карасёв, да проронили, как требует того обычай, несколько слёз. Прасковья Селезнёва прочитала ли, пропела ли молитву за упокой, Кондрат Вальтер подогнал лошадку с санями, мужики кое-какие погрузили гроб и уже через пятнадцать минут опустили его в неглубокую могилу. Так и завершился земной путь Настасьи Тагаковой.

Ну, вот, казалось бы, и всё рассказал про неё, но... Сам я, конечно, на похоронах не был, а люди, позже уже, мне рассказывали. Марья Савельева, например, говорила, что когда тело Настасьи внесли на кладбище, поднялся сильный ветер, и не ветер даже, а настоящая буря. Он сбивал людей с

ног, ломал ветки деревьев и выл, как будто потерял родную мать или хотя бы бабушку. А Марья Чепуштанова, божилась, что видела неподалеку от могилы высокого незнакомого мужчину, старомодно одетого в какой-то буржуйский наряд. Он, говорит она, не плакал, не делал скорбного лица, а улыбался, словно ожидал какую-то награду за хорошо сделанную работу. Видели этого мужчину и ещё несколько женщин, многим он показался знакомым, но никто из них не вспомнил, в чём это знакомство проявлялось.

Долго ещё судачили про Настю деревенские бабы, но жизнь была интереснее всех чертовских наваждений. Старики и старухи потихоньку покидали этот свет, переходили в иной мир, дети рождались один за другим, росли как грибы, вместе с ними росли проблемы, которые или решались в одночасье или превращались в трудноразрешимые задачи, которые переходили в наследство детям, внукам и даже правнукам.

К счастью, в Серебрянке начальство оказалось на зависть людям из соседних сёл расторопное. В течение десяти лет оно сумело наладить достойную жизнь односель-

чанам. Обеспечило всех жильём, работой, провело водопровод, зарплата позволяла покупать машины, мотоциклы, телевизоры, другую технику. Женщины стали наряжаться на уровне городских модниц, ребяташки ели мороженое и слушали транзисторные приёмники. Кстати, песни Владимира Высоцкого в деревню не запаздывали.

Как-то на заседании рабочего комитета приняли решение: поскольку на усадьбу Анастасии Тагаковой наследников не нашлось, надо её дом в виду его особой ветхости снести, а на этом месте построить новый двухквартирный. Работы начались в этот же день. Мужики старались. Для себя, ведь. Вовка Гавриш, молодой парень, ещё не совсем опытный бульдозерист, не торопясь, сдвинул полуразваленный сруб подальше от будущей строительной площадки. Трактор работал почти без натуги, лес старой постройки прогнул настолько, что практически не имел веса. Оттолкнув брёвна в сторону, он принялся за планировку будущей стройплощадки.

Лопата бульдозера немного опустилась вниз, мотор зарычал, гусеницы на секунду пробуксовали, но тут же прытко

потасили железную махину вперёд, увлекая с собой тонкий слой грунта, который бы, несомненно, мешал строительству нового дома. За работой молодого тракториста наблюдала толпа ребятишек и несколько взрослых мужиков и баб, которым в этот тёплый день, видимо, нечем было заняться.

Трактор протасился вперёд, сдал назад, принял чуть левее и снова вперёд, и вновь назад, снова вперёд. И в этот момент кто-то из ребятишек истошно запищал:

– Смотрите, смотрите!

Он чуть ли не наскочил на трактор, показывая пальцами на гусеницы и припадая животом на землю.

– Смотрите, что я нашёл!

Пацаны и взрослые мужики мигом примчались на зов и, увидев находку, остолбенели. Перед ними стоял довольно объёмистый горшок, доверху заполненный монетами. Остановив трактор, подошёл и Вовка Гавриш.

– Пацаны, не трогайте деньги, не дай бог они золотые, греха тогда не оберёмся. Надо их в сельсовет сдать. Сгоняйте лучше до Агафонова пусть он это дело и разгребает. Как никак, а он всё-таки государствен-

ный человек.

Вовка присел на землю, закурил, и в этот миг горшок выпал из его поля зрения. А толпа зашумела, закричала, и, вдруг, началась такая отчаянная потасовка, что чуть не затоптала молодого мужика.

— Вы что очумели? — закричал он на ребятишек, стал разгонять их.

Но не тут-то было, народ прибывал, в драку ввязались взрослые парни, мужики, даже одноногий дед Прохор ругался матом в толпе и бил кого поподя своим тяжёлым костылём.

Драка закончилась также быстро, как и началась. Сначала успокоились мужики, пряча друг от друга глаза, они по одному стали расходиться по домам, затем притихла молодёжь. Через минуту возле горшка остался один тракторист, он выдернул его из земли, заглянул внутрь, на дне его поблёскивало несколько монет.

Едва Вовка перевёл дух, появился председатель сельсовета. Он забрал горшок, запихнул в свой «Москвич» Гавриша и на предельной скорости помчал в райцентр. Через два часа их уже допрашивали областные гебешники. А ещё через два часа все

они в полном составе появились в Серебрянке.

Как вы думаете, отыскиались Настины монеты в деревне или нет? Отыскиались. После недолгих разговоров с каждым жителем села в отдельности, горшочек чудесным образом вновь наполнился монетами до краёв. Суровые следователи уложили собранные трофеи в обитый железом сундук и в одночасье исчезли из поля зрения.

Прошло больше года после этого события. Однажды вечером мужики расселись на брёвнах возле сельмага, выпили граммов по двести водочки и разговорились о том, о сём. Вот тогда кто-то из них и поинтересовался:

— А интересно, что это за монеты такие были, наши или нет?

— А кто их знает, — мужики пожимали плечами, беспомощно разводили руками, — скорей всего, их никто и не разглядел. Всё как будто во сне было, будто хмель в голову ударил или бесовское наваждение охмурило.

— Да...да...

— А я знаю, — вдруг негромко сказал Мишка Игнатов. — Мужики вмиг замолчали и уставились на него. — Знаю, не наши это

монеты, иностранные, на них всё не по-русски написано.

— Да врѣшь ты, — махнули на него мужики.

— А вот и нет.

Мишка сунул руку в карман и торжествующе показал мужикам золотую монетку.

— Вот, зажил ли одну. Вон и надписи на ней, все не по-нашему.

Мужики опасливо осмотрели заморскую диковину и как-то потихоньку растворились в воздухе. Уходили по одному, не прощаясь.

Назавтра Мишку Игнатова вызвали в сельсовет, оттуда в район, а потом и в область. Вернулся он домой только через несколько лет, продал свою хатёнку и, ни с кем не простившись, ушёл из деревни.

Не зря, видно, боялась Настя, что увидит кто-нибудь её денежки и пойдёт молва по деревне, властям донесут, а те непременно их приберут к рукам. У них, известно, руки липкие до чужого добра, а на золото у них и чутьё собачье, и слух. Чуть только слышится звон, так денежки из твоего кармана вон.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Шаман

В ту ночь небо было беспокойным. Молнии раз за разом разрывали его чрево, грохоча на всю округу раскатистым громом. Лесная чаща ёжилась под натиском ветра, прижималась к земле, словно перепуганный заяц, громко роптала на непогоду и от волнений и нервной дрожи роняла на землю неокрепшие и ещё ничего не понявшие в этой жизни ветки. Люди племени Волка тоже тряслись от страха и прятались в хижинах, разбросанных на огромной поляне.

И только Авв ничего не видела и не слышала. Она рожала. Женщина лежала в своём углу хижины на старой волчьей шкуре, которую ещё два года назад ей принёс вождь Гуру. По обычаю племени этот подарок позволял ему овладеть молодой девуш-

кой и сделать её зависимой от него. Гуру был молодым вождём, смелым и удачливым охотником, добывшим не один десяток волчьих шкур. Каждая из них давала право на молодую девушку или вдову – жену, погибшего в бою воина или же не справившегося с диким зверем охотника.

Авв была странной женщиной. Во-первых, она никогда не интересовалась мужчинами, что уже само по себе было странным для племени, где девочки, едва выбравшись из пелёнок, с радостью становились добычей удачливых охотников, победивших в рукопашном бою волка; во-вторых, она никогда не общалась с женщинами, не обращала внимания на детей, не делала ничего из того, что делали остальные люди племени. Целыми днями она сидела в хижине, глядя в одну точку перед собой, и глухо по-волчьи огрызалась, когда кто-нибудь из соплеменников приближался к ней.

Кормила её старуха Вив, которой уже исполнилось не менее сорока зим и которая сама была не менее странной женщиной. Откуда в её хижине взялась Авв, уже никто не помнил, в том числе, наверное, и хозяйка.

И вообще люди племени Волка не интересовались девушкой. За много лет ни один охотник не решился подарить ей волчью шкуру. И только вождь племени, помня старые обычаи своего народа, по которому все женщины должны рожать детей, в один из холодных вечеров принёс ей свой охотничий трофей.

Брак, роды, болезнь и смерть в то время не являлись чем-то особенным, всё это по жизни сопровождало людей, становились обыденными явлениями. Для них более значимыми событиями были голод, еда и огонь, согревающий покрытые редкой шерстью тела.

Нет, не даром бушевала гроза, не зря, словно сумасшедшие, метались в темноте молнии, не просто так пугал всё живое самый страшный зверь – гром, свершилось всё-таки непоправимое. После долгих мучений Авв родила мальчика, но сама, то ли от ужасной боли, то ли от сознания выполненного долга, тут же ушла в далёкий мир предков, которые терпеливо ждут в чужих краях своих родичей. Они так славно приветчают гостей, что те задерживаются у них на долгие и долгие годы, не желая возвра-

щаться домой.

Мёртвых женщин племя не хоронило. Их относили на волчьей шкуре в лес, засыпали сухими листьями и ветками и навсегда забывали. Это было справедливо, потому что в племени оставалось много других женщин, которые тут же занимали места умерших.

Авв унёс в лес Гуру. Скорее всего он не питал к ней каких-либо чувств, в то время люди ещё не знали любви и привязанности. Просто в нужный момент он оказался рядом с хижинкой Вив раньше других мужчин. А может быть, он помнил, что волчья шкура, на которой почил Авв, была его охотничьим трофеем. Не думал он и о судьбе сына. Однажды, взглянув на него, он понял, что охотника с этого мальчугана не получится, и племя с его рождением ничего для себя не приобрело. Больше в хижину Вив Гуру ни разу не заходил.

С той поры минуло много лет. Старуха Вив звала мальчика Боби. Никто из соплеменников не знал, да и не хотел знать о судьбе этого ребёнка. Люди видели, что у старухи Вив есть детёныш, знали что он никогда не станет охотником, никогда не будет

защищать племя в войне, не вырастет настоящим мужчиной. Скорее всего он не добудет волчью шкуру и не сможет спать на ней с понравившейся ему женщиной. Беда мальчишки заключалась в том, что он от рождения не мог ходить. Ноги почему-то не слушались его, они были коротенькие, вялые и сухие, как валежные ветки, которые только и годятся в пищу вечернему костру. Боби мог лишь немного ползать, поэтому целыми днями сидел на берегу ручья, который протекал рядом с хижинкой Вив, бросал в воду камешки или же чертил тонким прутиком на песке какие-то непонятные рисунки.

Однажды мужчины племени Волка собрались на охоту. Надо сказать, что тот год для охоты был неудачным. Злодейка засуха иссушила землю. Трава пожелтела, и даже деревья, страдавшие без воды, в отчаянии сбросили с себя зелёные наряды. Дикие звери, в том числе и олени, ушли из леса поближе к Дальним озёрам, где всегда можно было найти воду и убежище от неумолимого зноя.

С тяжёлым сердцем вышли охотники из дома. Путь их пролегал мимо хижинки

старухи Вив. Впрочем, на это никто из охотников не обратил внимания. Шли они молча, понуриив головы, так что ни один из них не заметил сидящего на берегу высохшего ручья небольшого мальчугана, который что-то увлечённо рисовал на песке тонким прутиком. Он тоже не смотрел на охотников, они интересовали его ровно столько, сколько далёкие облака или чирикающие поблизости желтобрюхие птицы.

Гуру, как и остальные мужчины, безразлично проходил мимо. Мозг вождя был всецело занят предстоящей охотой. Как добыть оленя, как накормить племя, где взять силы для предстоящего похода к Дальним озёрам? И всё-таки что-то заставило вождя остановиться возле ребёнка, то ли зов крови, то ли неизвестно откуда взявшееся любопытство. Впрочем, его поразил не сам мальчик, а тот рисунок, который он выводил на песке. Гуру ясно увидел на берегу бегущего оленя. Вот его ноги, высоко задранные в беге, вот голова с громадными рогами и широко раздутыми ноздрями, вот пятнистое тело. Это бежал не телёнок и не глупая самка, а матёрый зверь. Такого бы хватило, чтобы несколько дней кормить слабеющее от голо-

да племя.

Вождь громко хмыкнул. Шедшие впереди охотники остановились и нехотя вернулись назад. Ну, что интересного нашёл вождь в мальчишке? Кому нужен этот урод, который никогда не станет охотником?

Но вождь позвал, и мужчины столпились вокруг рисунка. Эти незамысловатые каракули удивили и их. Почти каждый вдруг увидел того оленя, которого он надеялся поразить своим дротиком. Да-да, вот он скачет мимо деревьев и широким шагом идёт через поляну к густому кустарнику, ещё не зная, что там-то и находится удачливый охотник с незнающим промахов дротиком. Рогатый красавиц уже подбежал к кустам, как, втянув широкими ноздрями лесной воздух, почувствовал своего извечного врага, остановился, потом сделал высокий и красивый прыжок, чтобы уйти в сторону. Но в этот миг острое жало грозного оружия уже вонзилось ему в бок, прервав и бег, и прыжок, и самую жизнь.

Несколько мгновений стояли охотники, напряжённо всматриваясь в рисунок, с трудом усваивая увиденное. И вдруг все отпрянули назад, потому что молодой охотник

Яго, издав воинственный клич, резко взмахнул рукой и ловко пущенный дротик, пролетев над головами опешивших сородичей, поразил нарисованного оленя точно в шею. Ах, если бы такой бросок да в лесу! Сконфуженный Яго (молодо-зелено) выдернул из песка дротик, разровнял рисунок ногой и побежал догонять ушедших уже вперёд товарищей.

Охота в тот день завершилась быстро. Не успели охотники пройти первый лес, как перед ними выскочил олень с огромными, как на рисунке у Боби, рогами. Он на секунду замер перед людьми, как бы размышляя в какую сторону сделать прыжок, а в это мгновенье дротик, пущенный ловкой рукой Яго, уже вонзился в его выгнутую дугой шею. Олень удивлённо глянул в сторону, как бы пытаясь найти взглядом своего обидчика, и не сделав ни единого шага рухнул обиженной мордой в редкую траву. Яго издал победный клич, все охотники тут же подбежали к издыхающему оленю и в изумлении замерли перед ним. Всё, что увидели они, напоминало картину на берегу ручья. Тот же олень, тот же его бег, тот же дротик молодого охотника Яго в шее рогатого кра-

савца. Вечером племя пировало. Все хвалили удачливого Яго, мужчины рассказывали о его подвиге, девушки поглядывали на молодого красавца и многие из них мечтали о том, чтобы именно он принёс ей когда-нибудь волчью шкуру. Мяса хватило всем, и даже жалкий и беспомощный Боби довольно мурлыкал, грызя брошенные ему кости.

А утром охотники вновь отправились в лес. Вдохновлённые вчерашней удачей они бодро шагали по сухой траве, время от времени останавливаясь, шумно втягивая ноздрями знойный воздух, прислушиваясь к редким шорохам и озираясь по сторонам. Всё напрасно. Казалось, что лес умер и уже никогда не возродится. Гуру присел на землю, охотники устало опустились вокруг него. Надо было возвращаться домой, чтобы завтра уходить к Дальним озёрам. Долгий туда путь, не всем он по плечу, были случаи, что некоторые охотники не находили обратной дороги и вместо дома попадали в гости к своим предкам.

Едва солнце плеснуло на землю пригоршню светлых своих лучей, мужчины уже заторопились в поход. Сегодняшний их путь вновь пролегал рядом с хижинкой Вив. Не-

смотря на раннее утро, её заморыш Боби уже сидел на берегу высохшего ручья и чертил на песке свои замысловатые рисунки. На этот раз перед ним затевали гонку два крупных рогача, каждый из которых мог бы стать желанной добычей для столпившихся вокруг него голодных людей. Охотники молчали, их ещё не совсем развитый мозг с трудом переваривал не совсем обычную информацию. Картинка на песке почти никак не связывалась с реальностью, эти олени и те настоящие, из мяса и крови, жили в разных местах и в разных измерениях. Одни на песке, другие в лесу.

И всё-таки какая-то смутная догадка, словно маленький лучик света, стала будить спящие души охотников. Первым издал боевой клич Гуру, за ним, разрывая до боли первобытные глотки, закричали его товарищи. Десяток дротиков, как пчёлы, впились в плоть нарисованных на песке оленей, сразив их наповал. Оба рогача, хрипя и обливаясь кровью, остались лежать на песке, а охотники, подобрав свои дротики, уже шагали по тропе к лесу.

И вновь удача поджидала их. Ещё солнце не успело как следует раздуть свой

костёр, а олень уже валялся на земле, сражённый несколькими дротиками. Откуда он появился, не заметил никто, никто не услышал тяжёлого дыхания зверя, не почуял его сладкого запаха, но метнуть своё оружие успели многие.

Возвращение домой было радостным. Всё племя встречало своих кормильцев весёлыми криками и безумными плясками. Вскоре задымились костры и уже через мгновение растерзанная на куски туша жарилась в пламени и на горячих углях. Племя пировало. Жалкий Боби тоже был тут. Он ждал, когда кто-нибудь из взрослых соплеменников бросит ему объединенную кость, чтобы дочиста обгрызть оставшиеся на ней кусочки мяса. Когда охотники наедались досыта, они не жалели костей, довольно урча, бросали их детям, и радостно гоготали, наблюдая, как те дерутся меж собой за эти жалкие крохи.

Гуру тоже швырял кости на землю, вместе со всеми смеялся над проделками детворы и был счастлив счастьем дикого зверя. В данный момент он здоров, сыт, никто не мешает отдыхать, у него много волчьих шкур, на которых его готовы принять

женщины. Но вдруг его взор остановился, вернее, запнулся на мальчишке, который хорошо рисовал оленей, и что-то вроде благодарности за это возникло в его сердце. Он взял большую не обглоданную кость и кинул её художнику.

Следующий день начался со сборов на охоту. Друзья Гуру встали, как всегда, рано, когда солнце ещё не начинало обход своих владений на небосводе. Кто-то осматривал и приводил в порядок оружие, те, кто постарше, спокойно сидели на земле, дожидаясь команды, молодёжь время от времени затевала перебранку или же возню, показывая свою силу и удаль.

Наконец из хижины вышел Гуру. Вождю племени не подобало появляться на сборе первым, ибо у него имелись и другие не менее важные дела. Так велось испокон. Вождь появляется последним, но говорит первым. Но сегодня он молчал, молчали и воины. Никто не трогался с места, какая-то недосказанность повисла между друзьями в воздухе. Все словно ждали первого шага Гуру. Куда поведёт он? К лесу или к ручью, на берегу которого маленький жалкий мальчишка рисует удивительные рисунки, кото-

рые приносят на охоте удачу. Вождь постоял несколько мгновений и вдруг решительно зашагал в сторону хижины старой Вив. Охотники, подхватив своё снаряжение, с видимым облегчением поспешили за ним. В глазах их светилась надежда.

Однако на берегу ручья мальчугана не было. Мужчины столпились у того места, где он обычно рисовал своих зверей, переступали с ноги на ногу, не зная, что надо делать в такой ситуации. И только Гуру, приказав всем дожидаться его на месте, чуть ли не на коленях забрался в ветхую хижину Вив. На куче сухих веток в дальнем углу лежала такая же сухая и сморщенная старуха, по ней ползали жирные зелёные мухи, словно радуясь славной поживе. Здесь же сидел и бледный худосочный мальчуган. Он охранял мёртвое тело, потому что выполнить обряд – унести умершую женщину на волчьей шкуре в лес он не мог, не мог и оставить покойную без присмотра, чтобы добраться до ближайших соседей и сообщить про старуху Вив, которая собралась в гости к своим предкам.

Гуру завернул покойницу в шкуру, вынес её из хижины и передал молодым

охотникам, которые бесцеремонно потащили свёрток в ближайшие заросли. Сам же вернулся назад, чтобы забрать мальчишку. Вождь донёс его на руках до берега, усадил на песок, сунул ему в руку сухую веточку. Оставшиеся без дела воины приблизились к ним и с любопытством и даже с недоумением стали наблюдать за таинством превращения ровной поверхности песка в удивительную картину охоты на дикого зверя.

Вначале появилось громадное туловище, состоящее из целой горы сочного мяса, затем быстрые и сильные ноги, и, наконец, краса и гордость оленя – могучие рога. А в стороне, на прошлых рисунках этого ещё не было, группа охотников из племени Волка. Они узнавались по волосам, собранным на затылке в огромные хвосты, и коротким дротикам, которые уже были нацелены на бегущего оленя.

Раздался охотничий клич, и вновь настоящие дротики настоящих охотников поразили нарисованного на песке зверя. И снова мужчины племени уходили в лес с глубокой верой в успех, с надеждой на богатую добычу.

Прошло много лет. Племя Волка не затерялось в просторах истории. Хилый больной мальчуган уже давно вырос, окреп, и только слабые ноги не позволяли ему стать настоящим охотником. Но это никого не смущало, потому что ни одна охота уже не обходилась без него. Племя давно ощутило связь между убийством нарисованных зверей и их свободно разгуливающих в лесу сородичей. Теперь Боби жил в новой, специально выстроенной для него, хижине, доволь ел лучшие куски мяса. И только женщины были не доступны ему. Он не имел права без волчьей шкуры зайти в чужую хижину, чтобы выбрать себе жену, потому что никакая женщина, по древним обычаям племени, не должна была спать на ложе, приготовленном другим мужчиной.

Вначале это не очень беспокоило Боби, но потом, когда в его жизни появилась маленькая Жуж, он всё чаще ворочался по ночам на жёстких ветках и от злости скрежетал зубами. Жуж очень возбуждала его, она ежедневно приходила в хижину Боби, бегала к ручью за водой, приносила разные коренья, ветки для постели, выбирала из головы насекомых. Она своей молодостью и

лаской дразнила Боби, провоцировала его на какие-то ответные действия. Однако законы племени оставались важнее женщин, поэтому он постепенно заглушал в себе ненужные желания и, наконец, как казалось ему, полностью избавился от ночных переживаний.

А жизнь текла и текла, как ручей возле хижины, где раньше жила старуха Вив. Радость сменялась бедой, горести – надеждой. Точно так пересыхающий ручей после обильных дождей наполнялся водой, а затем снова мелел, чтобы через некоторое время опять весело журчать по камешкам. Однажды после особенно удачной охоты мужчины возвратились домой, нагружённые мясом и шкурами. Но не это взволновало Боби. Он увидел, как один охотник бросил на землю маленького, толстого, но злобного волчонка. Мальчишки сразу же избрали его объектом своих воинственных игр и, конечно же, вскоре забили бы его, если бы не вмешался Боби. Он отобрал щенка и отнёс его в хижину. Тайная мысль загуляла на его полудиком лице, он улыбнулся и схоронил её в дебрях своего массивного черепа до лучших времён.

И эти времена настали. В один из ве-

черов, когда среди селения ярко горел костёр, а в его огне поджаривались два жирных оленя, из своей хижины выполз улыбающийся Боби. В одной руке он держал дротик, в другой за загривок – крупного волка, который слегка упирался и скалил зубы, но всё-таки подчинялся человеку, медленно продвигался за ним. Люди племени недоумённо смотрели на это шествие, до сегодняшнего дня мужчины никогда не гуляли с волками, они только убивали друг друга.

Всё свершилось в одно мгновение. Боби отпустил волка, тот, почуяв свободу, сделал несколько шагов в сторону от костра, но тут же упал на землю, сражённый ловко пущенным дротиком. Боби издал воинственный клич и на четвереньках первым оказался возле зверя. Ударом ножа он добил волка, соплеменники стояли молча, пока он снимал с него шкуру. Только теперь до них доходил скрытый смысл давно задуманного дела. Той же ночью Боби постелил в своей хижине тёплую волчью шкуру и уложил на неё маленькую Жуж.

Знания через рот

– Смотри, какое интересное объявление. – Муж сунул жене под нос газету и стал водить пальцем по строчкам. – Профессор Головян предлагает обучить любой науке всякого желающего за один день, при этом со стороны ученика никаких усилий не требуется.

Он радостно засмеялся, тряхнул газетой:

– Вот до чего наука дошла.

Жена скептически усмехнулась:

– Шарлатанство. Тебя ещё ничему не научили все эти экстрасенсы, чародеи да маги. Куда ни кинь, одни жулики. За деньги они и козла обучат песни петь. Не верю я в это.

– Не верю, – это не довод, верить – мало, надо знать. Вот я сейчас узнаю.

Он пододвинул телефон и начал крутить диск. Связь работала отлично. Ответил мужской голос с лёгким кавказским акцентом.

– Профессор Головян.

– Это вы учите людей наукам экспресс методом?

– Экспресс методом? Можно назвать и так, учу.

— А как вы это делаете?

Голос немножко задумался:

— Кто у вас хочет обучаться?

— Я хочу, чтобы вы позанимались с сыном, ему уже тринадцать лет, а он и читать-то толком не научился.

Голос снова призадумался:

— Ну, что вам сказать. По телефону всего не объяснишь. Приходите завтра с утра вот по этому адресу.

— Ты что и вправду поведёшь сына неизвестно куда? — с угрозой спросила жена.

— Поведу, — с ещё большей угрозой ответил муж. — Я не хочу, чтобы он вырос балбесом. Может быть, из встречи с профессором он хоть что-то почерпнёт для себя.

Утром вся семья сидела в профессорской гостиной. Вид учёного соответствовал фамилии. Это был маленький живенький человечек с непомерно большой головой и чисто кавказской внешностью. Проводив гостей в комнату, он начал суетиться, как дешёвый торговец, но жена сразу же остудила его.

— Приступим к делу, господин Головян. В чём, скажите, заключается суть вашего метода обучения.

Профессор присел напротив семьи, чуть-чуть помедлил с ответом:

– Видите ли, это вовсе не метод обучения, а способ получения знаний. Если хотите, на минутку обратимся к философии. Именно она помогла мне сделать это открытие. Вам, наверное, известно, что всё в природе представлено в виде противоположностей. Например, тепло – холод, лёгкое – тяжёлое, светлое – тёмное и так далее. Заметьте, что при определённых обстоятельствах одна противоположность легко переходит в другую, связанную с ней. Так в холодильных установках нельзя получить холод без тепла, накапливая лёгкое в большом количестве, мы в итоге получим какую-нибудь тяжесть. И, наконец, всем известно, что большое количество света может реально привести к слепоте. Ну, а если вы на досуге поразмыслите, то поймёте, что холод может привести к теплу, тяжёлое стать лёгким, а тёмное – светлым.

Но если быть до конца честным, то и это не вся правда. На самом деле в природе нет противоположностей, а все они являются ничем иным, как разной степенью насыщенности тем или иным признаком.

Возьмём мнимую противоположность лёгкое – тяжёлое. Самый лёгкий объект имеет массу, а если хотите, вес равный нулю, а самый тяжёлый – равный бесконечности. Проведите луч, отложите на нём все промежуточные между двумя крайними точками значения веса, и вы увидите, что лёгкое и тяжёлое всего лишь разная степень веса. Холодное-тёплое – разная степень нагретости, светлое-тёмное – разная степень освещённости. Таким образом, легко доказывается, что некоторые законы материалистов в природе не существуют, они ютятся лишь в их головах.

Но, простите, я немного отвлёкся. Нас в данный момент должна интересовать пара противоположностей разум и материя. Теоретически они, как и все другие противоположности, должны свободно переходить из одного своего состояния в другое.

О том, как сознание порождает материю, нам известно хотя бы из Библии, да из работ учёных, которые прежде чем создать что-нибудь материальное затрачивают огромное количества разума. В данном случае мозг служит особым инструментом для превращения нематериального в материаль-

ное. Скажу по чести, я много лет провёл, изучая этот процесс, и, наконец, понял, что в природе есть способы и приёмы, которые позволили бы нам с помощью материальных воздействий неимоверно увеличивать количество производимого мозгом разума. Как только я понял эту зависимость, этот закон природы, я легко получил необходимые для этого вещества. Рассчитав их дозировку, я получил таблетки, способные в считанные минуты помочь любому существу овладеть всем объёмом знаний, накопленных на планете. Теперь вам ясно, о чём идёт речь.

Жена снова захватила инициативу:

— А как насчёт токсичности препарата, побочных действий?

Профессор улыбнулся:

— Это очень простой вопрос, потому что препарат совершенно безвреден и не обладает никакими побочными действиями, больше того, не имеет никаких противопоказаний. Это обычная пищевая добавка.

Он подошёл к сейфу, стоящему в углу, поковырялся в нём огромным блестящим ключом и вытащил на божий свет маленькую светленькую коробочку.

— Вот здесь всё моё достояние.

Он открыл свой ларчик. В нём валялись россыпью маленькие разноцветные шарики величиной с булавочную головку.

– Каждый шарик – это знание одной науки. Если вас интересует физика, вы принимаете жёлтую глобулу, если химия – зелёную, литература – красную, иностранные языки – фиолетовую, а если история – чёрную.

Вмешалась жена:

– Нам бы хотелось вначале попробовать одну науку. А если всё выйдет по-вашему, то мы готовы выбрать ещё несколько дисциплин.

Профессор рассыпался в любезностях:

– Конечно, конечно, первую науку я, как правило, предлагаю бесплатно. И только когда вы убедитесь на практике, мы составим юридический документ, настоящий контракт. Я предлагаю вам для начала таблетку, позволяющую познать историю. Причём, заметьте, это будет предмет не из школьной программы, а курс всемирной истории в несколько раз объёмнее любого институтского курса.

Маленьким пинцетом он подхватил чёрный шарик и ловко вложил в рот маль-

чишке. Тот не успел ничего сообразить, как таблетка проскользнула в пищевод, а оттуда в соответствии с физиологическими нормами в желудок.

— Ну, вот и всё, — профессор довольно потёр руки, — через три минуты можете экзаменовать сына.

Он подошёл к шкафу, достал несколько книг по истории и передал их родителям. Три минуты промелькнули, как одно мгновение. Папаша открыл «Курс истории Древней Греции» профессора Амбициозова и задал своему чаду вопрос о Перикле. Не успел вопрос отзвучать, как мальчишка без запинки отбарабанил огромную энциклопедическую справку про этого героя древности. В течение двадцати минут были освещены вопросы истории Древнего мира, Средних веков и современности, озвучены тёмные места Российской истории, начиная со времён расселения славян по планете и заканчивая кремлёвскими тайнами. Мамаша тихонько плакала от восхищения чадом, папаша радостно стучал кулаком по своему колену.

Ещё через двадцать минут контракт был подписан, глобулы по языкам, геогра-

фии, биологии, математике, всего десять штук, получены и тут же скормлены ребёнку. Через три минуты он рассказывал по-французски песнь о Гильоме Оранском, по-немецки историю о Тиле Уленшпигеле, на чистом английском цитировал Оскара Уайльда и Уильямса Шекспира.

Назавтра занятия в школе были отменены. Все учителя во главе с директором школы и заведующим РОНО экзаменовали нового вундеркинда. Чем больше времени уделялось ему, тем больше вопросов возникало в обалдевших умах педагогов. Как, откуда, почему? Вопросы сыпались как из рога изобилия, и на каждый из них у мальчика находился такой ответ, что приходилось только разводиться руками. Через несколько часов заведующий РОНО и директор школы уединились, чтобы решить основной вопрос: что делать с вундеркиндом? Держать в школе его нельзя, выпустить из неё тоже. Сделать вид, что ничего не случилось — не получится. Ведь сегодня, например, занятия были практически сорваны. На математике он, вышел к доске, решил какую-то немудрёную задачу, а потом попутно задачу о квадратуре круга и объяснил учительнице,

что она неправильно доказывает многие теоремы, потому что в природе существуют более простые и изящные способы их решения. Класс гудел от восторга, а учительница спешно ретировалась в кабинет директора. Директор решил всё проверить сам, но уже началась перемена, и уже вся школа восторгалась способностями гениального мальчугана. Пришлось дать звонок, распустить учеников по домам и вызвать заведующего РОНО.

Головная боль доконала педагогов, потому они порешили дать мальчишке дополнительные каникулы, чтобы самим в предельно сжатый промежуток времени найти хоть какое-то, но все же правильное решение. К слову сказать, совещались они целую неделю без перерывов на сон и обед, но придумать что-то достойное так и не смогли.

Зато дома у мальчугана события развивались с бешеной скоростью. Наутро отец, гордый за сына, попросил его рассказать «Гамлета» в переводе Пастернака. Мальчишка бойко начал строчить бессмертные стихи, но вдруг запнулся.

– Что с тобой? – забеспокоился отец.

– Ничего, просто я что-то засомневался...

– В чём?

– Да ни в чём, просто засомневался – чей это перевод Пастернака или Бальмонта.

Второй сбой случился вечером. По телевизору показывали новый кинофильм «Троя», его герои сражались, влюблялись, совершали подвиги, умирали. Когда после просмотра, семья живо обсуждала этот фильм, то сын почему-то так и не вспомнил Энея, который возглавил бегство троянцев из горящего города. Но тревога ещё не поселилась в сердцах родителей, поскольку сын всё ещё прекрасно разбирался в эпохе Гектора и Ахиллеса.

Однако на следующий день он начисто лишился знаний по высшей математике. Интегралы и дифференциалы снова стали для него китайской грамотой. На завтра испарились знания всех иностранных языков, ещё через день он опять превратился в школьника-оболтуса, который ни один школьный предмет не знает даже на твёрдую тройку.

Отчаянью родителей не было предела. Отец, схватив такси, целый день разыскивал

профессора Головяна. Однако в городе его уже не было. Милиция, частные детективы, передача «Жди меня», депутаты тоже оказались не в силах помочь несчастной семье. И всё же точка в этой истории была поставлена. Как-то в квартире зазвонил телефон. Сын снял трубку и услышал мягкий мужской голос с лёгким кавказским акцентом.

– Это профессор Головян, а ты тот самый мальчик, который не хотел учиться? – Не ожидая ответа, он продолжил, – передай папе, что я в своё время забыл предупредить его, чтобы ты никогда не ходил в туалет. Ведь мои глобули – это пищевая добавка и как всякая пища она переваривается в организме, и, представь себе, выводится из него.

РАССКАЗЫ

Пиво

Иван проснулся давно, но вставать не хотелось: болела голова, поташнивало, внутренности мелко и противно тряслись, во рту всё высохло, и язык, словно рашпиль,

растирал нёбо и щеки.

«Господи, — думал Иван, — снова нажрался. Вроде бы и не хотел, но вот, соблазнился. Как в том анекдоте: Хочешь выпить? — Нет. — А будешь? — Буду. И надо же было. Машка ругается, соседи смотрят без уважения, тёща не разговаривает. Всё с этой пьянкой наперекосяк пошло».

На кухне загремела посудой жена. Иван понимал, что надо вставать, идти управляться, но не мог переступить через самолюбие. Черти шептали на ухо: «Не вставай, пусть побесится, помучается, поймёт, кто в доме хозяин». Обиды, раздутые большим воображением, застилали разум.

«Ишь, не разговаривает. За дурака держит. Посмотрим, как ты без дурака жить будешь. Мне-то что, уйду к Надьке, она уже сто раз на меня поглядывала. А не уйду, так и один проживу. А вот ты на свою тысячу попробуй пошиковать. Бесплатно ни один дурак сена не накосит, дров не привезёт. Кто тебе огород вскопает, картошку посадит. Взвоешь белугой».

Иван даже вспотел от сознания своего превосходства. Сладостные картины Машкиного унижения промелькнули перед ним.

Надо же, восемь лет прожили вместе, а она всё не поймёт, что всё семейное благополучие держится на нём. Он и получает намного больше, и по хозяйству – первый на селе хозяин, и так – видный мужик. Не то что бабы, девки до сих пор заглядываются. Ну, а уж если и выпьет, то свои денежки не пропьёт. На это дело калыма хватает. Руки-то золотые, кузнец не только на всё село, но и на всю округу.

Чем больше терзал себя Иван, тем тяжелее становилось похмелье. Больше всего хотелось воды. Жажда изводила. Уже не верилось, что Машка уйдёт на улицу и можно будет выскочить из-под одеяла и жадно припасть к водопроводному крану. Вода в нём хоть и тёплая, всё же вода.

В спальню вошла Машка, ещё в ночной сорочке, не прибранная, но от этого ещё более домашняя и тёплая. Она открыла дверцы шифоньера и стала копаться на полках, подыскивая себе одежду. На Ивана она не смотрела, чем всё больше распаляла его обиду.

– Ну, вот уже на мужа и смотреть не желает, ишь, заелась.

Он хотел придумать ещё что-нибудь

злое не её счёт, но проклятая жажда не позволяла зарождаться даже самым простым мыслям. Они почему-то, едва появившись, тут же скукорживались и пропадали, не оставляя на поверхности мозговых извилин даже малейшего следа. Иван, напрягся, но вместо солидной и своевременной мысли из пересохшего рта вырвались слабые нечленораздельные звуки, вроде коровьего мычания.

Маша оглянулась:

– Ты что-то сказал?

Иван снова промычал.

– Не поняла.

Наконец, Иван, охваченный жалостью к себе, сумел выдать из прогоревшего нутра два слова:

– Дай попить.

Жена хлопнула дверцей шкафа, вышла из комнаты.

– Не принесёт. Сейчас оденется и начнёт воспитывать.

Мысль опять затормозилась и пропала. Даже обижаться на судьбу не хотелось. Все желания и стремления подавляли головная боль и жажда. Только гордыня ещё трепеталась где-то на поверхности. Именно она

делала Ивана упрямым, вернее упёртым, и заставляла его оставаться в постели «на зло всем».

Вернулась Маша, с кружкой в руке.

— Пей.

Иван даже растерялся от такого предложения. Он не поверил в своё счастье, в своё спасение. Это было так неожиданно, что все, даже самые простые дежурные слова, растерялись. Он припал губами к кружке и принялся жадно глотать холодную влагу. Не сразу, а после нескольких глотков он вдруг понял, что в кружке совсем не вода, не квас, не компот какой-нибудь, а пиво, самое настоящее «Жигулёвское». Он сделал ещё несколько глотков, чтобы удостовериться в правоте своих ощущений, удостоверился — пиво.

— Маш, ты чего? За что так?

— Да, ни за что. — Она помолчала. — Просто вчера наш юбилей был. Думала с тобой пива выпить. Ждала, что нормальным придёшь. Не пришёл. Ну, не пропадать же добру. Пей.

Иван наскоро дохлебал пиво, быстро собрался и, не завтракая, вышмыгнул из дома.

На работе царило оживление. Мужики радостно сообщали новость всякому переступившему порог мастерской:

– Сейчас получку давать будут, деньги привезли, занимай очередь. Кассирша уже в красном уголке.

И, правда, минут через десять мужиков пригласили за деньгами. Процедура выдачи денег прошла быстро, и уже первые гонцы украдкой по огородам двинулись в сторону магазина. Готовилась серьёзная попойка. В этом ничего необычного не было. Начальство уже давно махнуло рукой на эту пьяную традицию, смирилось с потерей одного рабочего дня, тем более, что срочной работы в мастерской не было, да и рабочие, после такой поблажки, в остальные дни работали за семерых и быстро навёрстывали упущенное. Ну, а кто выпивал и после, тот выпивал всегда. Никакими запретами, приказами, выговорами они не исправлялись. Некоторых приходилось выгонять с работы, а вот с такими, как Иван, мирились. Больно уж классно могли работать.

Подошёл Митька Семёнов.

– Гони деньгу, в лавку пойду.

Иван поморщился:

– Сам сбегаю.

Митька начал было возражать, мол, провозишься, люди уже сбежали, по углам сидят.

– Ну, ладно, чёрт с тобой.

Иван достал смятую полсотню, потом что-то переварил в голове и сунул её обратно в карман.

– Пойдём вместе.

Митька обрадовался:

– Ага, вдвоём веселее.

В магазине было пусто. Жёны ещё не проведали о получке, поэтому и не толпились возле прилавка, как это будет ближе к обеду, когда весть о загулявшей мастерской не разнесётся по деревне.

– Ванёк, чо брать будем?

– Давай водки. Бутылки две «Пшеничной», - нехотя ответил Иван..

– А хватит?

– Для начала.

Митька сунул обе бутылки за брючной пояс:

– Пойдём, чего застрял?

– Иди, иди, я догоню.

– Давай, не мешкай.

– Ладно.

Иван долго стоял возле парфюмерного отдела, пока, наконец, не увидел то, что до тошно выискивал среди множества причудливых флаконов. Подозвал продавца:

– Ну-ка, Наталья, дай-ка мне вон те духи.

Наталья – баба сорока с лишним лет, насквозь замученная своим мужем пьяницей, ехидно поинтересовалась:

– Ты что же на духи уже перешёл?

– Перешёл, перешёл.

Иван вышел на крыльцо. День выдался на загляденье: светло, тепло, синее небо с маленькими, пушистыми облаками, лёгкий ласковый ветерок. Природа шептала добрые и нежные слова. Каждому свои. Что услышал Иван, известно лишь Богу. Он постоял несколько секунд и пошагал легко и весело по направлению к дому.

До самого обеда он ковырялся в стайке: перестелил пол, сделал новую кормушку корове. Только собрался перекурить, увидел жену.

– О, – удивилась она, – ты дома?

– Ну, да.

– А мужики ваши гуляют.

– Знаю. Я вот тут тебе подарок принёс.

Он вытащил припасённый флакон духов:

– Вот, тет-а-тет называется.

– Боже, – ещё больше удивилась Маша, – а это зачем?

– Ну, как зачем? У нас же с тобой юбилей.

За ужином Маша вдруг спохватилась:

– Да, что же это я, допивай своё пиво.

Она вытащила бутылку из холодильника и поставила её перед мужем.

Иван отодвинул бутылку к краю стола, притянул к себе тарелку с борщом:

– Спасибо, что-то не хочется.

Рыбалка

Утро. Река. На берегу в удобных креслах устроились два заядлых рыбака и не менее заядлых друга. Того, что постарше, зовут Михаил Сидорович, он бывший директор завода металлоконструкций, второго – Николай Захарович, главный инженер того же предприятия и тоже заслуженный пенсионер. Оба приехали на крутых иномарках ещё до восхода солнца. Каждую субботу они

встречаются на этом месте, делятся впечатлениями о своей жизни и как-то незаметно для себя начинают хвастать своими рыболовными успехами и приобретёнными новыми, обязательно иностранными снастями.

– А я вот, Михаил Сидорович, по случаю достал универсальную подкормку из Японии. Вы не поверите, но на неё одинаково, хоть карп, хоть судак, летом летят.

– Это хорошо, – со знанием дела изрекает бывший директор, – а мне вот повезло, как никому. Друзья привезли из Германии особого мотыля, на которого кидаются все рыбы из нашей реки. Для удачного клёва не нужна никакая прикормка.

– Это тоже хорошо, – также многозначительно отвечает бывший инженер. – Я, думаю, сегодня будет удачный клёв.

– Будем надеяться, будем.

Они закинули импортные снасти, удобно устроились в креслах, тоже, кстати, зарубежного производства. Прошёл час, два, вот уже и три. Но ни один поплавок даже не шелохнулся. То ли рыба ещё не проснулась, то ли она позавтракала в другом месте.

Друзья уже начали подумывать о том, чтобы сматывать удочки и, не солоно хле-

бавши, отправляться по домам. Николай Захарович уже приподнялся и даже начал выбирать леску, как вдруг на берегу появился третий персонаж.

— Мужики, — крикнул он как-то уж больно запанибратски, — натягали рыбы? Что не клюёт? Да бросьте, мне это не подходит. Мне обязательно, кровь из носу, надо поймать пару килограммов.

Друзья-рыбаки расхохотались. Несмотря на свой богатый рыбачий стаж, такого наивного и бестолкового «коллегу» им видеть не приходилось.

— А чем ты думаешь рыбу ловить, руками?

— Да нет, я сейчас удочку сварганю. Леска у меня есть, — он достал из кармана кусок толстой выдавшей виды лески, — на грузило я гайку от велика открутил, крючок тоже имеется. — Он снял замызганную капитанскую фуражку и отцепил от неё громадный крючок, который быстро и умело пристроил на место. — Вот, чёрт, удилица нет, да бог с ним, я вот этой палочкой воспользуюсь. Вот, — он со счастливой улыбкой показал снасть приятелям, — удочка готова. А вместо поплавка я что-нибудь прилажу. —

Он повертел головой, увидел сухую камышинку, отломил от неё кусок и каким-то неведомым образом прицепил к леске.

Друзья с интересом наблюдали за своим соседом. Все его действия, как и сам вид, располагали к жалости и иронии. Перед ними стоял типичный неудачник, у которого не было даже мало-мальски приличной удочки, даже нормальной стариковской одежды. На вид этому горе-рыбаку можно было дать не менее шестидесяти лет, явно уже пенсионного возраста, а вот одевался совсем не солидно: и потёртое с вытянутыми коленями трико, и старая застиранная непонятно какого цвета майка, и калоши вместо приличной обуви – всё указывало на его низкий социальный статус

– Мужики, – жалобным голосом попросил он, – не пожалейте одного червячка. Мне край надо пару килограммов поймать.

– Возьми, – предложил Николай Захарович, протянув ему банку с червями, – только поверь, рыба сегодня не клюёт. Я понимаю, что тебе зачем-то позарез нужна рыба, но, увы, не идёт она.

– Слушай, друг, – вмешался в разговор Михаил Сидорович, – а на шута тебе два ки-

лограмма рыбы. Не секрет?

— Да какой к чёрту секрет. У меня сосед есть, который рыбой торгует. Вот моя жена и послала к нему за рыбой. Дала сто рублей на два килограмма. А я как подумал, что за рыбу надо сто рублей отдавать, так сразу и решил сам наловить.

Рыбаки рассмеялись:

— Что ж, попробуй.

А мужичок за разговорами уже закинул свою допотопную удочку рядом с берегом, поскольку длина лески не позволила, как говорится, разгуляться на воле. Прошло две или три минуты, как сухая камышинка, служившая поплавком, неуклюже качнулась и завалилась на бок. Мужичок дёрнул палку, которая имитировала удилище, и вытащил на божий свет из речных глубин довольно увесистого леща.

— Ого, — вытаращили глаза изумлённые и немного ошарашенные друзья, — не чудо ли?

А мужичок спрятал свой улов в грязный целлофановый пакет, который судя по всему, приготовила ему жена, отправляя к соседу-рыбаку за покупкой. И пока рыбаки приходили в себя, вытащил второго леща

никак не меньшего размера.

— Да что же это творится, — возмутился Михаил Сидорович и перезакинул свою удочку поближе к месту, где гордо плавала удачливая камышинка, сигнализирующая незнакомому мужичку об удачной поклёвке. Однако положительных результатов от такого перемещения не оказалось. А вот мужичок вытащил третью рыбу, которую также отправил в грязный пакет.

— Осталось ещё одну. Тогда, пожалуй, поболее двух килограммов будет. Тогда я с бабы ещё денгу вытребую, жалко, что от червячка уже почти ничего не осталось. Но ладно, жадная рыба и на этот огрызок позарится. Жадность, по моему понятию, всегда сильнее ума.

Он размахнулся и закинул снасть из-за головы. Не успел крючок с огрызком червяка упасть в воду, как камышинка снова завалилась на бок, и довольный мужичок, расплывшись в улыбке, вытащил на берег отчаянно сопротивляющуюся рыбу.

— Всё, — сказал он, — хватит. Побегу бабе отдам, а сто рубликов на пиво пойдут.

Он быстренько разобрал снасть: леску сунул в карман, крючок прицепил на фураж-

ку, подхватил пакет:

– Ну, бывайте, мужики, ни хвоста вам, ни плавника.

– Слушай, Михаил Сидорович, – недоумённо пробормотал бывший инженер, – а что это было?

– Не знаю, Захарыч, не то Бог, не то нечистая сила. Ты хоть когда-нибудь ловил два килограмма рыбы за десять минут?

– Нет, конечно.

Они ещё долго обсуждали этот случай, наконец, Михаил Сидорович предложил:

– А давай-ка, Захарович, смотаем удочки, отгоним машины и встретимся у меня в гараже.

– Согласен, хорошая идея, что захватить: водочки или пивца?

– А давай по водочке...

Он не успел до конца договорить фразу, как на берегу вновь появился тот самый удачливый мужичок.

– Что, земляк, жена снова за рыбой послала?

– Нет, не послала. Бог с утра помог рыбу поймать, а чёрт наказал, потерял где-то свои кровные. Отдал бабе рыбу, а когда к пивнушке подошёл, хватился, денег нету.

Может, думаю, на берегу обронил, а может, и не на берегу. Вот пропасть, а так выпить хотелось по-человечески. Вот ведь как бывает, Бог помог, а чёрт всё дело изгадил, – обречённо повторил он.

Махнув рукой, он глядя во все глаза под ноги, зашагал прочь от реки.

– Вот ведь как бывает, – философски заметил Николай Захарович, – такое везенье, такая удача, а в итоге всё пошло прахом. Я думаю, что в каждом счастливом случае уже заложены семена неудачи.

– Согласен, но тогда значит, что в каждом несчастье заложены семена счастья.

– А что. Ведь это в наших силах теоретические выводы превратить в быль. Эй, мужичок, – крикнул он, – ты вроде бы выпить хотел?

Тот оглянулся и ничего не ответил, только развёл руки.

– А поедем с нами, посидим в гараже, водочки выпьем, поговорим о жизни.

Мужичок остановился, подумал, а потом махнул рукой:

– Нет, ребята, я вот подумал и понял, что чёрт в моей неудаче ни при чём. Просто Бог шельму метит. Я хотел бабу обмануть, а

обманулся сам. Она у меня добрая, и если бы я ей всё честно рассказал, она бы мне эту несчастную сотню безо всякого отдала... даже на пиво.

Письмо

Вот уже два дня сидит дед Борис за столом и сочиняет письмо первому секретарю обкома партии. Занятие это не только не угнетает его, но доставляет удовольствие. Он медленно, упорно выводит фразы, тщательно обдумывая каждую из них, и в то же время даёт полную волю своей фантазии. Он жаждет мщения за личную обиду и, как он думает, за обиду нанесённую обществу. После каждого едкого слова в адрес своих обидчиков, он улыбается, что-то приговаривает и иногда даже ударяет кулаком по столу. При этом в его голове мелькают яркие и сочные, как в цветном фильме, сцены наказания недругов.

Бабка Марья, почитай всё это время, не слезает с печи, чтобы не мешать творить деду очередную писульку. Она давно уже изучила его и с удовольствием отдыхала, когда на того нападал писательский зуд. В такие дни он обыкновенно не спрашивал

обеда и не гонял бабу по пустякам по ограде. На третий день письмо было отправлено по собственноручно выведенному адресу: в город Н-ск первому секретарю областного комитета партии от участника Великой Отечественной войны Миланова Б. И. Баба снесла его на почту рано утром, а уже с обеда дед начал ждать ответа. Выражалось это в том, что через каждые двадцать минут он вздыхал и сокрушался о медленном течение времени. Вечером он укладывался в постель на два часа раньше обычного, чтобы скорее проснуться и с новыми силами заняться ожиданием почты.

Однако на этот раз ответ явно запаздывал. А причина была чисто организационная. Первый секретарь письмо фронтовика взял под свой личный контроль, положил его в стол, а сам улетел в командировку в Москву. Лишь через неделю, вернувшись оттуда, он вспомнил о нём и поручил секретарше разобраться «по сути дела».

А суть дела была проще пареной репы. При монтаже электросети, по мнению деда Бориса, сельскими электромонтёрами была допущена ошибка. У всех его соседей свет

был яркий, а у него лампочки едва горели. А поскольку его дом стоит на краю деревни немного на отшибе, то понятен и злой умысел электриков, по которому они специально перепутали фазы, чтобы отомстить деду Борису. Он неоднократно критиковал службу электриков за их нерасторопность, отсутствие творческой мысли и даже патриотизма. В соседнем совхозе, например, электрики натянули провода и подвели свет ко всем домам на пять дней раньше. Заботятся, значит, люди о своих односельчанах.

Секретарь первого секретаря, посчитавшая это дело простецким, передала его для исполнения инструктору сельхозотдела Николаю Дроботенко. Тот, прочитав письмо, вздохнул:

– Ладно, разберёмся.

Разбираться он, конечно, и не соби-
рался. Вернувшись в кабинет, тут же позво-
нил в К-ский районный комитет партии и
попросил их разобраться с «вопиющим без-
образием». Инструктор сельскохозяйствен-
ного отдела райкома партии Алексей
Шипов, которому поручили провести дозна-
ние и вывести сельских специалистов на чи-
стую воду, захватил с собой корреспондента

районной газеты Галину Евсину, к которой испытывал явную симпатию, и сразу же выехал на место чрезвычайного происшествия.

В партком он решил не заезжать, а сразу поговорить с глазу на глаз с пострадавшим ветераном.

Дед Борис, увидав во дворе представителей власти, расплылся в улыбке, правда, спохватившись, тут же укоротил её и через силу водрузил на лицо постную мину.

— Здравствуйте, здравствуйте, наши защитники. Без вас нас бы местные разгильдяи давно бы в гроб загнали.

Он ещё долго разглагольствовал по делу и без дела. Досталось не только электрикам, но и парторгу, и рабочему, и специалистам, правда, директора он по некоторым соображениям не задевал. Инструктор Шипов с умным лицом слушал старика, не перебивая его, лишь иногда кивая головой, что должно было означать: так, так, разберёмся, попляшут они у меня. Корреспондент Галина Евсина тоже внимательно слушала пострадавшего ветерана, при этом скорострельно строчила авторучкой в толстом издавшем виды блокноте.

Наконец поток слов деда Бориса ис-

сяк. Инструктор Шипов предложил ему пройти в дом. Включили свет, лампочки почти не светились. Сходили к соседям, у них со светом всё было в порядке.

В парткоме совхоза состоялся серьёзный разговор. Инструктор Шипов высказал претензии, привёл факты (как он выразился: «Все факты против вас, товарищи руководители») и предложил заскучавшему секретарю парткома дать содержательный ответ в районный комитет партии завтра не позднее 12 часов дня.

После отъезда райкомовской комиссии совхозный парторг Сергей Иванович Илюхин развил бурную деятельность. Он срочно созвал всех членов партийного комитета, которые на данный момент находились в деревне, вызвал на ковёр инженера-электрика. Правда его на месте не оказалось, и вместо него позвали рядового электрика Тронина. Он давно работает в этой должности и поэтому, как посчитал парторг, должен бы быть в курсе всех событий, касаемых энергетики совхоза.

К сожалению, электрификацией дедова дома Тронин лично не занимался, а те работяги, которые занимались этим, в

настоящее время работают в соседнем селе. Было принято единственно правильное решение, послать за одним из них машину. Через сорок минут привезли второго электрика Ивана Федина. Но и от него члены парткома ничего путёвого не добились.

– Всё у него нормально, – упрямо твердил он, – ничего мы там не напутали. Врёт он, поди. Писатель он и есть писатель.

– Он-то, может быть, и врёт. Но ведь к нему заезжала комиссия из райкома. Люди грамотные, во всё вникли, все факты проверили, им-то зачем врать?

– Я этого не знаю, – развёл руки Иван. – Моё дело маленькое, будет утром наряд, сходим, проверим.

Утром к деду заявила вся бригада электриков во главе с инженером-энергетиком.

– Здорово, Борис Игнатьевич, – как можно более миролюбиво обратился он к деду-ветерану, – что мы там напортачили?

Дед Борис на мировую идти явно не собирался.

– Это называется не напортачили, а сознательно навредили. – взорвался он. – Вы ещё все попомните эту свою безобразную

выходку. Я уже две недели, почитай, без света сижу. Для этого я что ли воевал? За вас воевал. Жизнь и здоровье чуть не положил. А вы, обормоты, только водку пить да спать по кустам. Я это так не оставлю, я ещё и до Москвы дойду.

— Не надо, Борис Игнатьевич, до Москвы идти. Мы сейчас разберёмся, всё исправим, а виновных накажем своей властью.

— Властью, властью, — заворчал дед, немного успокаиваясь, — знаю я вашу власть.

А электрики уже осмотрели уличные провода.

— Здесь всё в порядке.

— А вы в доме посмотрите, — снова взорвался дед Борис.

Иван Федин зашёл в дом и тут же, смеясь, вышел.

— Дед, ты где лампочки покупал?

— Как где? В раймаге.

— Молодец, наверное, самые дешёвые брал?

— Тебе что, завидно, что ли?

— Не завидно, а просто мощность у них всего двадцать ватт. Вот они и светят тебе на двадцать. На тебе одну в подарок на

восемьдесят, вкрути и ощути разницу. Эх, ты дед-дед, наделал шуму, взбаламутил людей, а всё по своей бестолковости.

К 12 часам в райком поступил ответ из совхозного парткома. Инструктор Шипов сразу же начал писать донесение в областной комитет партии. Писал он его долго и старательно, затем также долго и старательно его вычитывал заведующий отделом сельского хозяйства, потом оно поступило на утверждение секретарю по сельскому хозяйству и, наконец, на подпись первому.

Когда письмо отправлялось в обком, районная газета с разгромной статьёй корреспондента Евсиной о безобразном отношении должностных лиц совхоза к ветеранам войны печаталась в типографии. Утром почтовая служба уже доставила свеженькие газетные экземпляры подписчикам.

Дед Борис открыл газету, заглянул в неё и ахнул:

– Бабка, смотри, вот она – правда. Не спрячешься от неё, не уйдёшь! Всё чёрным по белому, пусть знают наших!

Недоразумение

Только Никитина вот уже третий день жена выгоняет из дому, кроет его всякими непотребными словами, от которых Толькины родственники даже умершие сто лет назад вздрагивают и переворачиваются в гробах. Она не варит, не парит, не стирает, не допускает до кровати, не даёт смотреть телевизор, а вещи его вытащила из шифоньера, затолкала в мешок и выкинула во двор. Толька за эти дни осунулся, почернел, пытался что-то объяснить бабе, как-то оправдаться, но ни к чему доброму его старания не привели.

Да и как тут можно было доказать обратное очевидному. У него в оправдание только слова, а у Люськи в обвинение – документ, обличающий мужа на все сто процентов. Поэтому она и атаковала супруга вот уже третий день. Для чего призвала на помощь маму, Толькину тещу, соседок и подруг. Мама старалась от души. Поливала Тольку грязью и обвиняла его во всех смертных и бессмертных грехах. Она вспоминала даже то, что Люська уже давно забыла, а Толька к своему стыду никогда и не помнил.

Толька терпел, терпел, а потом плю-

нул на всё и всех, забрал свои пожитки и ушёл жить в общежитие. Там ему определили просторную комнату со всеми удобствами, правда за немалую плату. Но поскольку Толька зарабатывал совсем неплохо, он не раздумывая согласился на подобную роскошь.

Сначала он скучал по дому, а потом привык и даже иногда поругивал себя за то, что в своё время спутался с этой Люськой, пошёл у неё на поводу.

— И что я нашёл в ней? — удивлялся Толька, — зачем мне это было надо. Можно ведь и одному жить, делать только то, что самому нужно. Надо в кино сходить — пожалуйста, надо с друзьями загулять — тоже пожалуйста. И подругу всегда можно найти. И чего я за неё уцепился. Дурак да и только.

Так размышлял Толька и, скорее всего, он был прав. Но не всё так просто. Время от времени нападала на него хандра и тогда он начинал размышлять несколько по-другому. Главным в этом сомнении была мысль, а почему всё-таки Люська даже не выслушала его, почему она сделала его виноватым в том, что он никогда не совершал и не думал совершать.

В такие минуты он сидел, свесив голову, и пытался восстановить, вернее выстроить события прошедших дней в стройную цепочку.

Всё началось с того, что его вызвал к себе начальник Николай Петрович:

– Давай-ка, Анатолий Александрович, собирайся в путь. Пришёл приказ из управления. Тебе предписано послезавтра, в понедельник, быть в Красноубинске на десятидневных курсах специалистов по технике безопасности. Уловил? Вот и молодец. Вот тебе бумага, в которой всё предельно ясно расписано, как добраться, где остановиться, кто будет кормить и поить. Где будете жить, скажут на месте. Вопросы есть?

Вопросов не было, потому что Толька уже бывал на этих курсах (их организовывали один раз в два года) и прекрасно знал, как быть, где жить и чем питаться.

Люська собрала его в дорогу, положила в чемодан пару трусов и маек, полотенце, мыло, зубную щётку и кое-что ещё по мелочи. Напекла на дорогу пирогов с капустой, налила термос сладкого чая.

– А ты когда вернёшься домой?

– Третьего, однако.

– Вот здорово, как раз на твой день рождения. Я к твоему приезду стол приготавлию, ты только смотри не задерживайся.

– Не задержусь, что мне там делать.

В воскресенье утром супруги расцеловались, крепко обняли друг друга и расстались на целых десять дней. На такой долгий срок они ещё никогда не расставались. Однажды, правда, Люська лежала десять дней в больнице, но это совсем другое дело. Только тогда сам не вылезал из этой больницы. То просто так забежит на минутку, то передачку доставит, то под окошко подойдёт, то записку напишет. Женщины из Люськиной палаты предлагали в шутку специальную кровать поставить посреди палаты для Тольки. Люська смеялась со всеми, но в душе была благодарна мужу за такое проявление заботы и, как она надеялась, любви.

Десять дней в Красноубинске промелькнули, как один день. Занятия начинались рано утром и заканчивались уже затемно. Ни скучать, ни гулять было некогда. А третьего на свой день рождения он, как и обещал, уже был дома. Люська, молодец, накрыла стол, как скатерть самобранку. Чего там только не было, даже птичье моло-

ко присутствовало. Гости уже успели выпить по паре-другой рюмок вина, как в дверь постучали. Пришла Тоська-почтальонша. Подвыпившая хозяйка кинулась к ней, стала приглашать за стол. Та сослалась на занятость, но её всё-таки заставили выпить. Она выпила и тогда хозяева и гости ещё назойливее стали приставать к ней. Поднялся шум и гам, все смеялись, радовались поводу повеселиться и просто пообщаться. В кои-то века случается такое. Тоська в конце концов вырвалась из пут гостеприимства, отдала телеграмму, заставила хозяйку расписаться и выпорхнула из комнаты.

— Кто-то тебя поздравляет, — сказала Люська мужу, развернула свёрнутый листок бумаги и внятно прочла:

«А. Никитину. Поздравляю днём рождения. Крепко целую. Валя». Постой, постой, — она резко трянула головой, словно пытаясь таким образом вернуться в реальность после весёлых минут сказочного застолья. — А это какая Валя?

— Какая Валя? — ещё не сознавая трагичности назревающих событий наивно спросил Толька.

— А мне тоже интересно, какая Валя из

Красноубинска, – она растерянно покрутила головой, как бы ища ответа от кого-нибудь из присутствующих. Но все молчали с испугом глядя на него. Все, кроме Тольки, уже почувствовали приближающуюся грозу и старались сидеть как можно тише, чтобы не навлечь на себя удар молнии.

– Ах, ты кобель! – взорвалась Люська. Эти слова были самыми ласковыми из тех, что пришлось тут же за столом услышать Тольке. Праздник пошёл насмарку, да и семейная жизнь, так называемый супружеский союз, дал невиданных размеров трещину, которая с каждой секундой расширялась и расширялась пока не превратилась в непреодолимую расщелину.

Что было дальше вы уже знаете. Люська, проходя мимо провинившегося мужа, не поворачивала к нему головы и никогда не отзывалась на его приветствия. Выдерживала характер. Она уже успела сказать подругам, что не сегодня-завтра подаст заявление на развод. Подруги, радуясь в душе, не замедлили сообщить такую новость Тольке. Многие из них согласны были в любой момент связать с ним свою жизнь, пусть только жена откажется.

Всем, кто хоть когда-то жил в общежитии, известно, что там практически невозможно найти уединение. То сосед забежит, то друзья разыщут, то кому-нибудь понадобятся спички, то кто-то другой зайдёт попросить хлеба, а то просто кому-то станет весело и он запоёт песню или включит на полную мощность магнитофон. Толька тоже хотел поскучать вечером, но тут в дверь постучали и в комнату впорхнули две девчушки Тоня и Надя. Они жили по соседству и время от времени навещали его. Иногда просто для того, чтобы поскучать вместе, когда в Доме культуры не было никаких мероприятий, иногда за советом, а иногда, как сегодня, пригласить в кино. Как Толик не отпирался, но идти пришлось. Девчонки, хохоча, чуть ли не силой заставили его подняться с кровати и пойти с ними.

В зрительный зал они вошли одними из первых. Девчонки стали болтать о чём-то своём, смеяться и совсем забыли о соседе, который хоть и сидел рядом, но не вмешивался в их разговор. Зрители прибывали, занимая самые лучшие места. Рядом с ним сел молодой парень. Толька вроде бы знал его, но ни имя, ни фамилию вспомнить не мог.

Мальчишке было лет двадцать, от силы двадцать два. От нечего делать Толька спросил его:

- Ты местный или в гости к кому?
- Местный, Нины Петровны сын.
- Надо же не узнал. Долго жить будешь. В гости приехал? – поинтересовался он.

- В гости.
- А где ты сейчас живёшь?
- В Красноубинске.
- А я тоже недавно там был. На курсы посылали. А чем ты занимаешься?

- Учусь в техникуме.
- На кого?
- На мастера-строителя.
- Это хорошо. А в армии служил?
- Служил, в Забайкалье.
- Ну и что не женился ещё?
- Нет пока, но собираюсь.
- А невеста есть?
- Есть. Как не быть. Только невесты эти какие-то интересные. То люблю, люблю. А уехал на десять дней, так даже телеграмму на день рождения не прислала. Вот тебе и люблю.

- А когда у тебя день рождения? –

машинально без особого интереса спросил Толька.

– Третьего.

– Третьего? – чуть не до потолка подпрыгнул Толька, – а как зовут тебя?

– Александр.

– Александр? – снизошло озарение на Тольку, – а фамилия Никитин?

– Да.

– А невесту зовут Валя?

– Да, а откуда тебе известно.

– Оттуда, брат, оттуда. Подымайся, пойдём со мной.

– Куда пойдём. Скоро кино начнётся.

– К чёрту это кино. Я тебе кое-что лучше покажу.

Через минуту они ввалились в дом к Люське. Та конечно же не ожидала таких гостей и уже приготовилась гнать их на улицу поганой метлой. Но сделать этого она не успела, потому что Толька с порога заявил:

– Вот, жена, познакомься, это Саша Никитин, он приехал сюда в гости, его невеста Валя живёт в Красноубинске. У него день рождения третьего числа, как у меня. Его Валя прислала ему поздравительную телеграмму, которую ты бессовестно при-

своила. Отдай человеку его собственность.

Люська ожидала всего: скандала, оправданий, унижений, заверений, но такого... Она стояла, как соляной столб, хлопала круглыми глазами, пыталась что-то сказать, но только из этого ничего не получалось.

— Ну что замолкла? Отдай телеграмму, а то он в кино опоздает.

— А я её сожгла, — с трудом выдавила из себя несколько слов ошарашенная таким поворотом событий Люська.

— Да как ты смела, — деланно возмутился Толька. — Ведь это документ. Ты хоть понимаешь, что своей выходкой ты испортила дни рождения и мне, и Александру. Ты, можно сказать, нам жизнь испортила.

Тут уж Люська не выдержала и заревела во весь голос, громко, жалобно, с надрывом. Только сейчас она поняла, что не всегда надо рубить с плеча и что не всякая бумажка является документом. Она завалилась на диван уткнувшись мокрым лицом в подушку, проплакавшись она ещё долго лежала не меняя позы. Ей некуда было спешить, потому что в последний момент, когда слёзы ещё текли, как вода из рваного шланга, она почувствовала, как хлопнули вход-

ные двери и поняла, что в комнате никого не осталось.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Плутовка

Комедия в одном действии

Действующие лица:

Сергей Сергеевич Дубов – отставной офицер.

Анна Викентьевна Дубова – его

жена.

Харитон Севастьянович Хлюпов
– фельдшер.

Марья – горничная Дубовой.

Никифор – слуга.

*Действие происходит в доме Дубовых
на следующий день после возвращения хо-
зяйки с Пятигорских вод.*

Я в л е н и е п е р в о е
Дубов, Дубова.

Д у б о в а. Ах, Серж, это была не жизнь. Я целыми днями сидела в комнате. За весь месяц лишь два раза вышла на улицу. Всего-навсего. Да, да, ты можешь не поверить, но я сразу же решила: без тебя не буду иметь никаких развлечений, даже безобидных прогулок с Марьей. Во-первых, чтобы не дать повода к сплетням, во-вторых, чтобы иметь побольше времени думать о тебе, вспоминать, как мы любились с тобой перед моим отъездом. Ах, Серж, сколько слёз я пролила, сколько ночей недоспала. Господи, не верится, что я снова с тобой.

(Присаживается к мужу на колени,

обнимает его).

Д у б о в. Ну, полно, полно... Я тоже некоторым образом... того... рад. Мы, мужчины, конечно, несколько сильнее... без сантиментов... и всё прочее.

Д у б о в а. *(Заигрывая)* Ух, ты какой... *(Игриво)*. Ты бы уж, конечно, нашёл бы себе какую ни на есть кралю, и уж, конечно, не лил бы слёз по своей жёнушке.

Д у б о в. *(Принимая игру)*. А что, может быть, и нашёл бы какую. Этакую... *(Показывает пышные формы)*.

Д у б о в а. *(С наигранной обидой)*. Все вы мужчины такие. Чуть увидите юбку, так сразу же про своих жён забываете. Хорошо ещё мы, женщины, понятие имеем, а то бы на свете такое творилось, такое...

Я в л е н и е в т о р о е

Те же и слуга.

С л у г а. Барин, тут какой-то господин вас видеть желают.

Д у б о в. Ты что, дурак, не видишь, я занят.

Слуга. Вижу, барин, да они настаивают.

Д у б о в а. А что, Никифор, тот господин тебе незнакомый?

С л у г а. Незнакомый, барыня.

Д у б о в а. А он молодой, богатый?

С л у г а. Да, как сказать, барыня. Вроде не шибко богатый, а может, и притворяется. Они, господа, завсегда молодо выглядят.

Д у б о в. Чего же он хочет?

С л у г а. Не знаю, барин...

Д у б о в. *(Перебивая)*. Ну, так скажи, что меня нет. Не знаешь, как это делается?

С л у г а. *(Продолжая)*. ...но он говорит, что вы его должник.

Д у б о в. Вздор! *(Пауза)*. А, впрочем, чёрт его знает! *(К жене)*. Знаешь, Аннет, может какие-нибудь карточные долги? А может?... *(Слуге)*. Да что тут гадать, зови. *(В сторону)*. Долг — камень на шее, если вовремя не снять, утащит на дно.

Я в л е н и е т р е т ь е

Дубов, Дубова, Хлюпов.

Х л ю п о в. *(Входя)*. Добрый день, Анна Викентьевна, здравствуйте, Сергей Сергеевич.

Д у б о в а. *(Явно, узнав вошедшего)*.
Здравствуйте.

Д у б о в. *(Удивлённо)*. Здравствуйте,
господин...эээ...

Х л ю п о в. Хлюпов, Харитон Сева-
стьянович.

Д у б о в. ...господин Хлюпов, приса-
живайтесь. Чем могу служить?

Х л ю п о в. Покорнейше прошу про-
стить, Сергей Сергеевич, но мне хотелось
бы получить деньги, так сказать, должок,
двадцать пять рубликов. Думаю, Анна Ви-
кентьевна вас уже обо всём в известность
поставить изволила?

Д у б о в. Да нет ещё. *(Жене)*. Аннет,
дружок, так это оказывается твой долг?

Д у б о в а. Эээ... *(Подыскивает сло-
ва)*.

Х л ю п о в. *(Перебивая её)*. Нет-нет,
ваша милость. Анна Викентьевна изволила
говорить, что это ваш долг, и что сразу же
после нашего возвращения из Пятигорска,
вы этот должок и выплатите.

Д у б о в. Так вы тоже лечились в Пя-
тигорске?

Х л ю п о в. Верно так. Возил больную
жену на воды. Там мы с Анной Викентьев-

ной и познакомились. Они изволили меня пригласить домой, где я ввиду моей бедности за эту скромную плату исполнял все желания вашей достойной супруги.

Д у б о в. *(К жене)*. Чёрт возьми, ничего не понимаю.

Д у б о в а. Серж, это всё вздор. Он явно ненормальный. Дай ему двадцать пять рублей, и пусть идёт восвояси.

Д у б о в. Нет-нет, постой. *(Хлюпову)*. А скажи-ка, дружок, какие желания Анны Викентьевны ты исполнял?

Д у б о в а. *(Вклиниваясь в разговор)*. Серж, неужели ты не видишь, что это самый заурядный шантажист, мошенник, вымогатель, разбойник с большой дороги? Да на курорты такую публику и за версту не подпускают.

Х л ю п о в. Ай-ай, Анна Викентьевна, зачем обижаете? Небось у вас в постельке вы меня Харитошей называли, заставляли браться за всякие непотребные места и сами целовать изволяли куда попадая. Сами же говорили, что дома Сергей Сергеевич за все услуги денежки выплатит.

Д у б о в а. Серж, это наговор. Я ещё раз говорю тебе — это шантажист. В шею

его, в шею.

Д у б о в. И верно! Что же это ты, милейший, на мою законную супругу грязь проливаешь? Да она у меня благородная женщина!

Х л ю п о в. Что вы, что вы, Сергей Сергеевич, ни на секунду не посмел думать иначе. Не сомневайтесь, святая женщина. Но денежки уж, будьте добры, всё-таки выплатите.

Д у б о в. Вы что же, милостивый государь, так и считаете, что я каждому встречному поперечному деньги давать буду? И при этом чёрт знает за что! Я и слов-то не нахожу.

Х л ю п о в. Как можно, Сергей Сергеевич, ни за что. Да не будь здесь трудов моих, я бы и не посмел никогда. Жена ваша, Анна Викентьевна, значит, путаться со знатными-то не может, потому как люди они непорядочные, в одночасье развонят всему свету. А я человек маленький, неприметный. Я к ней в квартирку юркну, да до утра и ублажаю. Вот крест вам, Сергей Сергеевич, ни разу она на меня не обиделась. Ни разу я не опоздал и ни разу не ушёл без разрешения. Как честная женщина, она вам каждое

моё слово сама подтвердит.

Д у б о в. Чёрт вас возьми! Вы хотите сказать, что моя жена в Пятигорске всё время спала с вами в одной постели?

Х л ю п о в. Ну, что вы, только по ночам.

Д у б о в а. Мне дурно. Серж, вызывай полицию или гони его вон. (*Хлюпову*). Подлец, обманщик. (*Мужу*). Я вне себя, ты почему не оградишь меня от этого гнусного поклёпа?

Х л ю п о в. Прошу прощения, но это вовсе не поклёп, у меня есть доказательства. Вот. (*Достаёт из кармана бумажный паке-тик*). Это волосы, которые я отстриг у вас на память в нашу последнюю ночь.

Д у б о в. Ну-ка, ну-ка...

Д у б о в а. (*Деланно смеётся*). Господи, да таких улик я вам целый воз доставлю.

Х л ю п о в. Да нет же, это ваши волосы. (*Дубову*). Вот сравните.

Д у б о в. Да, Аннет, это, скорее всего, твой локон.

Д у б о в а. Ах, Серж, это невозможно! Хотя (*Задумывается*), этот тип мог подобрать их у моего парикмахера. Боже, как это просто!

Д у б о в. Уф, и правда. Конечно же, поклёп и шантаж.

Х л ю п о в. Не спешите, господин Дубов. Это ещё не всё. Я, например, могу описать всё нижнее бельё вашей супруги. Вот, панталончики она носит из розового шёлка с голубыми кружевами понизу, а есть и голубые с розовыми кружевами.

Д у б о в. Аннет?! *(Смотрит на неё с напряжённым вниманием)*.

Д у б о в а. Сергей Сергеевич, мне очень неприятно, что ты слушаешь этого вора. Но у Зайцева продают только такие панталоны, и они вот уже два месяца как в моде. Нынче все благородные дамы только в таких и ходят. У любой спросите.

Д у б о в. *(Облегчённо)*. Ну, вот...

Х л ю п о в. А тогда я осмелюсь доложить, что у вас, Анна Викентьевна, на левой груди, чуть пониже сосочка, есть родинка, на которой волосочек растёт; и возле пупка слева – тоже родинка, только чуть побольше размером, чем на груди; а на левой ягодичке родинка ещё больше. Вы, когда я вас раздевал, по поводу их самолично замечали, что это, дескать, указывает вам счастье на будущее.

Д у б о в. *(Громогласно)*. Аннет?!

Д у б о в а. А, может, он какой-нибудь извращенец, он, может, подглядывал за мной в ванне или в туалете? Ты, как муж, хоть бы спросил его, кто он такой?

Д у б о в. Да, милдарь, мне уже давно хочется узнать, кто вы такой? Не псих ли?

Х л ю п о в. Что вы, Сергей Сергеевич. Не псих. Я, с вашего позволения, человек маленький, но не лишён некоторого просвещения, я по медицинской части – фельдшер городской больницы.

Д у б о в а. *(Найдясь)*. Ну, всё ясно. А я думаю, где же я эту бесстыжую рожу видела. Конечно же, когда доктор осматривал меня, этот тип нахально пялил глаза – высматривал родинки. Вместо того, чтобы лечить, он готовился вымогать деньги.

Д у б о в. *(К Хлюпову с облегчением)*. А?

Х л ю п о в. В конце концов, нашу связь смогут многие подтвердить, например, ваша горничная.

Д у б о в. Это мы сейчас выясним. *(Кричит)*. Марья!

Я в л е н и е ч е т в ё р т о е

Те же и Марья

М а р ь я. Что угодно, барин?

Д у б о в. Марья, ты знаешь этого господина?

М а р ь я. Не знаю, как сказать, барин.
(Смотрит на Дубову).

Д у б о в. Говори правду и не вздумай лгать. Анна, скажи ей об этом сама.

Д у б о в а. Говори правду, Марья, и не лги.

М а р ь я. (Крестится). Как на духу, барин, знаю. Он там на водах был и к нам бывало...

Д у б о в а. (Перебивая). Ах, вот оно что! Всё ясно! Так это твой ухажёр? Так значит, ты у меня под носом шашни с мужиками разводишь?! Вон отсюда, распутница!

(Марья убегает).

Явление пятое Дубов, Дубова, Хлюпов

Д у б о в а. Ишь, разбаловалась. А всё наша либеральность, миндальничаем со всякими.

Д у б о в. И то правда. *(Хлюпову)*. Думаю, сударь, на это вам нечего сказать.

Х л ю п о в. Ну, что вы, Сергей Сергеевич, а вот ещё один фактик. *(Лезет в карман)*. Записочка от Анны Викентьевны. *(Разворачивает, читает)*. Дорогой, Харитоша, с нетерпением жду в 10 часов. Вся горю и пылаю от страсти. Целую тысячу раз. Твоя Анна.

Д у б о в а. *(Подходит к Хлюпову)*. Интересно, что это ты, голубчик, ещё выдумал? *(Берёт записку, смотрит, рвёт и сразу же бросает в камин)*. Ну, и авантюрист, рука-то совсем не моя.

Х л ю п о в. Ваша, Анна Викентьевна, ваша. Я, на всякий случай, вторую записочку приберёг. *(Читает)*. Дорогой Харитоша, я вся извелась без тебя, приходи сразу же после обеда, а то до вечера... и так далее. Подпись – твоя Анна. *(Отдаёт записку Дубову)*.

Д у б о в а. Милый Сергей Сергеевич, дорогой мой супруг, на коленях умоляю тебя: спаси и защити мою честь. Да разве в России одна я – Анна? Да их у нас распутниц всяких – хоть пруд пруди.

Д у б о в. *(Внимательно разглядывает)*

записку). Да, нет, Анна, здесь и вправду твоя рука.

Д у б о в а. Ты явно стареешь, Серж. (*Берёт записку*). Посмотри повнимательней. Ведь я и наклон не так сильно делаю и «р» по-другому пишу, а у «к» вывожу завитушку, а здесь всего лишь закорючина. Нет-нет, дорогой, совсем не моя рука. (*Вроде, догадавшись*). Подделка, конечно, подделка! (*Бросает записку в огонь. К Хлюпову*). Вот так-то, как вы там говорите, Харитоша. Сейчас мы вызовем полицию, а уж в участке пусть вам зададут по первое число за все мои обиды и унижения.

Д у б о в. И то правда. Это мы сможем.

Х л ю п о в. Что вы, что вы, я вовсе не хотел вас обидеть. Да если бы не жена больная, я бы и прийти не посмел. Так уж приспичило, что хоть в петлю лезь, ни продыху, ни роздыху. Гибель, да и только.

Д у б о в а. (*Перебивая*). Все вы, шантажисты, как дело проваливается, начинаете плакаться. То у вас плохо, другое ещё хуже. Пришёл бы да честно и выложил, мол, люди добрые, пропился, в карты проигрался или ещё чего-нибудь выдумал. А мы люди не злые, не супостаты, может, и пожалели бы.

Вот Сергей Сергеевич всегда готов помочь бедному человеку. Не так ли, Серж?

Д у б о в. А что? Для нас это трудов не составит.

Д у б о в а. Вот так-то, дружок, и нечего было канитель разводить. Кстати, ты и просил-то всего ничего. *(К мужу)*. Он и просил-то всего 25 рублей, так неужто бы не дали? Милосердие — наш главный принцип в жизни. Я думаю, Сергей Сергеевич, на первый раз его можно простить и отпустить с Богом. А чтобы ему этот случай запомнился на всю жизнь, дай, наверное, двадцать пять рублей, и пусть он устыдится своего поступка.

Д у б о в. Ну, что ж, Бог с ним. *(Достаёт деньги и отдаёт их Хлюпову. Жене)*. Пусть Никифор проводит его.

(Оба выходят).

Я в л е н и е ш е с т о е

Хлюпов

Х л ю п о в. *(Считая деньги)*. Святая женщина. Всё, как сказала. Дескать, при-

дѣшь домой, а там муж тебе и заплатит. Святая, истинно святая!

Входит слуга.

Занавес.

СКАЗКИ

Как Бог по земле ходил

Жил-был в одном селении мужик. Как все мужики, занимался хозяйством, растил хлеб, водил скотину, жалел жену да детей. Детей у него было двое. Старший Митрофан любил хорошо жить, а младший Иван любил работать, как и отец. С утра до ночи был в поле, то скотину пас, то землю пахал, то хлеб молотил. Однако пришло время отцу помирать. Позвал он сыновей:

– Вот, детки, и ухожу я, мать позвала.

Завещаю вам всё хозяйство. Живите дружно, не обижайте друг друга, помните, что вы родные братья. Корень у вас один, а значит и крона должна быть общая.

Сказал он так, тяжело вздохнул и отдал Богу душу. Схоронили дети отца, помянули его по православному обычаю. А на сороковой день Митрофан сказал брату:

– Знаешь, брат, не я придумал, а испокон веков ведётся, что отцово добро наследует старший сын. Я тебя из дома не гоню, можешь жить у меня в работниках, но командовать в доме тебе не позволю. Если у меня не будет детей, то после моей смерти ты унаследуешь всё имущество.

– Хорошо, брат, батрачить я у тебя не буду, а потому отдай мою долю наследства, и я уйду из родительского дома.

– А какая у тебя доля? Шиш да маленько. Хочешь, бери козу, да полторы десятины земли за лесом, а ещё мешок пшеницы, чтобы засеять свой участок.

Взял Иван козу, взвалил на плечи мешок зерна да пошагал по деревне, угол искать.

Слава Богу, долго искать не пришлось. Одна вдовушка позвала его:

– Если тебе, Иван, негде жить, приходи ко мне, подлатаешь крышу, поправишь крыльцо. Смотришь, домишко ещё года два простоит.

Согласился Иван, начали они со вдовой вместе жить, хозяйство вести. Домишко не подкачал, стоит себе да стоит, а тут ещё и детишки стали один за другим на свет выскакивать. Вроде бы это и неплохо, но вот беда, кроме молока и капусты в их закромах ничего больше не было. Как Иван ни старался, полоска его залесная ничего, кроме бурьяна, не родила. Посеет мешок зерна, а получит полтора. Мешок – на семена, полмешка – на еду. На таком рационе трудно разжиреть.

Зато у старшего брата всё чинчинарём. Земля родила, скотина велась, дом село украшал. А на столе только заморских ягод и фруктов не хватало.

Да что мы всё о работе, да о заботе. Бывают ведь на земле и праздники. Конечно, празднуют их люди по разному: одни мёд пьют да кренделями закусывают, а другие и куску хлеба рады. Тем не менее, всё же радуются, празднуют, всё лучшее на стол выставляют.

Как-то весной, аккуратно в светлое пасхальное воскресенье всё и началось. Митрофан с женой расстарались, наготовили сотню блюд, разными вкусностями устали стол, сами нарядились, лучшую одежку из сундуков достали. Только сели за стол, не успели даже по яйцу облупить, как слышат, кто-то зовёт. Чертыхнулся Митрофан, выглянул в окно, а там возле калитки нищий стоит. «Ну, – думает он, – поесть спокойно не дадут, таскают их черти по праздникам. Пойду в шею накостилю, чтобы в следующий раз неповадно под окнами побираться».

Вышел он на улицу, встал на крыльце:

– Чего тебе надо? Ходишь, побираться, людям спокойно праздновать не даёшь. Много вас тут шляется, всех не прокормишь. Пошёл вон.

– Прости меня убогого, хозяин. Дай мне кусочек хлеба ради праздника, я и пойду восвоюси.

– Ах, ты старый бездельник, хлеба захотел, – Митрофана от жадности чуть удар не хватил. – На тебе хлеба, – он поднял с земли камень и сунул в протянутую старческую руку. – Жри, да не подавись.

Старичок взял камень, положил его в

суму, низко поклонился:

– Спасибо тебе, добрый человек, за угощение, пусть и у тебя хлебушко никогда не переводится.

Старичок пошагал дальше вдоль села, а Митрофан довольный, что так отбрил побирушку, вернулся за стол. А жена ждёт его, чарку вина наливает, пирожки да кулебяку подвигает, блины предлагает. Выпил он вино, хотел пирогом закусить, сунул его в рот и чуть зуб не сломал.

– Ты что, жена, сдурела, чёрствые пироги подсовываешь, я чуть зуб не сломал.

Взял он хлеба кусок, а тот каменный, блины тоже каменные и кулич пасхальный тоже из камня. Дошло до него, что без старика нищего здесь не обошлось. Кинулся в амбар, где в сусеках зерно хранилось, глянул на пшеницу, на овёс, ячмень, а там вместо хлеба камешки лежат.

А Иван с женой тоже Пасху празднуют. Капустку на стол поставили, молочка по стаканам налили, последнюю краюху хлеба из кладовой принесли.

– А давай, жена, не просто хлеб сжуём, а тюрю сделаем, ох, думаю, вкусно будет.

– Давай, Ванюша, – обрадовалась жена, – с тюрей праздновать веселей.

Только переговорили между собой, как слышат, кто-то зовёт их. Выглянул Иван в окно, видит, нищий старичок под окном стоит, руку протягивает, милостыню просит.

– Знаешь, жена, мне кажется, на тюрю и половины краюхи хватит, половинку я убогому старичку ради праздника отдам. Мы живём бедно, а он втрое бедней нас. Вынес Иван пол краюхи, подал старичку:

– Ешь, дедушка, на здоровье, пусть бог заступится за тебя.

Взял старичок хлеб, положил его в сумку, поклонился до земли:

– Спасибо, добрый человек, пусть и у тебя хлеб не переводится.

Вернулся Иван домой, а жена говорит:

– Что же ты, Иван, обещал нищему пол краюхи отдать, а сам пожадничал.

– Почему ты так думаешь?

– Как почему? Вон краюха целёхонь-кая лежит.

Понял Иван, что без старичка прохожего дело не обошлось. Взял он хлеб, разломил его надвое, а из каждой половинки новая краюха выросла, сколько не ломал

Иван хлеб, сколько его не ели, а меньше не становилось.

С той поры жизнь у братьев по-разному пошла. Засеял Иван свою полоску весной пшеницей, а она такая уродилась, что он за неделю её с поля еле на лошади вывез. Что себе в закрома засыпал, что лишним оказалось, в город свёз, хорошие деньги за неё выручил. Корову купил, лошадь, домишко подремонтировал, жену да ребятишек одел. Стали по деревне ходить не хуже других.

А у Митрофана беда: вместо хлеба по-прежнему одни камни, питаются капустой да репой, правда, скотина ещё осталась, но и та начала чахнуть. Земля стоит как сиротинушка, нечем её засеять. Долго терпел Митрофан, а однажды не выдержал, пошёл к Ивану и рассказал ему всё, как есть, только про старичка, которому он камень подал на милостыню вместо хлеба, почему-то умолчал. Выслушал его Иван, пожалел брата:

— У меня, Митрофан, нынче хлебушко, слава богу, уродился, как никогда. Зерна я тебе не дам, потому что оно также может в камешки превратиться, а вот краюху хлеба — бери. Сколько от неё не отламывай, она

меньше не становится. Без хлеба вы не останетесь, а там, может, свои грехи и замолишь.

Обрадовался Митрофан, прибежал домой, отломил кусок, стал есть его, казалось, никогда ничего вкусней не ел. Позвал жену, и ей хлеб понравился. Повеселели они, расцвели, понятно, с хлебом-то жизнь совершенно другой кажется.

Как-то раз сидели они за столом, ужинали, хлебом прикусывали, молоком запивали. Вдруг слышат, кто-то зовёт их. Выглянул Митрофан в окно и даже вспотел от испуга. Стоит у крыльца старичок с протянутой рукой, просит милостыню. Схватил Митрофан волшебную краюху, хотел старика угостить, но пока бежал, передумал, жадность опять одолела.

– Ай-ай, – запричитал он, – я бы тебя, дедушка, угостил да у самого последняя краюха осталась.

Поклонился ему старик до земли, поблагодарил за добрые слова:

– Последнюю краюху и просить грех. Пусть последняя у тебя останется.

Сказал так и пошёл вдоль села. А Митрофан довольный, что старика провёл, вернулся домой. Сел за стол, отломил кусок

хлеба и остолбенел, краюха не восстановилась. Видно и впрямь последней оказалась.

Снова наступили голодные времена. Хлеба опять не стало, а идти к Ивану на поклон стыдно. Перебиваются с капусты на репу. А тут снова пасха настала. Зарубил Митрофан последнего гуся, жена зажарила в печи. Только сели за стол, слышат, кто-то зовёт их. Выглянул Митрофан в окно, видит, стоит старичок под окнами, руку протягивает, милостыню просит. Схватил Митрофан гуся, выскочил на улицу, упал перед ним на колени:

– Ты прости меня, дедушка, за моё мироедство, понял я, что не правильно жил. Хлеба у меня нет, так ты возьми гуся, ешь на здоровье.

Почесал старик затылок:

– Нет, Митрофан, мне твой гусь без надобности, ешьте его сами, был бы хлебушко, я бы кусочек взял.

– Прости, дедушка, нет у меня хлеба и теперь, наверно, до смерти его не попробую.

– Так-то оно так, но выход из этого есть.

– Какой же, дедушка, посоветуй, как грех с души снять.

– Конечно, посоветую. Беги бегом к брату и упроси его в отцов дом вернуться, да не работником, а полноправным хозяином. На Иване-то греха нет, значит, у него всегда хлеб будет, а рядом с ним и ты прокормишься.

Не успел старичок и десяти шагов сделать, как сорвался Митрофан с места и рысью побежал к брату. А тот снова пожалел бедолагу и вернулся в отцов дом. С той поры всё у них на лад пошло, жили они долго и богато. Митрофан усердно работал и никогда не отказывал нищим в милостыне. А в разговоре с Иваном не забывал сказать.

– Бог не на небе живёт, он по земле ходит. И если не хочешь обидеть бога, жалей всякого человека, особо убогого, потому что они у Бога на особом учёте.

МАКСИМЫ

* * *

Самая тяжёлая ноша — государство. Миллионы атлантов держат его на своих плечах, но нет того Геракла, который хотя бы на миг сумел взвалить эту тяжесть на себя.

* * *

Счастлив тот, кто не знает, что такое счастье.

* * *

Человек, исполняющий долг перед государством, должен быть уверенным, что и государство что-то исполняет в отношении него.

* * *

Бог – это тоска человечества по справедливому правителю.

* * *

Если ты не видишь, что творится вокруг, значит, ты живёшь в другом мире.

* * *

Скромность украшает скромного, притворяться скромным – уродство!

* * *

Глупый всем доволен.

* * *

У каждого своя родина – поменять её, значит, стать другим человеком.

* * *

Ошибки исправляются красными чернилами. И только дальтоники не замечают этого.

* * *

Есть два понятия: писать и сочинять. Сочиняется история, пишется то, что успели сочинить.

* * *

Без слёз русский человек — иностранец.

* * *

Скромность — главный враг человеческих устремлений.

* * *

Нет подзорной трубы, чтобы рассмотреть время.

* * *

Нет глупца, который был бы глупее всех.

* * *

Страх за себя сильнее страха за человечество.

* * *

Стремление к превосходству и прогресс порождают друг друга.

* * *

Время — условие существования материи.

* * *

Всё имеет свою, так называемую, противоположность. Как только найдётся про-

тивоположность времени, начнётся понимание его сущности.

* * *

Жадность сильнее ума.

* * *

Сегодня — это мясорубка, которая перемалывает завтрашнее мясо во вчерашнюю котлету.

* * *

Лучше ничего не знать, чем знать то, что никому не надо.

* * *

Только ничтожество может нахваливать себя, только большой человек — говорить о своих недостатках.

* * *

Нет глупых женщин, есть мужчины не понимающие их.

* * *

Счастлив, кто знает русский язык. Другого и знать не обязательно.

* * *

От Бога нам дано только одно – судьба.

* * *

Обезобразить, оклеветать, оплевать, одурачить можно всё – даже самую красоту!

* * *

Мудрость не рождается с человеком, она предшествует рождению.

* * *

Хвалить Господа Бога надо за то, что есть, кого хвалить.

* * *

Уйти из жизни, что уйти с гулянки, когда гости ещё даже не садились за стол.

* * *

Пожалеть человека – то же, что помазать ему душу целительной мазью и наложить на рану повязку.

* * *

Умный, который на каждом углу кри-

чит, что он умный, глупее дурака, который утверждает, что он не дурак.

* * *

Если не читать книгу, она превращается в испачканную бумагу.

* * *

Не умирает тот, кто не родился.

* * *

Закон умнее разума.

* * *

Любить только себя – грех, не любить себя – преступление.

* * *

Демократия хороша в бане.

* * *

У умной жены муж всегда хороший, у глупой жены он такой же, как и она.

* * *

Жизнь без правды – иллюзия, жизнь по правде – обман.

* * *

Нет ничего разрушительней, чем битва
за истину.

* * *

За деньги можно купить всё кроме то-
го, что не продаётся.

* * *

Богатство, посланное Богом, – провер-
ка качества человеческой души.

* * *

Кому-то даётся грусть, а кому-то ожи-
дание радости.

* * *

Погубить женщину могут только её
дети.

* * *

После смерти хорошего и плохого че-
ловека остаётся только молва, которая со
временем делает и того и другого историче-
скими личностями.

* * *

Любить и ненавидеть — разная степень одного и того же чувства.

* * *

Истинная оценка человеческой жизни даётся только после встречи со смертью.

* * *

Предать другого — подлость, предать себя — смерть.

* * *

Писатель, восхваляющий правительство, так же далёк от народа, как и оно.

* * *

Мужчина выбирает ту женщину, которая его уже выбрала.

* * *

Больше всего любит учить тот, кто сам не любит учиться.

* * *

Жизнь — это лестница: первая ступень — детство, вторая — юность, третья — зрелость. Надо только внимательно следить — взбираешься ты по этой лестнице вверх или же спускаешься вниз.

* * *

Друг не тот, кто помогает, а тот, кто не вредит.

* * *

Истина пугает каждого человека, ибо ни один из нас не может вознестись над ней. Она угнетает робкую душу, доводя её до отчаянья, и даже сильного человека постоянно держит в тревоге и недоумении. Ужаснее истины нет ничего в мире.

* * *

Только на Земле можно найти силу, которая унесёт к звёздам.

* * *

Верить гороскопу то же самое, что гладить себя по животу вместо сытного завтрака.

* * *

Человеку время от времени необходимо болеть, чтобы понимать, что же это такое — здоровье.

* * *

Только критик может точно определить язык, мастерство автора, его умение выписать образы главных героев, передать волнения душ всех персонажей, но только читатель даёт точную оценку произведению, не копаясь в дебрях литературоведческих понятий.

* * *

Старики, конечно же, глупые, отста-
лые, но лестницу, по которой умные караб-
каются наверх, сделали они.

* * *

Жить по закону легко и просто, прав-
да, если сам закон не усложняет нашу
жизнь.

* * *

Надо думать не как умереть, а как
остаться в памяти людей.

* * *

Страшна не смерть, страшны рассказы
о ней.

* * *

Не успел научиться в детстве, считай,
что опоздал к праздничному пирогу в старо-

сти.

* * *

Ложь тяжким грузом ложится на совесть, и нет такой силы, чтобы сбросить её оттуда.

* * *

Суть жизни не в прозябании на земле, а в том, чтобы сохранить своё имя в памяти благодарного человечества.

* * *

Никто не знает, что такое счастье, но никто не может жить без него.

* * *

Гениальные строки, написанные вечером, утром кажутся пустыми и бездарными.

* * *

Поэты предпочитают читать свои стихи.

* * *

Любовь, что туман, падает в один миг на человека и скрывает всё. А развеется только и станет страшно – сколько доброго и хорошего мы не заметили в своём ослеп-

лении.

* * *

Любовь без страдания, что пьянство
без похмелья.

* * *

Любовь даётся для страдания.

* * *

Нельзя любить слона не имея хобота.

* * *

Все слёзы не выплачешь.

* * *

Переход от планов к воспоминаниям
происходит не по доброй воле.

* * *

Любовь – это цветок, вырастающий от
слияния двух душ. И от того, какими оказа-
лись эти души, цветок может источать
нектар или яд.

* * *

Стереть из памяти – записать.

* * *

Лечиться надо с детства, пока здоровье ещё не покинуло тебя.

* * *

Все преступления и все добродетели подвластны слову.

* * *

Не может человек быть всё время умным.

* * *

Не долгоденствие новых законов.

* * *

Добродетель – труд, от которого человек тоже может устать.

* * *

Умного не жалко, свой приговор он подписывает сознательно. Жалко дурака – за него решают посторонние.

* * *

Душа не может быть признаком жизни, ибо тогда надо признать, что всякий червяк имеет душу.

* * *

Любовь, как вино, приятно на вкус и так же дурманит сознание.

* * *

Нет отца – нет и Отечества.

* * *

Богатые не видят горя вокруг себя – им деньги застилают глаза.

* * *

Жениться – добровольно надеть на себя наручники и добро, если удастся сохранить ключ от них.

* * *

Невесты на звон монет летят стаями.

* * *

Суть политики – в обмане народа.

* * *

Деньги сами по себе ничего не значат. Их ценность определяется только человеческими страстями.

* * *

Память даётся человеку для того, чтобы он не забывал о человеческом достоинстве.

* * *

Совесьть – это товар, которому трудно назначить справедливую цену.

* * *

Стыд – признак совести.

* * *

Мечты – виртуальная жизнь.

* * *

Жадный человек тот, кто имеет что дать, щедрый – кому нечем поделиться.

* * *

Старость – это время, когда появляется возможность осознать всю бездну человеческой глупости.

* * *

Необходимость учит быстрее, чем желание.

* * *

Не всякое страдание – горе.

* * *

Не всякое горе достойно слёз.

* * *

Слёзы – надежда на сострадание.

* * *

Даже прыщик на носу имеет свою историю.

* * *

В кострах амбиций нескольких неумных людей сгорают миллионы человеческих жизней.

* * *

Москва – столица Москвы.

* * *

Деньги – это пропуск в ад.

* * *

Подумай, прежде, чем взяться за розгу, которая уже походила по твоей спине.

* * *

Животные не заботятся о своих роди-

телях.

* * *

Нет войны – нет истории.

* * *

Трудно вспомнить то, что было вчера, особенно если об этом страшно вспоминать.

* * *

История – игрушка в руках политиков. В зависимости от того, кому она принадлежит, и играют с ней по-разному.

* * *

Даже желанный ребёнок рождается случайно.

* * *

Нет бесстыжих женщин, есть бесстыжие помыслы о них.

* * *

Писатель не тот, кто много пишет, а тот, кого много читают.

* * *

Поэта предаёт рифма.

* * *

Есть песни, которые поют с эстрады, а
есть, которые звучат в душе.

* * *

Сила без силы духа – постыдная слабость.

* * *

Смерть – это не та цель, к которой
надо спешить.

* * *

Любят сердцем, ненавидят душой.

* * *

Редкий человек осудит себя на пожизненное заключение или смертную казнь, чаще он назначает условный срок.

* * *

Всякий человек рождается и умирает
вовремя.

* * *

Нет антибиотика, который убивает бактерию любви.

* * *

Нельзя придумать то, что уже придумано.

* * *

Говорят, лицо — зеркало души, но как всякое зеркало оно способно запотевать.

* * *

Жить надеждой — пустое времяпровождение, верить — обманывать себя, любить — впутываться в авантюру.

* * *

Идеальный не обязательно совершенный, это, может быть, и не сбыточный.

* * *

Глупость, сделанная глупцом, — норма жизни, та же глупость, допущенная мудрецом, — катастрофа.

* * *

Великие историю не изучают, они её делают.

* * *

Историю делают великие, а излагают её негодяи.

* * *

Историческая правда и историческая ложь черпаются из одних источников.

* * *

История всегда на стороне сильного.

* * *

История одна – рассказчиков много.

* * *

Любовь, как пожар в лесу, то огонь гаснет, а то разгорается с необыкновенной силой.

* * *

Бог помогает не тому, кто молится, а тому, кто трудится.

* * *

Человек превращается в звезду путём непомерного раздувания самомнения.

* * *

Забота дурака не посещает.

* * *

Дурак всегда счастлив.

* * *

Парение отличается от падения только своей направленностью.

* * *

Ссылаться на великих — плясать под чужую дудку.

* * *

Времени не хватает всегда: кому-то на работу, кому-то на игру в карты.

* * *

Талантливый человек и спит талантливо.

* * *

Добро и зло взвешивают на одних весах.

* * *

Об умерших не говорят плохо, потому
что они уже не услышат этого.

* * *

Жизнь прожить – ума набраться или
последний растерять.

* * *

Мужской поцелуй означает желание,
женский – готовность.

* * *

Любить беззащитного – преступление.

* * *

Косметика – это фотошоп.

* * *

Глупый на то и глупый, чтобы по нему
судить об уме других.

* * *

И футуристы остаются в прошлом.

* * *

В золотом гробу так же холодно, как и
в деревянном.

* * *

Горе маленьким не бывает.

* * *

Для одного миг – вечность, для другого вечность – миг.

* * *

От болезни нельзя спастись таблеткой, можно только раскаяньем.

* * *

Дай льстецу крылья, он всё равно будет ползать.

* * *

Душа человека – это отдельное существо. Когда душа болит, все остальные органы функционируют нормально.

* * *

Самый великий поступок – обуздать себя.

* * *

Чтобы найти прямой путь, надо метаться из стороны в сторону.

* * *

Голодному цветы не дарят.

* * *

В тайне смерти хранится бессмертье.

* * *

Бог нужен человеку, чтобы можно было свалить на него вину за свои промахи, глупость, лень и жадность.

* * *

Сомнение убивает веру, но рождает знание.

* * *

Чем дольше учишься, тем меньше времени остаётся для работы.

* * *

Любовь – это чувство, которое большей частью направлено внутрь себя.

Из книги
ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Воробьи

Прошёл дождь. Душно. На травинках поблескивают капельки воды. На тропинке сидят четыре маленьких воробышка. Серенькие, с белыми точками на щёчках и белыми галстуками на шейках. Они не просто сидят, а легонько прыгают, вертят головками в разные стороны и чирикают.

– Чив? – говорит один.

– Чив, – отвечает второй.

– Чив-чив? – спрашивает третий.

– Чив-чив, – подтверждает самый маленький.

Чирикая, они смешно трясут хвостиками.

Я стою в четырёх шагах от них, стараясь не шелохнуться. Они видят меня, но не боятся, а вовсю болтают между собой, иногда, высмотрев какую-нибудь букашку, ловко склёвывают её и хвастают друг перед другом.

Вдруг три воробья вспорхнули и пересели на небольшое деревце. Четвертый, самый маленький, растерялся и остался на месте.

– Чив-чив-чив, – забил он тревогу и стал прыгать из стороны в сторону, вертя головкой, разыскивая своих сородичей. Те зачирикали в ответ. Услыхав их, малыш неожиданно успокоился, начал что-то искать в траве и быстро склёвывать.

Я постоял ещё, полюбовался на этого смельчака и собрался уходить.

– Чив, – пискнул мне в спину малыш. Я оглянулся, а он, вспорхнув, полетел догонять своих братьев. Я долго вспоминал эту дружную стайку и думал о том, какие же хорошие птицы эти воробьи.

Козлобородник

Козлобородник – это такая трава из семейства сложноцветных. У него крупные цветки, отдалённо напоминающие одуванчик, а может быть даже кавалерскую звезду какого-нибудь заморского королевства. Трудно пройти мимо него, но только до обеда. Позже его большие цветки закрываются и теряются в траве. На завтра с утра можно

любоваться снова. Я так и делал, благо возле забора, мимо которого я прохожу на работу, их расцвело больше десятка. Козлобородник – красивое растение, и я даже скучал без него.

Сегодня снова пошёл на встречу с ними, но, увы, опоздал. Цветков я уже не увидел, зато их места заняли крупные белые пушистые шары, такие же, как у одуванчиков, только в несколько раз крупнее. Мне кажется, что из этих семян могли бы получиться более надёжные парашюты для малышей из Цветочного города.

Маленькая прогулка

День жаркий, далеко за тридцать градусов, на солнце термометр показывает сорок. Природа притихла, деревья и травы поникли, птички чуточку приумолкли, наши рабочие вялые, без огонька в глазах. В полдень пошёл в степь, полюбопытствовать, как же справляются с жарой мои знакомые травы, букашки и козявки. Не успел сделать трёх шагов, как на дорожку выскочил нарядный тёмно-синий с переливами жучок. Жара, по всей видимости, не угнетает его. Он куда-то торопится, поэтому, увидев меня

(а я решил придержать его травинкой), не остановился, а стал ловко уворачиваться от моих притязаний. Однако все его попытки преодолеть преграду успехом не увенчались, и он с неудовольствием повернул назад. Я хотел и на этом направлении остановить его, чтобы получше рассмотреть, но жук нырнул под сухой ком земли и... пропал, как в воду канул.

А я иду дальше. Вдоль тропинки стоят мои знакомые травы. Козлобородник выделяется среди них огромными пушистыми, скорее даже ажурными головками, вызывающими уважение и гордость за матушку природу, сумевшую вырастить подобное чудо. Расцветает донник, выкидывая жёлтые кисти почти на двухметровую высоту. Развесил цветы мышиный горошек, словно маленькие гирлянды разукрасили обочину тропинки. Вязель свои свежие цветочки уложил в нарядные головки, источает запах розы чина лесная. Я здороваюсь с ними, радуюсь этой встрече. А вот и новые знакомые. Выглядывает из-за спин соседей синяк обыкновенный. Каждый его цветок пристроился за пазухой своего листочка. Большие синие венчики с выступающими из них

тычинками привлекают не только моё внимание, но и целой стаи различных насекомых, в том числе и пчёл. Для них каждый цветок синяка – прекрасный праздничный стол, за которым можно вдоволь напиться нектара.

Кстати, у нашего синяка есть один очень близкий родственник – синяк русский. Так вот он и вовсе не синяк, потому что цветы его совершенно не синие, а красные, словно нарумяненные щеки кустодиевских красавиц. Так и пришлось его переименовать и прозвать румянкой. Правда, для учёных ботаников это не оказалось большой бедой. Они всё равно и то и другое растение именуют *Echium*.

Ещё одна встреча. На высокорослом доннике какое-то тёмное образование. Подхожу ближе. Нет, это не образование, а скопление тёмных, почти чёрных мохнатых, жуков. Им и название дано соответствующее – Олётка мохнатая. Олётка – вредный жук. Он питается цветами плодовых, ягодных культур, а когда те отцветают, перебирается на другие цветущие растения. Ест он пыльцу, пестики, завязи, лепестки растений, причём делает это с таким аппетитом, что

совершенно не реагирует на манипуляции с ним. Хочешь, сам съешь его.

Тропинка повернула вправо, а я шагнул прямо на обочину и тут же натолкнулся на гнездо осы – полисты французской. Бумажный сот из нескольких ячеек длинной тонкой ножкой прикреплён к стеблю донника. Оса, видимо, основательница будущей колонии, ловко снуёт по ячейкам своего сооружения. Трудно разглядеть, чем она занимается, то ли чистит ячейки, то ли раскладывает в них корм для будущих личинок, то ли сеет яйца. Дело не в этом. Важно, что все свои помыслы, заботы, действия, всю свою жизнь она подчинила достижению одной цели – выращиванию потомства. Ничто не сможет сбить её с этого пути: ни погода, ни люди, ни другие живые существа. Полисты должны жить, продолжать свой род. Ах, если бы так думали и все люди о своём потомстве.

Грач

Умная птица грач, мало того, ещё и умелая. Работаю я как-то во дворе. На улице

прохладно, трава пожухла, деревья скинули зелень — всё готовится к зиме. Птицам с каждым днём всё труднее находить пропитание. Вдруг, большая тень мелькнула над головой и на секунду отвлекла от работы. Оглянулся, вижу, одиночный грач взлетел на самую вершину росшей неподалёку абрикосины, расставил пошире ноги и принялся что-то долбить своим железным клювом. Интересно, что за поживу нашёл он. Потихоньку стал подвигаться к дереву. Грач скосил на меня глаз, но с места не трогается, понимает, что в руках у меня ничего нет, а значит и угрозы от меня никакой.

Я ещё приблизился к дереву. Тут уже благоразумие его взяло верх над храбростью и голодом, он подхватил свой грецкий орех в клюв и перелетел на соседнее дерево. Аккуратно уложил его между ветвей и снова принялся с силой, будто долотом, долбить свою добычу, надеясь добраться до сердцевины. Я не стал больше мешать ему. Справился он с орехом или нет, не знаю, надеюсь, что ему всё-таки удалось победить этот толстокорый деликатес.

Орехи

Иду по улице, как всегда смотрю по сторонам и под ноги, надеясь увидеть что-нибудь интересное. В городе всегда есть место интересному, правда, не все видят его. А я иду и примечаю: вот букашка ползёт, вот паук притаился на ветке, вот незнакомая мне травка выглядывает из цветущего газона, а там расторопный сверчок, напуганный мною, спешит спрятаться в густую траву. Да мало ли чего неожиданного можно встретить на улице.

Вот и сейчас неожиданно чуть ли не на голову мне откуда-то сверху упал грецкий орех. Он звонко шлёпнулся об асфальт, подпрыгнул и откатился в сторону. Я остановился, огляделся. Нет, орехового дерева поблизости не было, прохожих, которые могли бы кинуть его на землю, тоже. Я долго стоял и в растерянности вертел головой. Когда я рассказал об этом загадочном случае своим друзьям, они долго смеялись надо мной. И только потом рассказали, что орехи кидают на асфальт грачи или вороны. Таким образом, они разбивают их и добираются до вкусного ядра.

Кстати, если вы когда-нибудь увидите ореховое дерево, растущее само по себе,

можете быть уверенными, что садоводами в этом случае были сообразительные грачи и вороны.

«Птичка»

Как-то дочь рассказала, что видела на цветах птичку размером с шершня или чуть побольше. Она летала над цветами и пила нектар, не садясь на цветок, а зависая в воздухе, как колибри. У птички серенькое оперенье и длинный изогнутый клюв. Через некоторое время она вновь увидела её, на этот раз её рассмотрела и жена. Птичка порхала по саду, не боясь наблюдателей, пила нектар и наслаждалась жизнью. Меня этот феномен страшно заинтересовал. Я перерыл всю имеющуюся у меня литературу, но найти что-нибудь подобное не смог. Расспросил соседа, тот подтвердил, что и правда такая птичка здесь водится, но как её называют, он не знает. Прошло ещё несколько дней, вновь эта птичка появлялась у нас. Но я уже практически отказался от попытки идентифицировать эту птаху хоть с каким-нибудь существом из рода пернатых.

Однажды совершенно случайно я открыл в определителе насекомых статью «Бражники» и первое, что прочитал в ней,

это сообщение о высоких лётных качествах бражников. В частности, что питаются они нектаром, не садясь на цветок, а зависая над ним. В «Жизни животных» нашёл фотографию Длинноклюва обыкновенного (Языкана обыкновенного), и мои женщины сразу же узнали в нём ту самую «птичку». А я чуть позже узнал, что эта бабочка – самое обычное насекомое Донского края.

Большой ночной павлиний глаз

Ранний майский день. Я ещё сплю, вернее, дремлю. Скоро на работу. Вдруг в комнату входит, чуть ли не вбегает, жена.

– Вставай быстрее, на заборе в ограде сидит какая-то необычная бабочка. Я такую сроду не видела.

Секунда – и я на ногах. По пути захватил фотоаппарат. Бегу за женой.

– Вот она.

Боже, я замер от восхищения, такую бабочку тоже никогда не видывал. Размером она с мою ладонь, ну, может, чуточку поменьше, зато красотой переплюнула все известные до сей поры живые создания. Весь наружный покров её выглядел бархатным, царственно серым с белыми пятнами и

лентами. По краю крыльев ленты представлялись горностаевыми опушками, точь-в-точь как на мантиях у западных королей. Но особенно выразительными были пятна на крыльях, которые казались глазами какого-то сказочного зверя. Точь-в-точь как в песне «Под небом голубым...» из репертуара группы «Аквариум».

*А в городе том сад, всё травы да цветы;
Гуляют там животные невиданной красоты.
Одно – как жёлтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей...*

Я стал подкрадываться к бабочке, фотографируя её через каждый шаг. Больше всего боялся, что она вспорхнёт и умчится по своим делам неизвестно куда. Вот я приблизился к ней на три шага, на два, на шаг, вот сфотографировал её во всех ракурсах, полюбовался её красотой.

Но подошло время, надо было ехать на работу.

Вернулся домой уже вечером. Спросил о бабочке.

– А мы поймали её, – радостно сообщила жена.

Сердце моё оборвалось:

– Вы что убили её?

– Ну что ты, она живее всех живых, вон под банкой сидит.

Я тут же убрал банку. Бабочка не шелохнулась. Потихоньку я посадил её на ладонь. Она сложила крылышки, потом взмахнула ими и поднялась в воздух. Сделав небольшой круг, неожиданно села на меня. Я вновь попытался заставить её улететь, но она никак не хотела расставаться со мной. И только потом я сообразил, что бабочка эта ночная и ей просто необходимо где-то переждать день. Я посадил бабочку на дерево. На утро её уже не было.

А бабочку зовут большой ночной павлиний глаз. Чудесная бабочка. Если кому-то посчастливится увидеть её, проявите милосердие, не обижайте это неземное создание.

PS. Бабочки-самки днём никогда не летают. Самцы тоже предпочитают делать это ночью, но у них, как и у мужчин других видов, всегда непредсказуемое поведение. Захотят, летают и днём.

Продолжение

Вернее, это не продолжение, а начало. Было время, когда о большом ночном пав-

линьем глазе я и слыхом ничего не слыхивал, даже представить себе не мог, что где-то летают такие красавицы. Но, тем не менее, встретился я с ней гораздо раньше, чем описано в предыдущем сюжете.

Однажды в июльский жаркий день сидели мы с соседом у него во дворе под огромной раскидистой грушей. Плоды уже созревали, и нет-нет какой-нибудь из них срывался со своего места и, торопясь посмотреть новый мир, падал вниз. Мы разговаривали и смеялись, если какой-нибудь неугомонный плод ненароком падал на нас. Вот очередной шлёпнулся на землю, за ним ещё один, второй, третий.

И, вдруг, под самые ноги свалилась огромная гусеница: зелёная, с редкими, но заметными щетинками. Удар о землю видимо выбил её из колеи, она извивалась на месте, но не уползала, что дало нам возможность внимательно рассмотреть её. Размером она была с большую сосиску, а может и сардельку, что конечно ошеломило и меня. Ничего подобного мне видеть не доводилось. Мне очень жалко, но конец у гусеницы был плохой, сосед поступил с ней как с вредителем. Лишь позже я узнал, что гусе-

ница эта неразумное дитя павлиноглазки — самой сказочной бабочки нашей местности.

Рыжий кот

Каждый день во дворе появляется рыжий кот: большой, красивый, гладкий и бесстыжий. Не успею поставить своей кошке блюдце с едой, он тут как тут. Кошка у нас не жадная, с радостью делится с ним лакомствами. Пробовал я отгонять его, но всё оказывалось напрасной тратой времени. Кот отходил от блюдца, садился невдалеке и глядел на меня, как на самого глупого человека.

Прошло некоторое время, и он перестал появляться, вернее, забегал во двор, но очень уж редко. А ещё через несколько недель у кошки появились котята: маленькие, писклявые и все до единого рыжие. Теперь понятно, почему кошка кормила кота из собственного блюдца. По-видимому, она считала своим долгом кормить мужа и отца своих детей. Посмотришь и удивишься: ну, всё как у людей.

Ящерица

На улице прохладно, хотя весеннее солнце уже начинает отогревать землю. Кое-где проглядывает зелёная травка, стремясь напитаться живительными лучами дневного светила. На газонах, где почва помягче, трава погуще, там уже ползают какие-то жучки и мелкие букашки. Вот и ранняя бабочка бодро машет разноцветными крыльями. Помахала и улетела.

А это кто выглядывает из травы. Подхожу ближе. Ого! Ящерица нежится на солнце, как на печке. Она никуда не торопится и даже от меня не думает убежать. Подхожу ближе. Она смотрит на меня, как мне кажется, прямо в глаза и, наверное, осуждает меня за бестолковость. Ну, разве можно мешать маленькому зверьку принимать солнечные ванны, такой большой дядя должен быть поумнее. Я понял эти ящеркины мысли и поспешил ретироваться. Наверное, она в тот миг вздохнула с облегчением.

Сколия

А вообще-то вы знаете кто такая сколия? До встречи с ней и я не знал. Вышел во двор, смотрю на деревья, на которых уже созревают плоды, люблюсь цветами. Жена

моя большой любитель их. Каких только не насадила, и все цветут и благоухают. Но самый привлекательный участок – это розарий. Розовые кусты высокие густые и на каждом побеге крупные розы самой разнообразной окраски. Есть жёлтые, розовые, красные всяких разных оттенков, кремовые. Но главное даже не в этом, а в том, что все цветочки радуют глаз правильной формой. Только-только подумал об этом и только-только взглянул на розы, как сердце чуть ли не оборвалось. На одном самом крупном жёлтом цветке ясно проглядывалось большое тёмное пятно, ужасно компрометирующее чистоту желтизны.

То, что это был живой цветоед – я понял сразу, поскольку неодушевлённые предметы сами собой забраться на цветок не смогли бы. Потихоньку, чтобы не спугнуть неизвестное мне существо, подбираюсь к цветку. Что же вижу? Среди помятых лепестков и тычинок лежит огромное лохматое насекомое с толстым брюшком и прозрачными крыльями и, как мне кажется, шумно грызёт всё, что только попадает к нему на глаза.

Мне очень хотелось поймать этого

«зверя», но он видимо, уловив мои намерения, взмахнул крыльями и тяжело полетел прочь. Видно было, что полёт даётся ему не просто. То ли это его обычная манера, то ли объелся розовой пыльцы.

Чуть позже я узнал, что гостила в нашем розарии самая крупная оса юга России.

Стрекоза перевязанная

Хожу по саду, фотографирую цветочки, плоды, стараюсь примечать самых разных насекомых. С некоторыми я знаком: с кем-то заочно по книгам и определителям, с другими лично через самые тесные контакты. Дружно летают пчёлы, осы грабят первые плоды: ягоды и фрукты. Снуют по деревьям шустрые муравьи, умеющие, однако, сохранять солидность. Нет-нет да промелькнут цветные, а вернее, разноцветные бабочки: крапивницы, белянки, голубянки. Встречаются уже и стрекозы, которых не только сфотографировать, но и рассмотреть, подчас, бывает непросто. До того они юркие и стремительные.

И вдруг перед глазами появляется какое-то чудо, маленький вертолёт. Он мед-

ленно парит над травой, без резких движений садится на неё и также спокойно вздымает в воздух. И лишь подобравшись ближе, вижу, что никакой это не вертолёт, а самая настоящая стрекоза. Правда, она не совсем настоящая, потому что её прозрачные крылышки во время полёта не видны, а мелькание тёмных пятен на кончиках крыльев создаёт впечатление вращающегося винта вертолёта. Сходство с этой винтокрылой машиной усиливается за счёт особой манеры полёта.

Делаю несколько фотографий и бегу за определителем насекомых. Ну вот, теперь я знаком ещё с одним приятным насекомым – стрекозой перевязанной (она же симпетрум перевязанный).

Боже, до чего же здорово, что ты создал такие красивые и необычные творения, которые живут рядом с нами и украшают мир.

Жук-носорог

Осень. Копаю на своём огороде картошку. Неподалёку ходят куры, тоже роются в земле, что-то находят, склёвывают и про-

должают свои изыскания дальше. За поисками кур внимательно наблюдает петух. Но иногда он отвлекается от этого нужного дела и тоже начинает разгребать землю. Правда сам свои находки он не ест, а передаёт понравившейся в этот миг курице.

Куры совсем не боятся меня, а выхватывают червячков почти из-под рук. И вдруг я выворачиваю на свет божий большого жука-носорога. Я думаю, описывать его нет смысла, потому что все жители нашей страны видели его, если не в природе, то на картинках. Я очень обрадовался такому подарку судьбы, потому что давно хотел показать маленькой внучке живого жука-носорога.

Но вот беда, у меня с собой не было никакой коробочки или баночки, чтобы спрятать его до поры до времени. Но выход, как мне подумалось, я нашёл. Жук казался вялым, но цепкость его лапок была феноменальной. Потому я и посадил его на забор. Он уцепился лапками за доску с такой силой, что оторвать его от спасительной для него поверхности без значительных усилий было трудно. Довольный я продолжил копать в земле, время от времени поглядывая на свою находку.

И вдруг в один момент я увидел, что жук, видимо устав сидеть на заборе, упал с него. Я подбежал, чтобы подобрать носорога, но оказалось, что сделать это не просто. Причина одна: он просто-напросто исчез. Я перерыл в округе всю землю, сантиметр за сантиметром обследовал участок — увы — труды были напрасными. В конце концов, махнул рукой, мол, что с воза упало, то пропало. И только курица, стоявшая неподалёку и наблюдавшая за моими бессмысленными усилиями, думала по-другому. Едва я отступил на один шаг, как она подбежала к месту моих поисков, клюнула и извлекла на свет божий моего жука-носорога. Доказать ей, что это мой трофей, я не сумел, больно уж она быстро бегала.

Поцелуй

Управляюсь в хлеву. Чищу пол, убираю навоз, пою корову. Она стоит на привязи возле окошка, через которое ей задаётся сено, и терпеливо ждёт, когда я начну главное действие — кормление. Корова у нас молодая, но умная и деятельная. Она всё знает и ничего и никого не боится. Несмотря на то, что она комолая, без рогов то есть, в ста-

де верховодит над всеми. И если ей что-нибудь не по нутру, она смело вступает в сражение за свои коровьи права. Как правило, в схватке с самыми рогатыми животными остаётся победителем.

Подошёл сосед и сразу же завёл разговор о коровах. В деревне это самая важная и интересная тема.

– Хорошее животное – корова, – сказал он, – но уж больно тупое. Доброго слова не понимает. Обязательно надо кнутом погонять или кричать как оглашенный.

Я возражаю:

– Прости, Иван, моя корова умная. Ты же видел, как она с чужими коровами расправляется. Не бьёт их в лоб, знает, что у тех рога есть, а обязательно нацеливается в бок ударить и с ног сбить. Понимает, значит.

– Это всё не то, – с досадой отвечает сосед. – Я говорю, что слов они не понимают. Возьми, к примеру, собаку. Скажешь ей: «Сидеть или лежать», она сядет или ляжет. А корове хоть командуй, хоть проси, хоть стихи читай. Всё без толку. Одним словом, тупое животное.

– Не правда, – снова возражаю я, – моя корова и слова понимает. Хочешь, прове-

рим?

– Да ерунда всё это, – не верит сосед.

– А вот смотри, – я подошёл к окошку, через которое задаю сено, открыл его. В глубине пригона стояла Малютка и жевала жвачку. На меня она даже и не посмотрела, поскольку понимала, что я подошёл к окну без сена и, следовательно, большого внимания не заслуживаю.

– А теперь, – обратился я к соседу, гляди в оба, и тихо позвал корову: «Малюта, Малюта». Она резко прекратила жевать и повернулась ко мне, уши зашевелились и в одно мгновение повернулись в мою сторону, словно локаторы.

Я снова позвал её: «Малюта, давай поцелуемся». Она постояла неподвижно несколько секунд, а потом просунула голову в окошко и далеко вытянула шею, подставив свой нос к моим губам. Я чмокнул её и победно поглядел на соседа. Тот скептически улыбался:

– Это всё ерунда, просто ей захотелось высунуть голову, а тут ты подоспел со своим поцелуем.

– Хорошо, – тут уже я вошёл в раж, – давай повторим. Мы поцеловались с Малю-

той ещё раз, потом ещё, потом ещё несколько раз.

Наконец, я сказал:

– Не веришь, что корова умное животное, не верь. Но факты принимать ты обязан. Корова прекрасно понимала мои слова и всё делала как надо.

Когда сосед ушёл, я дал своей умнице сено, полюбовался, как она ловко управляется с ним, и потихоньку побрёл домой. Весь вечер меня одолевало сомнение: неужели и вправду корова так умна, что понимает человеческую речь, или просто она решила постоять за свою честь и честь хозяина. Ведь, сказать по совести, после ухода соседа она ни разу не высунула голову в окошко, сколько я не звал её.

Осина

Как-то меня спросили: «А ты видел осину?» Что тут скажешь? Не только видел, но и жил бок о бок с этим интересным деревом. «А как она выглядит?» – спросили меня. А как? Чтобы описать, надо сравнить с чем-то. Ну, разве если с тополем, но добавить, что листочки её на длинных черешках и всё время дрожат, словно боятся, что ветер

сорвёт их и унесёт далеко-далеко от родных мест. А осенью листья краснеют. Наверное, состарившись, они стыдятся своих детских страхов.

Как-то я проходил по Старо-Солёному и как всегда крутил головой, разглядывая растения. И вдруг натолкнулся на дерево, ужасно похожее на осину. Меня одолели сомнения, а она ли это? Ведь в Волгодонске я ни разу не встречал это дорогое моему сердцу дерево. Присмотрелся, попробовал на вкус листочек, ура! – она. Как живётся тебе в южной стороне, землячка? Надеюсь, что привыкла, как и я!

Берёза

А вот берёзы в Волгодонске не редкость. Есть даже берёзовая аллея. Но смотрю я на них, и сердце обливается кровью. Берёзам здесь тяжело, губят, истощают их силы летний зной, степные ветры. Большая часть деревьев больна, стволы их корявы, как бывают корявы несчастные люди, пострадавшие в страшных автомобильных катастрофах, вынужденные передвигаться на костылях или в инвалидных колясках. Многие берёзы суховеершат, раньше времени роняют листву, одним словом, представляют

собой жалкое зрелище. Не для них степь.

Форзиция

Весна. А вроде бы и не весна. Потеплело, кое-где из земли выскочила первая зелень, но деревья и кустарники ещё голые. Время, когда вся природа стоит на распутье. В какую сторону податься? Назад ли, вперёд ли. Так не хочется назад, так хочется тепла, солнца, чистого неба, зелени и цветов.

Еду в троллейбусе. Гляжу в окно – безрадостный вид. Серые дома, грязные обочины, уставшие за зиму прохожие. Я отвожу взор от окна, собираюсь прикрыть глаза и даже малость вздремнуть, но что-то вдруг отвлекло меня от грустных мыслей. Что-то яркое солнечное необычайно жёлтое мелькнуло за окном. Жаль, не успел разглядеть. Но уж теперь я вглядываюсь в пейзаж за окном внимательно и даже пристально. Вот опять солнечный блик. Боже! Да это ведь цветы! Расцвели среди серости и скуки какие-то кустарники, и цветочки их, похожие на китайские фонарики, сразу же сделали наш город светлее и наряднее. Это форзиция, или форсайтия – кустарник, который сначала цветёт, а потом выпускает листочки.

Вот почему жёлтый цвет так далеко и ясно виден. Ничто не мешает цветочкам красоваться на воле и радовать меня.

Гингко

Поздняя осень. Лёгкий ветерок перебирает опавшие листья, легонько поглаживает их и собирает в огромные разноцветные букеты. Иду медленно, смотрю под ноги. Вот рыжие неприглядные листья тополей, а вот резные листья клёнов. У нас их несколько видов и у каждого из них своеобразный рисунок листьев. Вот берёза, там дуб, там абрикос, а это белая акация (вернее, робиния), красивы листья грецкого ореха. Иду медленно, радуюсь, что узнаю знакомцев, приятно, что ни говори. Прохожу по улице Ленинградской и...

Тут-то я и спотыкаюсь, правда, не сам, а мой взгляд. Вижу что-то необычное. То, что это листья, — не сомневаюсь, и то, что эти листья какие-то не такие, понимаю сразу же. Я поднял несколько листьев, верчу их, рассматриваю. А в голове уже застучали молоточки: «Тук-тук, думай, тук-тук вспоминай». Думаю, вспоминаю. Нет, ничего не вспоминается и думается что-то не то.

Принёс я эти листочки домой, полистал книги. Перед упорными все двери открываются, на радость мне открылись они и передо мной. Оказалось это гингко – дерево с доисторическим прошлым, ровесник динозавров из далёких южных стран.

Я до сих пор нет-нет да и вспомню эти листочки, которые развели меня как мальчишку. Я ведь, честно говоря, искал по всей округе чудесное дерево, породившее их.

А оказалось, что дерево это растёт в наших родных субтропиках, а именно в Сочи, где летом отдыхала одна семейная пара из дома по Ленинградской. Молодая жена, увидев это красивое дерево, заинтересовалась им, а узнав о его лечебных свойствах, нарвала целый мешочек листьев. Вернувшись домой, она тут же забыла о своих намереньях стать здоровой с помощью листьев гингко, а месяца через два-три, когда на улице начался настоящий листопад, она просто вытряхнула их через форточку.

– Пусть летят, – решила она, – лишние листья никому уже не помешают.

А они не только не помешали, но и порадовали меня, а может быть, и ещё каких-нибудь впечатлительных прохожих.

Змея

Змеи в наших краях не редкость, но какие бы вам змеи не попались – все будут гадюками обыкновенными. Деревенские жители с детства знакомятся с ними. Никто их особенно не боится, но, тем не менее, остерегаться приходится. И то сказать, неосторожного человека могут и цапнуть.

Однажды меня позвали на покос. Закинув на плечо отбитую и отточенную косу, я бодрым шагом зашагал прочь из деревни. Шёл недолго, до косарей оставалось метров сто. Я прибавил шаг и совсем не обратил внимания на тощенький неубранный рядок сена. Именно он и оказал мне медвежью услугу, скрыв длинную и толстую змею. Я почувствовал укол чуть повыше пятки и подумал, что это слепень решил испытать моей крови, но резко обернувшись, чтобы наказать несносное насекомое увидел, как от меня медленно уползает большая гадюка. Она отливала на солнце каким-то невероятно красивым цветом, подняв голову и беспрестанно шипя, она медленно и даже вальяжно отползала в сторону, наверное, понимая, что своё дело сделала – защитила свою непри-

косновенную жизнь.

Мужики тут же отвезли меня в больницу, а когда они же спросили:

– А ты хоть гадюку эту убил?

Я честно ответил, что нет. Она-то ни в чём не виновата. Ведь нормальные люди на покос в туфлях не ходят, для этого есть сапоги.

Ящерицы

Сентябрь, тёплый день, тихо, летают осенние паутинки, вернее, паучки на осенних паутинках. Все деревенские жители, свободные от работы, высыпали на огороды, копают картошку. Она – самый ценный продукт после хлеба, без него зимой скучно.

Копаю и я. Мама на работе, ребяташки в школе, а я отпросился с занятий в училище и вырвался на пару деньков на помощь. Работа идёт споро. Я уже подкопал кусты и теперь выбираю картофель из земли. Взял куст, выдернул его, отряс от земли и приросших к нему картофелин, двумя руками покопался в лунке, проверил не осталась ли там картошка и передвинулся к следующему кусту.

Когда рядом никого нет, в голову

начинают просачиваться разные мысли, а оставшись с ними вдвоём забываешь о действительности. Я уже мало-помалу прошёл половину огорода, как вдруг на очередном кусте руки мои провалились в землю и я вместо твёрдых картофелин вывернул наружу большой шевелящийся клуб. От неожиданности я отпрыгнул в сторону и даже закричал. Приглядевшись понял, что это ящерицы собрались вместе, чтобы перезимовать в земле, и кричать по этому поводу не стоило бы. Так это или нет, но я выкопал на убранной полосе глубокую ямку и скатил в него клубок. Раз уж вам нравится так зимовать, лежите, никто до весны вам не помешает.

На хвосте у коровы

Моряк, маленькая дворовая собака, неизвестно каким образом прибилась к нам. Первые дни он вёл себя, как подобает гостю – скромно, тихо, без лишних запросов. Чуть позже понял, что никто его никуда не гонит, а значит он теперь настоящий хозяин занятого им двора. Тем более, все члены семьи полюбили его, да как такого пёсика было не любить, если он всегда был готов поиграть с

ребятишками, выгнать со двора чужих кур и даже порычать на прохожих.

Однажды во двор забрела чужая корова. Моряк увидел её и оторопел, такой наглости он простить не мог. Раздался звонкий лай и отважная собачонка кинулась на рогатое страшилище бессовестным образом вторгшееся на чужую территорию. Моряк нападал отважно, корова пыталась достать его рогами, но не тут-то было, он мастерски уворачивался от грозного оружия. И всё же коровьи нервы не выдержали. Она пустилась бежать. Моряк мчался за ней, пытаясь укунить нахалку. Наконец, это ему удалось: он высоко подпрыгнул и вцепился намертво в разбойничий хвост. Хвост дёрнулся и собачонка заболталась на нём. Попытки оставить его ни к чему не привели. Моряк висел на хвосте, корова напуганная непонятной напастью, уже бежала галопом, а охранник двора болтался между небом и землёй и визжал от страха на всю округу. Только метров через сто ему удалось отцепиться от хвоста. Он упал на землю, встал и пошатываясь направился домой с видом побитого пса. Целый день он лежал в будке, видимо, обдумывая случившееся. Наверное, герой сумел сделать

правильные выводы из неприятного происшествия. С того дня он никогда не нападал на коров и вёл войну только с чужими курами.

Собака ищет клубнику

В наших краях урожайный год на клубнику – настоящий праздник. Стар и млад на велосипедах, мотоциклах, автомобилях едут в лес, а у кого нет транспорта, отправляются за ягодой пешком. Мы ходили пешком и брали с собой Куклу, собачку из породы дворняжек. Она всегда бежала впереди нас, повиливая хвостом и постоянно оглядываясь, как бы проверяя идём мы за ней следом или нет.

Чтобы собрать ягоду, надо было найти поляну, а чтобы найти поляну надо протоптать не один километр. Однажды мы хватились Куклы, её нигде не было. «То ли домой убежала, – подумали мы, – то ли заблудилась». Стали искать и нашли, она сидела на краю ягодной поляны и с удовольствием пожирала крупную сладкую клубнику. Мы тоже припали к поляне и уже через пару часов наши вёдра были полными.

С той поры так и повелось, идём в лес,

берём с собой Куклу, а там уже не выпускаем её из виду. Благодаря собачке мы всегда возвращались домой с ягодой.

Мурмуська

Кошку звали Мурмуська. Ума, как я выяснил потом, была необыкновенного. Мне, конечно, могут возразить любители биологии, знатоки этологии и учения Чарльза Дарвина, что кошками движет не разум, а инстинкт. Может быть, другими кошками он и руководил, но вот Мурмуська в эту категорию животных не попадала.

Однажды мы всей семьёй сидели в комнате. Было лето и дверь на улицу оставалась открытой. Кошка тоже была в комнате и так же, как мы, бездельничала.

Жена поглядела на неё и назидательно, покачивая пальцем, сказала:

— Не стыдно тебе, Мурмуська, сидеть в комнате? Ты же ещё молодая. Нашла бы себе какое-нибудь занятие. Пошла бы хоть мышку какую-никакую поймала.

Кошка посидела ещё несколько минут, а потом исчезла. Прошло немного времени и она вернулась, неся в зубахмышь. Торже-

ственно пройдя через всю комнату, она положила её на пол возле ног хозяйки, всем видом показывая, мол, заказ выполнен, ешьте на здоровье.

Хорёк наказал

Знакомый шофёр возил песок на стройку из Сарыкамышки в райцентр. Путь его пролегал через наше село. Однажды он пригласил меня с собой, чтобы не так скучно было. Я с радостью согласился. А какой бы мальчишка отказался от такой поездки.

На обратном пути он вдруг остановил машину и выскочил из кабины. На дороге кто-то копошился, знакомый пытался поймать его, а тот «кто-то» отбивался, защищался. Но силы, видимо, были не равными и улыбающийся водитель принёс с собой какого-то зверька, плотно упакованного в куртку.

— А кто это, дядя Женья?

— А кто его знает. Зверёк какой-то.

Мне очень хотелось посмотреть на него, но зверолов не разрешил.

— Дома посмотрим.

С этим и поехали дальше. Дома зверька поместили в ящик, который накрыли

стеклом. Каждый желающий мог свободно подойти и посмотреть на эту лесную диковину. Подошёл и дед Игнат:

– Это хорёк, – едва взглянув на зверька, сказал он. – Зря вы его домой привезли. Он много бед может натворить, особенно если вы обидели его.

– Ладно, пусть он посидит в ящике, а завтра я его увезу обратно, – ответил знакомый шофёр.

– Это правильное решение, – похвалил его дед, – дикий зверь должен в лесу жить.

Утром хорька в ящике не оказалось. Как он ухитрился сдвинуть стекло, не ясно.

– Ну и шут с ним, – решили мы, – убежал и убежал, тем более лес от деревни в сотне шагов.

Прошёл день, второй, а на третий день хорёк вернулся, скорее всего, чтобы отблагодарить за гостеприимство. Утром нас ждало потрясение: все куры в курятнике были мертвы, все были целёхоньки и только головы у каждой из них были прокушены. Дед Игнат поглядел на безвинно погибших кур и сказал:

– Это месть хорька. Его работа, по почерку видно.

Телёнок

Третью ночь мой сосед, почитай, без сна. Нет, он не страдает от бессонницы, не гложут его боли, да и совесть его чиста. Просто подошёл долгожданный срок, когда его корова должна принести приплод. Корова, как известно, животное бестолковое, поэтому во время отёла надо обязательно следить за ней. Момент этот очень ответственный, если не доглядеть, то можно и телёнка потерять, и корову испортить.

Много разных случаев на селе было. У одних нерадивых хозяев корова нечаянно затоптала телёнка, у других – не смогла растелиться, у третьих – телёнок упал на пол, где не оказалось подстилки, и замёрз.

Сосед был не из таких людей. Перед тем, как ложиться спать, его жена ходила в хлев, оценивала обстановку и укладывалась в кровать, а сосед потом каждый час подскакивал по звонку будильника, натягивал штаны и телогрейку, впихивал ноги в огромные валенки и шлёпал в темноте и по морозу на разведку.

Всякий раз, приоткрывая дверь в стайку, перед его заспанными глазами возникала

одна и та же картина: корова спокойно стояла возле кормушки и спокойно пережёвывала душистое сено. Телиться она и не думала.

Так прошла первая ночь, за ней вторая. Сосед уже еле волочил ноги от усталости, но когда жена предлагала свою помощь, он гордо отвергал её. В третью ночь вымотанный мужской организм не выдержал. После очередного похода к корове сосед, в очередной раз, заведя будильник, не снимая с себя одежды, упал на подушку и уснул так сладко, как не спал никогда в жизни.

Проснулся он от того, что жена тормошила его за плечо и что-то шипела на ухо.

– А? Что? – он испугано смотрел по сторонам, пытаясь понять, с какой стороны началась война.

– Вставай, корова отелилась. Ты видел?

– А? Нет. – Он всё ещё не мог прийти в себя и, лишь когда отчаянно протёр глаза и прозевался, пробормотал:

– Ну, слава богу.

– Слава-то, слава, а вот телёнка нет, – упавшим голосом проговорила жена.

– Как нет? – сон мигом слетел с него, как курица с насеста, и он рысью помчался в

стайку.

Там был полный порядок. Корова, как ни в чём не бывало, стояла возле кормушки и с аппетитом жевала душистое сено. На хозяйина она даже и не посмотрела. Зато хозяин тщательно осмотрел всё вокруг. Да, действительно, телёнка нигде не было.

Пришла жена, раскудахталась:

– Ах, ох, украли телёнка. Говорила тебе, надо было дверь на замок закрывать.

– Да ведь никогда не воровали.

– А вот теперь и украли. Времена-то другие пошли. Надо у соседей поспрашивать, может, они что знают. Это я на себя беру, а ты беги к участковому, да побыстрей, а то он с утра куда-нибудь укатит.

Участковый на беду потерпевшего откликнулся сразу. Минут через пятнадцать он подошёл к злополучной стайке. Там уже собралось человек пять любопытствующих соседей. Все наперебой обсуждали это ЧП деревенского масштаба.

– Так, – сказал местный Анискин, – вы, бабы, не галдите, а идите лучше по своим стайкам, там вас своя скотина заждалась. А вы, граждане потерпевшие, рассказывайте всё, что вам известно по этому случаю.

Хозяева наперебой стали рассказывать о своём горе, не забывая прямо или косвенно указывать на возможных участников преступления.

Участковый внимательно выслушал их, тщательно осмотрел место происшествия, и, записав все, как ему казалось, данные и свидетельские показания, отправился домой пить утренний кофе.

Сосед тоже пошёл собираться на работу, а соседка, захватив подойник и маленькую внучку, подалась доить корову. Та по-прежнему, опустив голову в ясли, меланхолично жевала сено. Едва первые струйки молока ударились о дно подойника, внучка воскликнула:

– Бабушка, смотри, какой у нас телёнок красивый.

А он и правда был на удивление милым: беленьким с чёрными пятнами. Пока хозяева разыскивали его, он успел обсохнуть, окрепнуть, согреться под сеном у родной матушки в яслях и даже проголодаться. Именно потому он и начал выбираться со своего насиженного места. То-то радости было у всех, то-то разговоров. Но из разговоров тех яснее не стало, а как же телёнок

оказался в яслях? Сам туда он забраться не мог, а отелить его в ясли корова не смогла бы, потому что в тот момент она была на привязи, которая мешала ей развернуться на 180 градусов. Так эта загадка и до сих пор осталась без разгадки.

Прилежный ученик

Появился и у нас долгожданный телёнок, маленький, рыженький. Мы радовались, поили малыша парным молочком и с удовольствием смотрели, как он растёт не по дням, а по часам. Шли дни, и как-то жена с огорчением заметила, что телёнок не ест сено. У она уж ему самое лучшее отбирала, зелёненькое, с листочками, сам бы ел, да жалко, телёночку надо.

Добрые соседки успокоили её:

– Не расстраивайся, на луг выведете, он от травки отказываться не станет. Так со многими телятами бывает.

А поскольку весна уже выгоняла на свет божий свежую травку, то мы и успокоились. А вот и наступил час Х. Погнали мы нашего телёнка на пастбище. Нашли хороший лужок:

– Всё, – сказала хозяйка, – ешь на

здоровье.

– Ешьте сами, – подумал телёнок и спокойно улёгся на мягкую траву.

Мы тоже уселись на травку и стали ждать, когда наш питомец проголодается.

– Надо было не давать ему молока, чтобы он на поляну голодным пришёл.

Жена вздохнула, мол, что теперь об этом говорить, поднялась нарвала пучок травы и попыталась всунуть её телёнку в рот. Тот уворачивался, как говорят, отбрыкивался от этой подачи.

Прошло немало времени, телёнок встал и стал ходить из стороны в сторону, как будто не замечая свежую зелёную сочную травку.

– Он не видит её.

Мы попытались пригнуть телячью голову к земле. Никакого результата. Наконец жена не выдержала, встала перед ним на четвереньки и стала сама хватать ртом траву. Телёнок посмотрел на неё и тоже стал есть. Радости нашей не было предела.

– Оказывается всех надо учить и не на словах, а на личном примере.

Летающие куры

Эти цыплята нам не были нужны. Наседка привела их во второй половине августа, когда весенние цыплята уже превратились во взрослых кур. Ухаживать за ними было не кому, поэтому оставили их на произвол судьбы с мамой. Каждое утро я ставил им воду, насыпал в кормушку зерна для наседки и уходил. Мать в отличие от меня своих чад не бросила. Она целыми днями изо дня в день рыла лапами чернозём, выковыривая дождевых червей и другую мелочь, чтобы накормить цыплят. Те с удовольствием поглощали деликатесы и росли шустрými, здоровыми и уже в начале октября догнали в росте своих весенних собратьев.

Всё бы ничего, но с наступлением холодов они не пошли в курятник, а выбрали для своих ночёвок развесистую яблоньку.

– Не беда, – подумал я, – с наступлением темноты соберу вас в мешок. За два-три дня привыкнете жить с другими курами.

В ту же ночь, взяв мешок и фонарик, я отправился ловить цыплят. С трудом, но всё-таки взобрался на дерево. Не знаю почему, но мои курята ещё не спали. Они поглядели на меня и, дружно взмахнув крыльями, словно воробы. взмыли в воздух и так же

дружно опустились на крышу сарая.

– Ну погодите, ребята, на крыше-то мне будет проще. Там хоть ходить можно.

Через какое-то время я полез на крышу, и здесь тоже вышел облом. Они снова вспорхнули и улетели на своё место.

Несколько ночей подряд я пытался изловить этих летучих созданий. Напрасно. В один прекрасный день они пропали, то ли погибли, то ли прибились к чужим курам, благо их в деревне немало.

Кошачья семья

Эта история трагическая. На чердаке нашего сарая поселилась кошка, которая поздней осенью принесла котят. Никто не знал этого, да и она не афишировала своё семейное положение. Когда наступили холода она вместе со своим выводком спустилась вниз. Я видел, как она мучилась, и всячески хотел пригласить её в свой пригон, где стояла корова, жили куры и поросёнок, где всю зиму было тепло. Что я только не делал: наливал ей молоко, оставлял открытой дверь. Кошка не шла ни на какую сделку.

Наступил декабрь, морозы усилились.

Однажды утром я стал свидетелем ужасной картины. На улице под навесом лежал кот, рядом с ним моя знакомая кошка, а между ними последний котёнок. Когда я подошёл к ним, они не убежали как обычно, а остались безучастно лежать. Они всё ещё пытались своими телами согреть уже замёрзшего к тому времени котёнка.

Черёмуха

Прямо под окном растёт черёмуха – деревце небольшое, но уже не из молоденьких. Цветёт всегда красиво и духмяно, но толку от её цветения никакого. Как только распускаются её серёжки, наступает похолодание, и пчёлы, гоняющие до этого по деревне, прячутся в свои тёплые домики, где с большим аппетитом доедают прошлогодние запасы мёда.

Как-то я, натянув тёплую куртку, стоял у палисадника и любовался цветущей черёмухой. Подошёл сосед:

– Срубил бы ты эту пакость, – он указал на белое, словно невеста в подвенечном платье, дерево. – Из-за неё каждую весну заморозки приходят. Думаешь, слава богу, весна наступила, лето на носу, а тут она рас-

цветает. Трах-бах и всё насмарку. Опять холода.

Я рассмеялся:

– А что делать с остальными черёмуховыми деревьями, их ведь по белому свету миллионы?

– Не знаю, – сказал сосед, – я их не видел. У меня перед глазами только это. Красивое, но вредное, как все бабы.

Я снова засмеялся, а сам подумал: «А вдруг сосед прав. И ни бог, ни чёрт, ни другие какие силы не делают погоду. А занимаются этим моя черёмуха и ещё миллионы её сестёр, расселившихся по всей планете. Тут и впрямь есть над чем подумать».

Кошки

Зашёл во двор. Вижу вдалеке непорядок: кто-то бросил на землю старые пакеты – белый и чёрный, и лежат они рядом с тротуаром, на площадке, где люди ставят машины.

– Вот черти! – мысленно возмущаюсь я. – Неужели трудно кинуть их в урну. Ведь она рядом стоит.

Иду, ворчу, но когда подошёл ближе, вижу, что никакие это не пакеты, а чёрный

кот и белая кошка лежат в обнимку и сладко спят на солнышке. И нет у них ни забот, ни тревог о судьбах кошачьего племени.

Попросил я мысленно прощения у соседей за то, что плохо подумал о них, обошёл стороной отдыхающих кошек.

– А ведь большой смысл есть в этом, – подумал я, – издалека и хорошее может показаться плохим, и плохое – хорошим. Не суди об увиденном издалека или услышанном от кого-то, пока не подойдёшь ближе и не разберёшься во всём сам.

Грузди

Шагаю через лес. В правой руке нож, в левой ведро, а в нём молоденькие красивые груздочки, о которых мечтает всякий заядлый грибник. Ведро, как говорят в нашей деревне, «с коптером», то есть полнѐхонькое и ничего в него положить уже нельзя. «Всё, – думаю я – пора домой, надо выбираться из леса на дорогу». Усталость уже придавила ноги, вытянула руки и пагубно повлияла на сознание. Мне уже ничего не хочется: ни грибов, ни впечатлений от прогулки, мечтаю об одном – скорее добраться до дома, напиться холодной воды,

улежся на диване, а лучше растянуться на траве посреди двора, вытянуть ноги и дать им, несчастным, покой и блаженство ничегонеделания.

Однако не всегда сознание управляет нашими действиями, нередко и подсознание пытается утвердить своё право господства над человеком. Вот в стороне появился живописный колок, в который я, скорее всего, сегодня не заходил. Издалека видны толстые, «спелые» берёзы, тонкие стройные осинки, которые взял в кольцо разномастный курчавый кустарник.

– Грибной колок, – отмечает моё сознание, – но нам туда не надо. У нас и так полное ведро грибов.

– Ну и что, – в противовес ему говорит подсознание, – всё равно надо зайти в него. Зачем, зачем? Да просто для интереса. А может этот лесок и не грибной вовсе.

Не знаю почему, но ноги подчинились подсознанию. Они понесли меня туда, чтобы я мог в полной мере удовлетворить своё любопытство.

Лес оказался грибным. Груздочки стояли, как воины в строю один к одному, глядели на меня влажными глазами и

соблазняли непередаваемым груздным ароматом.

Сознание моё ещё не успело переварить свершившееся, а подсознание уже определилось:

– Чего раздумываешь? Снимай рубашку, завязывай рукава, будет тебе походная сумка. Лишних грибов не бывает.

И вот я снова бреду в поисках дороги, в левой руке ведро, оно полегче, в правой – тяжёлый узел с молодыми грибами, идеальным подарком для любого человека, изведавшего хоть раз в жизни вкус этого удивительного лесного деликатеса.

– Надорвёшься, – хрипит сознание.

– Ни один ещё не надорвался, – ехидничает подсознание и неведомо каким образом выводит прямо к дороге, где уже заждался верный и безотказный мотоцикл.

– Фу, слава богу, добрались, – облегчённо констатирует сознание.

Подсознание в этот раз промолчало, но я-то понимаю, что если бы не оно, не его любознательность и вера в свои силы, не было бы и моей маленькой победы и не было бы повода хоть немного погордиться собой.

Бедные

В сибирскую деревню приехали строители из Армении. Разговариваю с их бригадиром о том, о сём, а большей частью ни о чём. И вдруг он с чувством явного сожаления говорит:

— А вы, русские, никогда не будете богатыми, вы всегда будете бедными.

— Почему? — удивился я.

— Потому, что вы деньги зарабатывать не умеете. Я вчера наблюдал, как два ваших мужика дрова пилили. Один позвал соседа на помощь, они часа два поработали, дрова перепилили, а потом сели и стали водку пить.

— А что тут особенного? — снова удивился я. — Так все делают.

— Понятно, но сегодня я увидел, что эти же мужики работают у второго соседа, тоже дрова пилят. И значит снова будут выпивать.

— Интересно, а у вас, что помощников не угощают.

— Нет, мы с ними расплачиваемся

деньгами.

– Как это?

– Просто, если ты поможешь мне, я тебе заплачу сто рублей, а если завтра я приду на помощь к тебе, ты мне отдашь сто рублей. Понял?

– Понял! Только я считаю, лучше быть бедными, но весёлыми. Представляю, как ты мне суёшь сто рублей, когда я на тебя отгорбатился весь день. У нас такой расчёт посчитали бы за смертную обиду.

Превосходство

На земле сидит пьяный мужик, рядом валяется пустая бутылка. Глаза его почти не видят, что делается вокруг, из всех членов двигаются правая рука и язык. В правой руке живая гадюка, левая расслабленно лежит на коленях. Мужик подносит змею к левой руке, тычет её головой в руку и с трудом гнущимся языком приговаривает:

– Кусай, червяк, кусай, говорю.

Змея явно не хочет кусать, видимо, уже выбилась из сил, но и избежать своей участи не удаётся. Она беспомощно разевает рот, испуганно шипит, а в ответ слышит только одно:

– Кусай, червяк, кусай, говорю.

Вокруг этой пары собрались мальчишки, которые с удовольствием смотрят на пьяницу, слышны их возгласы восхищения:

– Молодец мужик, вот даёт так даёт.

А тот, чуя поддержку и сознавая своё физическое превосходство над змеей, пьяно бубнит:

– Кусай, червяк, кусай, говорю.

Водка

Выхожу из дома, навстречу Иван с авоськой, в которой ничего кроме водки нет. Конечно же, я удивился. Зачем ему столько водки, если он не пьёт и почему с этой водкой он крутится возле нашего дома. Я знал, что он с семьёй живёт далеко отсюда.

Он, как и положено юристу, мигом развеял все мои сомнения. Оказалось, он получил новую должность, а также новую квартиру в доме, где жил я, только в соседнем подъезде. Он уже переехал и вот сегодня вечером ждёт сослуживцев. Хочешь – не хочешь, а традиция велит такие события обмывать.

– Что-то для обмывания маловато вод-

ки у тебя, – пошутил я.

Он же на мою шутку ответил серьезно.

– Не мало, будет всего десять человек, я купил десять бутылок. Бутылку на человека.

– Мало, Иван, поставь-ка ты эти бутылки дома да прикупи ещё пяток.

– Хватит, – отмахнулся он, – гости-то в основном женщины, мужиков всего трое.

– Конечно, это твоё дело, но лучше пусть одна-две бутылки останутся, чем не хватит. Из-за пустяка молва недобрая пойдёт.

– А я думаю, хватит.

– Ну что ж, хозяин-барин.

Через несколько дней мы вновь встречаемся во дворе. Он, увидев меня, обрадовался.

– Привет. А я давно хотел увидеть тебя. Хотел тебе спасибо сказать. Ведь я всё-таки послушался и прикупил ещё пять бутылок водки.

– И что, много осталось?

– Ни одной. Пока не допили, не разошлись.

Прививка

Плохо, наверное, когда ребёнок начинает рано читать книги. Может, и не плохо, если читает он книги о пиратах или разбойниках. А вот мне в раннем детстве попалась книга о садоводстве. В то время у всех на слуху был великий преобразователь природы Иван Мичурин. Думаю, что многие мальчишки хотели бы быть похожими на него.

Я, к сожалению, не был исключением. Не знаю, много ли страниц прочитал я о его деятельности, но на прививках, с помощью которых он переделывал природу, я остановился. Прочитал раз, два, просмотрел все картинки и понял – это судьба. Значит я тоже стану преобразователем природы, тем более образования для этого никакого не требовалось да и особых материальных затрат. Бинты можно сделать из любых тряпок, которых у мамы валяются в чулане превеликое множество, а нож я смастерю сам.

Можно, конечно, и не мастерить, а воспользоваться большим кухонным. Можно, но я и мысли не мог допустить, что с помощью кухонного ножа буду преобразовывать природу. Тем более, что на

рисунке нож Мичурина никак не походил на тот, чем мама режет капусту. И, в конце концов, я что ли не мужчина, не смогу изготовить этот примитивный инструмент.

Оттягивать момент практической работы было уже некогда, надо приниматься за дело. В воображении я уже видел результаты своего труда. Первым делом, надо было привить томаты на картошке. Я представил, как мама пойдёт подкапывать картошку и увидит, что на ботве растут, да что там растут, а уже вызрели крупные сочные томаты, которые своим весом пригнули стебли к земле. Она сразу не поймёт, что это я превратил обычную картошку в крайне полезный гибрид: картофеле-томат или томато-картошку. Вот будет радости. Думаю, она расскажет об этом у себя на работе, а её сослуживцы разнесут такую интересную новость по всей деревне, а через какое-то время об этом будет знать весь район, а потом область. А потом и обо мне напишут книгу, как о Мичурине.

Но прежде всего надо было сделать нож. Форму ножа я, конечно, взял из книги о Мичурине. Его нож был чуть-чуть изогнутый и совсем не широкий. Сделать такой же

я решил из толстого гвоздя. Мне показалось это просто, даже можно сказать пустяк. Гвоздей нужного калибра дома было много. Молоток с топором, на котором можно расплющить гвоздь тоже имелись, был и брусок, чтобы отточить лезвие. Ну а если всё есть, надо приступать к делу. Перво-наперво я вогнал топор в чурбан, на котором обычно рубили мясо, превратив его в наковальню, во-вторых, загнул гвоздь, и в-третьих расплющил его. Форма расплющенного гвоздя напоминала нож из рисунка в книге.

— Вот и всё, — решил я, — теперь надо отточить его.

А это, по моему мнению, был самый простой этап работы. А что, сиди на скамеечке да точи напильником или бруском, пока не получится то, что ты хотел. Я так и сделал, сел в тенёк, чтобы солнце не нагрело голову, взял в левую руку расплющенный гвоздь, а правой стал придавать ему нужную форму и вообще нужную кондицию.

Работа оказалась не лёгкой. Минут через десять или пятнадцать я понял, что моя бедная рука, не приученная к такой работе, стала уставать, а сознание начало подталкивать к окончанию этого процесса. И правда,

для чего надо было оттачивать гвоздь до остроты опасной бритвы. Бриться им никто не собирался, а обрезать картофельный стебель хватит и такого, недостаточно отточенного. Я попробовал свой нож на какой-то травинке и понял, что он вполне пригоден для моей цели. Пусть он не режет ветки деревьев, не беда, на сегодня мне это не понадобится, а когда я займусь деревьями, тогда и доведу до нужной кондиции.

Довольный и даже немного счастливый я принялся за дело. Для начала выломал пасынок с томатного куста, а потом принялся за подготовку подвоя – картофельного куста. Мне надо было обрезать верхушку стебля, расщепить его и в этот расщеп вставить помидорный пасынок. Ну а уж потом забинтовать прививку и ждать, когда же он приживётся и начнёт плодоносить, чтобы в итоге порадовать маму.

Увы, когда человеку не повезёт, то не только порадовать маму, но и себя у него не получится. Точь-в-точь так вышло и со мной. Я начал срезать картофельный стебель тупым ножом, но стебель к моему удивлению поддаваться не захотел, тогда мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы

победить его сопротивление, а он всё равно упорствовал, пришлось надавить на нож сильнее, стебель тоже, по-видимому, решил не сдаваться.

– Вот гад, – подумал я, – и надавил на нож со всей силой. Стебель немножко прогнулся и выскользнул из моих рук, словно его здесь и не было. Зато нож никуда не выскользнул, он проскочил мимо стебля и впился в мою левую руку. Вы знаете, когда ваша собственная кровь бьёт из вашей же руки струёй, тогда кажется, что вам надо как-то спасти свою жизнь. Лучше всего в этом случае, я думаю так, надо бежать за помощью к маме. Я поступил именно так, и не прогадал. Мама промыла рану, забинтовала её, правда перед этим обильно смазала кожу раствором йода. Конечно, это не приятная процедура, но я молчал. Что я не мужчина что ли.

Войнушка

Два алтайских мальчишки играют в войнушку.

– Мен, – кричит один, – русский, сен – немец.

– Тёх, – возмущается другой, – сен –

немец, мен – русский.

Вижу, дело приближается к драке.

– Ребята, – зову их, – не спорьте, вы не немцы и не русские, вы – алтайцы.

Они поглядели на меня, как на дурака, и пошли в другое место, выяснять, кто из них русский, а кто немец.

Сказка

Первый класс... Конечно, за столько лет многое стёрлось из памяти. Но самые яркие впечатления от начала новой жизни крепко засели в ней. Первая учительница Александра Дмитриевна понравилась сразу же. Первая соседка по парте Галя Лёвочкина – не очень. Первые дни недели мы знакомились друг с другом, привыкали сидеть смирно, правильно поднимать руку, внимательно слушать учителя. А ещё мы рассказывали сказки, стихотворения, всё, что успели выучить до школы, услышать от своих мам и бабушек. Правда, желающих выступить перед классом было мало, поэтому в основном мы слушали Александру Дмитриевну. Я к тому времени знал много чего, умел читать и уже читал толстые книги, помнил все сказки, которые на ночь рассказывала ба-

бушка. Мне очень хотелось отличиться, но почему-то все сказки и стихи, которые я знал, в этот миг улетали из головы, а на кончике языка вертелась одна «Сказка о красной шапочке» Владимира Маяковского:

Жил да был на свете кадет.

В красную шапочку кадет был одет...

В течение двух недель я страстно мечтал рассказать какую-нибудь сказку, но ничего, кроме кадета, в голову не приходило.

— Надо было бы рассказать про кадета, — возможно, скажете вы.

Увы, именно эту сказочку я не помнил до конца, отчего безмерно страдал и, может быть, страдаю до сих пор.

Материалист

Я, первоклассник, гордо шагаю по коридору, где на переменке шалят мальчишки и кучкуются, перешёптываясь друг с другом, девчонки. Из одной такой группки раздаётся насмешливый девчоночий голосок, явно нацеленный в мой адрес:

— Эй, первоклашка, научился уже чему-нибудь в школе?

— Научился, — буркнул я, не считая нужным давать этим пигалицам развёрну-

тый ответ.

– А чему научился? – не отставал от меня всё тот же голосок.

– Чему-то, – опять буркнул я, проходя мимо.

– А узнал, откуда берутся дети? – уже вдогонку прозвенел ехидный голосок.

На глупый вопрос я, конечно, отвечать не стал. Всякому дураку известно, что из уха.

Каким бы смешным не был такой ответ, всё же рациональное зерно в нём содержалось. Я ведь даже не предположил, что детей находят в капусте или их покупают в роддоме, тем более, что их приносит аист. Нет, я уже тогда понимал, что человек должен порождаться человеком. Девчонки-третъеклассницы по-видимому уже знали алгоритм появления ребёнка на свет, а я нет, но тем не менее в мистику не скатился, остался на позиции примитивного материализма.

А это вопрос от современного меня: а там, где не водятся аисты, кто приносит детей?

Пасха

Советское время. Отношение к вере у официальных властей строго негативное. Партийные, комсомольские и пионерские организации вели непримиримую борьбу с богом и его почитателями. Партийцы и комсомольцы, уличённые в лояльном отношении к вере и верующим, могли поплатиться своими партийными и комсомольскими документами, что почти автоматически могло означать крах профессиональной карьеры. Именно поэтому бабушка Анисья, верующий человек, никогда не держала дома икон. Она боялась, что это может навредить дочери – члену КПСС.

Мы и религиозные праздники за исключением пасхи не отмечали. Бабушка обязательно красила яйца, пекла куличи, пироги, шанежки. Мама, если были деньги, покупала немного сладостей.

А на следующий день в школе учителя расспрашивали ребятшек, кто отмечал пасху. Я был честным человеком, первым поднял руку и рассказал всему классу, что мы ели крашеные яйца, куличи, пироги. Моё признание шокировало нашу учительницу. Она никогда и подумать бы не смогла, что в семье учителя-коммуниста справляют рели-

гиозные праздники. Всё это сразу же было доведено до сведения мамы, а та кое-как отговорила от суровых замечаний, ссылаясь на то, что соседские старушки угостили пасхальными яствами бабушку Анисью, а та отдала их детям. Конфликт местного значения был замят, а я получил урок на всю жизнь – надо уметь держать язык за зубами.

Творчество

Тяга к творчеству и познанию природы была с раннего детства. Правда не всегда она приносила положительные результаты. Ещё в самом раннем детстве я решил узнать, поменяет ли свои свойства увеличительное стекло, если его поместить в огонь. Для проведения такого «эксперимента» я кинул стекло в топящуюся печь. Через некоторое время стал доставать его и нечаянно уронил себе на ногу. Боль почувствовалась не сразу, но запах жареного мяса разнёсся по всей комнате. Стекло я тут же выбросил, даже не посмотрев изменились его свойства или нет, натянул брюки и молча страдал от боли. Рана зажила быстро, правда шрам остался на всю жизнь. Маме о своих «научных достижениях» я так и не рассказал.

Был и ещё один кровавый случай. С «научной» целью мне понадобился воробей. Добыть его можно было только с помощью рогатки. Кое-как смастерил это грозное для воробьёв оружие и вышел на «полевые испытания». Для лучшей убойной силы зарядил его осколком битого стекла. Первый же выстрел оказался роковым. Стекло каким-то образом выскользнуло из рук и полетело не в воробья, а прямой наводкой в мою левую руку, глубоко застряв в предплечье. Рогатку я тут же изломал и выкинул, а желание изучать анатомию воробья пропало.

Были, правда, и боле менее безопасные увлечения. Лет пяти-шести от роду занялся созданием самоделок из бумаги. Сижу как-то, работаю ножницами, склеиваю, создаю непонятно какую пространственную фигуру. Брат смотрел и не мог понять, что же я делаю. На все вопросы я отвечал односложно:

— Сказку.

Сказка получилась какая-то неуклюжая, что-то из разряда модернистской скульптуры, но мне очень нравилась. Осталось только дожидаться, когда она высохнет, чтобы продемонстрировать всей родне. Для

ускорения процесса сушки я поместил её на краешек плиты. Через несколько минут она высохла, а потом вспыхнула открытым огнём. Пока я разевал рот, моя сказка сгорела дотла. От обиды я чуть не разревелся, зато брат смеялся надо мной, сколько хотел. Через некоторое время я уже смеялся вместе с ним. Осуществить свою мечту – сделать сказку – я сумел, будучи уже взрослым человеком, когда написал свою первую сказку «Одолень-травя».

Робин Гуд

Каждое лето мы с братом гостили у бабушки и дедушки. Почти каждый день бабушка выдавала нам по рублю на мелкие карманные расходы. В то время рубль был серьёзной валютой. В кино можно было пройти за десять копеек, ситро с сиропом стоило три копейки, без сиропа – одна, мороженое тоже раздавали почти бесплатно.

За день мы эти деньги, конечно, разбазаривали на всякие пустяки. Но однажды случай привёл нас в КОГИЗ, так назывался в Чулыме книжный магазин. Книги я любил, был постоянным читателем в сельской библиотеке, но то, что книги можно покупать и

потом никому не возвращать, я почему-то не догадывался.

Когда зашли в магазин, брат на правах старшего скомандовал:

– Выбирай любую книгу, но не дороже рубля.

На прилавках и стеллажах стояли и лежали сотни книг, которые все без исключения хотелось забрать с собой. Я ковырялся долго, но в конце концов остановил выбор на маленькой книжице карманного формата. Называлась она «Баллады о Робин Гуде». Брат посмотрел на неё и со скепсисом отметил:

– Ерунда, тут есть и другие книжки, получше.

А я, едва открыв книгу, впал в экстаз, ничего подобного читать мне ещё не приходилось. Хотя к этому моменту уже знал Маяковского, Пушкина, Некрасова.

*Двенадцать месяцев в году,
Их дюжина, считай,
Но веселее всех других
Весенний месяц май.*

Это первая баллада, вторую, третью и

все остальные я прочёл на едином дыханье.

*Однажды в гавань Скарборо
Явился Робин Гуд,
У корабельщицы-вдовы
Нашёл себе приют.*

Об этой книге можно говорить и писать день ночь из года в год. Но я хотел рассказать несколько о другом.

Осенью наш класс, как и все другие, отправили на уборку кормовой свёклы. Старшеклассники шли по полю, выдёргивали корнеплоды из земли и стаскивали их в большие кучи. Те же, кто моложе, сидели на этих кучках и обрезали ботву, откладывая её в одну сторону, а сам корнеплод в другую. Работа не трудная, но кропотливая и нудная. Взрослые, может быть, посчитали бы такой труд за благо: сиди на месте, на пуп ничего поднимать не надо, сильно никто не гонит. Но для ребятишек – это мучение. Им бы бегать, толкаться, бороться, кидать друг в друга свёклой, шуметь, горланить и ничего не делать. Именно этим они и занимались чуть ли не весь день. Девчонки, как более дисциплинированные люди что-то ещё делали,

мальчишек удержать на одном месте было практически невозможно. Их терпения хватало минут на 10-15, а там всё, как обычно.

Однажды я захватил книгу о Робине Гуде с собой в поле. Во время обеденного перерыва отошёл на край поля, прилёг на травку и начал в десятый раз перечитывать книгу, сопереживать её героям.

Мальчишки и в обеденный перерыв не сидели на месте, они затеяли борьбу, а правильное сказать, канитель с беготнёй, разбрасыванием корнеплодов и воинственными криками. В какой-то миг они подбежали и ко мне:

– А ты что лежишь? Мы вон шести-классников побеждаем. Давай с нами.

– Не хочу, у меня книжка интересная.

– А про кого?

– Про разбойника Робина Гуда. Слышали?

Я и сам знал, что они не слышали, потому что до этой книги, и я не имел представления об этом английском защитнике народа.

Кто-то попросил:

– А ну-ка, почитай.

Я начал читать, но в это время закон-

чился обеденный перерыв, и учителя приказали собираться на работу.

И тут мальчишки закричали:

– У Степанова книжка интересная, пусть он читает вслух, а мы будем работать.

Учителя, понятно, согласились. И это было лучшее, что можно было придумать. Я читал, весь класс слушал и незаметно для себя обрезал ботву. Не успел я и половину прочесть, как закончилась кучка, и мы перешли на другую. И другая была обрезана с необычной скоростью. Таким образом, пока я читал книгу, наш класс обрезал пять кучек, в то время как другие классы только по две.

На следующий день всё началось сначала. Меня снова заставили читать эту же книгу во второй раз. И снова все сидели, слушали и работали. К вечеру к нам подтянулись другие учителя, их интересовал только один вопрос: что случилось с ребятами, почему они перестали баловаться. А на завтра меня попросили почитать шестому классу. Я читал, и там дисциплина сразу же наладилась, и класс тоже выбился в передовики.

По окончании уборки в школе была линейка, на которой представители совхоза

благодарили учеников за помощь. Особо отличившимся вручали подарки, почётные грамоты, объявлялись благодарности. Наш класс тоже отметили, наградили классного руководителя за умелую организацию работы. Несколько девочек и мальчиков получили грамоты и похвальные листы. Меня же никто и не вспомнил. Я ведь не работал, а только читал книжки.

Генерал

Служил я в Улан-Баторе – столице Монгольской народной республики. Наш батальон обеспечивал связью штаб дивизии военно-воздушных сил. Я к связи не имел никакого отношения, но дел и у меня было по горло. Во-первых, я был санинструктором батальона, во-вторых, писарем строевой части, а в-третьих, выполнял разные разовые поручения командования, в основном начальника штаба.

Стоял холодный январь с тридцатиградусными морозами и сбивающими с ног ветрами. В такую погоду гулять по улице не стал бы сам дед Мороз. Но человека, то есть меня, человек, он же начальник штаба, по-

слал чуть ли не за смертью через весь гарнизон на почту. Как нарочно наш штатный почтальон заболел и заменить его никого кроме меня не нашли.

Забрал я эту злополучную почту и чуть не бегом отправился назад. А ветер бьёт в лицо, поднятые им в воздух песчинки стараются выхлестать глаза, поэтому я опустил глаза долу а лицо насколько можно было прикрыл солдатской рукавицей. Бегу, тороплюсь, на проходящих мимо офицеров не обращаю внимания, как, кстати, и они на меня, понимают, что не тот случай, когда следует потребовать с рядового соблюдения уставных требований. И вдруг утыкаюсь во что-то или в кого-то, я на секунду поднял глаза, вижу, передо мной лётчик в технической форме. Делаю шаг в сторону, чтобы пропустить его, но не тут-то было. Он положил мне на плечо руку и притормозил.

— Куда торопишься, военный? — негромко спросил он.

— В часть, почту несу.

— Вижу, вижу... А дай мне одну газету.

— Нельзя.

— Почему? — удивился он.

— А потому, что газеты эти не мои, а

солдат. Они на свои деньги подписывались.

И тут я на секунду отвлёкся от разговора, и взглянул на его брюки, нет не специально, случайно. Честно скажу, когда увидел лампасы, я чуть не впал в ступор, до этого момента я не видел ни одного живого генерала. Откуда бы мне знать, что в дивизию прибыла группа офицеров во главе с генералом по каким-то только им известным делам.

— Вы меня извините, товарищ генерал, возьмите газетку, любую.

— Да разве можно, товарищ солдат, ведь газеты эти не ваши и не штабные. Вы всё сделали правильно. — Он хлопнул меня по плечу, — беги, а то в сосульку превратишься.

Плов

Давно уже прозвучала команда «Отбой». Спят солдаты, а вот мы бодрствуем. Я — дежурный по кухне, со мной повар и его помощник. На огонёк подтянулись два сержанта. Болтали о том, о сём. Постепенно разговор перешёл на воспоминания о родине. У каждого своя родина, у повара — это Узбекистан. До службы в армии он работал

в одном из ташкентских ресторанов. Как он утверждал, его специальностью была готовка плова.

- Я не поверю, - скептически заметил один сержант, - за такой плов, что вы готовите здесь, вас бы на родине повесили на первом же карагаче.

- Да что ты понимаешь, - возмутился повар, - какой плов можно сварить из этих продуктов? Дайте мне настоящее мясо, правильный рис, специи, да мало ли ещё что.

- Успокойтесь, друзья. Давайте заварганим плов из тех продуктов, что есть у нас. Пусть Мустафа постарается, а мы посмотрим, чего он умеет.

Идею поддержали все. За разговором мы как-то и не заметили, что плов уже дымился в тарелках. Что говорить, вкус этого среднеазиатского блюда превзошёл все наши ожидания.

- Правда твоя, Мустафа, руки у тебя растут из нужного места. Слушай, а дома вы плов тоже ложками едите?

- Нет, только руками.

- Но ведь это неудобно, смотри, - я набрал полную ложку плова и быстренько опрокинул её в рот. - Одно мгновение и я

уже тянусь за очередной порцией. Руками, конечно, тоже можно, но для этого надо будет загребать ладонью, словно ковшом. Иначе ты меня не обгонишь.

Мустафа засмеялся:

- Это видимость одна. На самом деле руками справишься быстрее. Там только одна хитрость есть.

- Какая? - в один голос спросили мы.

- Тренироваться надо с детства.

Так слово за слово мы и поспорили: кто вперёд съест тарелку плова, я ложкой или он руками. Проигравший моет посуду и прибирает на кухне.

Это было интересное состязание. Мы сели за столом, как говорится визави, и по сигналу секунданта приступили к трапезе. Хотя какая уж тут была трапеза. Я зачерпывал ложкой плов, толкал его в рот, глотал не прожёвывая, давился, запивал водой и снова толкал в рот ложку. Мне казалось, что я ем со скоростью скорострельного автомата. Я боялся даже глянуть в сторону Мустафы, чтобы не растерять драгоценного времени. Когда на моей тарелке осталось чуть меньше половины каши, я всё-таки поднял глаза на своего соперника и обомлел от неожиданно-

сти. Он сидел выпрямившись и с удовольствием облизывал жирные руки. Тарелка его уже была чистой.

- Это обман, - взвыл я, - ты кашу в по-
моейное ведро вывалил.

- Зачем? Я съел её. Да ты у ребят
спроси.

Ребята в один голос подтвердили
правоту Мустафы.

- А хочешь, я и твою кашу доем. Ты
хоть посмотришь как это делается.

Я пододвинул ему свою тарелку. Он
чуть-чуть наклонился над ней. Левой рукой
придержал тарелку, а пальцами правой,
сложенными в щепоть, захватил рис, чуть-
чуть примял его и, немного вывернув руку,
опустил комочек в рот. Я толком и не рас-
смотрел, как он делает это, а плов закон-
чился.

Время уже было позднее, сержанты
ушли спать, а мы с Мустафой остались на
кухне. Он готовился к завтрашнему дню, а я
усердно мыл посуду.

БЕЗДЕЛИЦЫ

Вымысел

Вымысел интересен только тогда, когда он похож на правду. Чем чудовищней вымысел, тем больше должен изощряться автор, чтобы придать своему сочинению правдивость. Вот чем и подкупают старые фантасты. Берут они какое-нибудь фантастическое допущение, а вокруг него создают абсолютно реальную обстановку. Читаешь и хочется верить им. Александр Беляев ввёл в свой роман «Человек-амфибия» всего один фантастический элемент – самого человека-амфибию, а всё остальное – это обычная человеческая жизнь. И книга воспринимается как нечто раскрывающее действительность.

И если простой человек врёт правдиво, и люди верят ему, – это значит, что перед вами незаурядная личность, которая в другой обстановке и при другом воспитании и образовании мог бы стать хорошим писателем. Ибо писать так, чтобы тебе верили – это и есть вершина писательского искусства.

Рукопись

Поэт О. прислал рукопись книги. В ней около 100 стихотворений. Я согласился выступить в роли редактора. Прочёл одно стихотворение – есть недочёты, которые можно легко устранить, поменяв слово, два или даже несколько строчек. И после редакторского вмешательства они могут стать вполне удобочитаемыми.

Второе стихотворение, напротив, удобочитаемое, но публиковать его нельзя, поскольку вся его основа – сплошной недочёт и исправлять в нём надо всю суть стихотворения. А чтобы эту суть исправить, надо попросту переписать заново этот несчастный опус. А это уже не дело редактора, а дело автора. Таких стихотворений оказалось много. Пришлось рукопись вернуть с припиской: «Над этими стихами надо ещё поработать».

А. Н. Майков

Читаю Аполлона Николаевича Майкова и удивляюсь: как всё же старые поэты были близки к природе, несмотря на то, что все они были жителями городов. Сколько прелестных стихов о природе! Такое ощущение, что для их поэзии человек вовсе не

нужен. Лишь редко-редко всплывёт упоминание о Деве, и то трудно понять – то ли это дань традиции, то ли Дева воспринимается, как часть природы, от которой кроме красоты ничего больше не требуется.

Мужчины и женщины

Женщины и мужчины отличаются друг от друга тем, что мужчина является номинальным главой семьи, а женщина – фактическим. При этом миф о главенстве мужчины женщины старательно поддерживают. Ещё тщательнее поддерживается миф о женщине, как о слабом поле.

Чистота

Ветер гонит по земле сухую листву и прибывает её где-то возле заборов, в кустах, ближе к бордюрам. И вырастают порой целые кучи ненужных никому остатков былой роскоши деревьев. Приходит дворник и убирает их.

Ветер жизни точно так же гоняет в сознании наши воспоминания о былом. И когда их наберётся достаточное количество в одном из закутков нашей души, то превра-

щаются они в кучи наших эмоций. Тогда плачем мы или смеёмся. И эти смех и слёзы очищают наши души. И уходят из них тревоги, сомнения и другой ненужный хлам.

Гвоздь

Ударил по шляпке гвоздя, но он не полез вглубь, а согнулся. Поворчал немного, вытащил, выпрямил и снова, поставив его на предназначенное место, стукнул по шляпке. И снова гвоздь согнулся. Нашлись «специалисты», говорят, надо, мол, бить резко и точно по шляпке. Попробовал и так, всё без толку. Согнутый один раз гвоздь упрямо не хотел лезть в дерево.

И только подошедший мастер научил, как можно забить согнутый прежде гвоздь. Надо взять его плоскогубцами и, придерживая ими, мягкими ударами осаждать на место.

Так вот и человека, согнутого тяготами жизни, можно вернуть на путь истинный поддержкой и лёгкой ненавязчивой помощью близких, да и не близких людей.

Книга

Книга — это чья-то память, законсервированная в бумаге. И если какой-нибудь негодяй вырвет из неё несколько страниц, значит, в памяти случится брешь. Брешь в человеческой памяти называется амнезия, и это болезнь, которую лечат необходимыми лекарственными средствами. Книга с вырванными листами тоже больна, но вылечить её гораздо труднее, чем человека, а чаще всего и невозможно.

Деньги

Сидят бедные люди и мечтают: «Вот бы мне тысячу, вот бы десять тысяч, вот бы миллион рублей. Эх, и зажил бы я всем на зависть».

И вот сваливаются на него эти деньги, и хватает он их и бежит бегом в магазин, покупает всякие ненужные вещи, и улетают его деньги неведомо куда и служат неведомо кому. А человек снова мечтает о тысяче, десяти тысячах, миллионе. И так может повторяться до бесконечности, ибо бедный человек беден не потому, что у него мало денег, а потому, что он не знает, что с ними делать. Вместо того, чтобы приумножить своё богатство, он тут же спускает его, при-

обретая ненужные вещи, наивно полагая, что именно они сделают его жизнь счастливой.

Музыка

Говорят, что музыка понятна всем народам, и что Баха и Моцарта все люди воспринимают одинаково. Но вот что интересно, простой петух поёт для каждого народа по-своему. Мы слышим в его крике: «Ку-ка-ре-ку», немцы: «Ки-ке-ри-ки», исландцы: «Гагалаго», китайцы «Вово», а кто-то и того заковыристей. В связи с этим хочется спросить, если разные народы петушиное пение воспринимают неоднозначно, то почему оркестр звучит для всех одинаково?

Мало

Человеку всегда чего-нибудь не хватает, всегда ему чего-то мало. Пришёл на поляну, увидел цветы и ну рвать их все подряд. Собрал изрядный букет, но ему мало, и вот уже в руках охапка цветов. Вся округа опустошена жадностью и глупостью. Кстати, жадность и глупость — это почти что сино-

нимы.

Привёз он эту полуувядшую красоту домой, выбрал из вороха несколько более-менее сохранившихся веточек, поставил их в вазу, а остальные выкинул не жалеючи.

Ранней весной, когда природа начинает просыпаться, когда берёзы начнут наливаться соком, толпы жадных людей начинают дырявить их и собирать божественный напиток – берёзовый сок. Набрал ведро и, казалось бы, достаточно, можно пить его во здравие. Но нет и здесь слышен возглас: «Мало». Везут сок бидонами, не выпивают, выливают, были случаи, когда берёзовым соком мыли в доме полы. Лень сходить за водой.

Навсегда

Мы говорим: «Я буду помнить тебя всегда», «Это останется со мной навсегда». Проходит время, человек умирает и вместе с ним умирает его «навсегда». Иногда это «навсегда» укладывается в несколько дней или даже минут. Значит, наше «навсегда» означает «до конца моей жизни». У Лермонтова: «А вечно любить невозможно...» Его «вечно» – это тоже «навсегда». И эта «веч-

ность» может быть очень и очень короткой, как его собственная жизнь. Что значит, любить «вечно» можно!

Временные

«Кто тут временные? Слазь, кончилось ваше время!» – писал В.В. Маяковский. Вот подошло и моё время – старость, наверное, и мне пора слазить.

Растёт молодая трава и потихоньку заполняет собой всё пространство, захваченное, казалось бы, навсегда старой жухлой травой. И вот уже бушует зелень и где-то в глубине её скрылась прошлогодняя желтизна. Так и у людей. Молодёжь не выгоняет стариков с насиженных мест, а постепенно вытесняет их, замещает, растворяет в своей массе. И вот уже старики не у дел, они не актуальны, не интересны. Новые веяния, мода поглощают всё старое, и мир уже иной. Но и в этой ситуации уже закладываются семена нового грядущего мира, который также поглотит своего родителя.

Некрасов

Казалось бы, беспокойным человеком был Николай Алексеевич Некрасов. Он звал мужиков «к топору», всю свою поэзию наполнил состраданием к бедному человеку, прямо и косвенно боролся за счастье людей. Одним словом – бунтовщик. А вот надо же – читаешь его стихи, и душа твоя, вдруг, начинает успокаиваться и так легко становится ей, наверное, от сознания, что был человек, который сострадал тебе, понимал тебя и уже что-то отдал за тебя, вложил часть своей души в созидание твоей счастливой судьбы.

Обычное

Больше всего на свете человек любит брать. Радуетя, когда получает подарки или прибавку к жалованию, когда пойдёт на охоту и убьёт какую-нибудь дичь, когда срежет бесплатно дерево, когда попадёт в гипермаркете на распродажу или акцию по снижению цен. И вообще, человека привлекает всё, что может помочь получить хоть какую-нибудь прибыль.

Я уже не говорю о богачах, которые за прибыль готовы мать родную продать. Вся современная общественная атмосфера про-

низана одним: взять, урвать, ухватить, приумножить, украсть, обмануть, набить карман.

И поэтому таким диким показался поступок молодой женщины, которая по ночам, чтобы не мешать транспорту, заделывала выбоины на дороге, по велению собственной души (телевизионный сюжет). Вот если бы она выковыривала куски асфальта и уносила домой, то это бы поняли все: что тут необычного.

Законы

Идёт маленькая девочка с бабушкой по улице. Та даёт ей конфетку. Девочка разворачивает её, а фантик бросает под ноги. Говорю: «Бабушка, нельзя фантики бросать на тротуар, для этого есть урны». Бабушка меня проигнорировала. Пройдёт какое-нибудь время, бабушка попадёт в сложную ситуацию, будет ходить по разным инстанциям, обивать пороги учреждений, а её будут отталкивать, станут отмахиваться, отсылать по всё новым и новым адресам.

Бабушка будет доказывать, что она права, что закон на её стороне, но достучаться до закона будет трудно, потому что

управлять законами будут её выросшие внучки, которые будут считать, что обойти закон – это нормальное явление.

Вы думаете, что кинуть бумажку на тротуар – пустяки? Нет, не пустяки. Любое нарушение закона приводит в дальнейшем к трагическим последствиям. Сегодня бросил бумажку, завтра прогулял занятия в школе, послезавтра перешёл улицу на красный свет, затем что-то украл, кого-то убил и т.д.

Из маленького семечка вырастает огромное дерево.

Единое

Труднее всего собрать всё в единое. Попробуйте десяток-другой муравьёв заставить двигаться по своему желанию в одном направлении, попробуйте уговорить полсотни пчёл работать на вас. Боюсь, что ничего из ваших желаний не осуществится. И муравьи, и пчёлы будут разбегаться и разлетаться по своему усмотрению и своему наитию. Но посмотрите, что делается в муравейнике или в улье. Там насекомые чувствуют над собой чью-то волю и действуют, подчиняясь ей.

Точно также устроено и наше обще-

ство. Каждый человек имеет свой ум, своё представление о жизни, но находится человек, который своей волей объединяет всех, заменяет индивидуальное общим и вот уже все бегут в нужную сторону и думают не о своём, и жизни кладут не за своё, а за общее.

Память

Когда-то в школе каждый из нас учил наизусть стихи. Все ли они сохранились в нашей памяти? Увы, всего лишь малая часть, да и то чаще всего фрагментарно. А как же тогда быть с величайшими памятниками человеческой культуры. Как могли сохраниться в памяти людей «Махабхарата», «Рамаяна», «Манас», «Илиада» и др. В годы их возникновения и становления письменности ещё не было. Все учёные уверены, что передавались они из уст в уста. И ладно бы запомнить десятки тысяч стихотворных строк вроде подобных, например, «Евгению Онегину», которые сами осаждаются в памяти, настолько легки они и благозвучны. Так нет же. Как правило, все величайшие поэмы имеют очень сложный сюжет, наделены глубоким философским содержанием, насыщены научной терминологией. Неволь-

но закладывается подозрение, что это народное творчество не имеет к народу никакого отношения. Ведь даже современный образованный человек тонет в глубине мысли отделённых от нас тысячелетиями предков.

Порой даже учёные специалисты теряются в этом великом океане знания древних. А как же они, простые акыны, манасчи, певцы могли держать в своей памяти то, что с трудом выдерживает бумага?

И всё же сомнения не покидают меня. А вдруг они сумели это сделать, ведь человеческие способности не имеют границ.

Человек и природа

Удивительно, но из года в год, из одной книги в другую передаётся убеждение, что человек и природа являются антогонистами. Природа, вроде, создана Богом и живёт сама по себе, а человек порождение, кстати, того же Бога, но живёт вопреки природе и кроме вреда ей ничего не приносит. Обратите внимание, если дерево ломает медведь, мы считаем, что это происки природы, если же это делает человек, мы шлём ему проклятия. Огонь сжигает тысячи гекта-

ров леса и это вроде бы нормально, стихия, мол, бушует. Но если крестьянин срубит несчастную жердь, ему придётся платить сумасшедший штраф.

А ведь на самом деле человек – это маленькая часть природы, её порождение. Все его деяния – это деяния природы. Огонь сжигает лес – это работа стихии, человек срубил дерево – это тоже проявление стихии. Как после огня, так и после крестьянской вырубki, лес способен в несколько лет возродиться. В этом нет никакой беды. Вредит не то, что человек берёт себе, а то, что он продаёт. Все беды человеческие от жадности и желания разбогатеть.

Времена года

Времена года ассоциируются с женщинами, представленными в самых различных ипостасях. Весна – девушка с венцом из первоцветов, зима в виде злой старухи, осень, как зрелая женщина с плодами в руках и с венком из жёлтых листьев на голове. А правомерно ли связывать лето (оно) с женским образом? Не знаю. В русских сказках солнце (оно), как правило, мужчина. Наверное, и лето должно увязываться с

мужским образом.

И ещё одно замечание. Все наши двенадцать месяцев либо мальчики, либо мужчины, либо старики. Но как только они группируются по три в каждом сезоне, сразу же вместо них возникает образ женщины. Март, апрель, май – весна (женщина), декабрь, январь и февраль – зима (женщина) и т. д. Может быть, эти женщины родили когда-то прекрасных сыновей, которые взяли на себя материнские заботы по управлению делами в природе, каждый на один месяц, а общее руководство осталось всё-таки за женщинами.

А вот почему лето среднего рода – загадка.

Есть, правда, ещё один персонаж: старик-годовик. Он ведёт круглогодичный надзор за действиями братьев месяцев и их матушек.

И ещё одно замечание. У злой старухи Зимы самый старый сын Декабрь и два самых молодых Январь и Февраль. Как она ухитрилась это сотворить одному Богу известно.

По диагонали

Научился читать по диагонали. 10-20

минут и книга уже прочитана. Можно приниматься за другую. Научиться бы ещё и писать по диагонали.

Ненужное

С невероятной скоростью тратит природные ресурсы человечество. Большую их часть на совершенно ненужные предметы. Работают целые отрасли производства, чтобы выпускать псевдоценности. Страшно подумать, сколько денег вылетает в трубу, сколько голодных, холодных, оборванных людей можно было бы осчастливить, сколько можно было бы сделать добрых и необходимых для здоровья человека дел, предметов для его безгорестного существования.

А вместо этого мы пускаем на ветер общечеловеческое достояние на братоубийственные войны, водку, табак, косметику, парфюмерию, украшения и ещё на десятки и сотни никому не нужных вещей. Неужели без подобной ерунды человечество не может жить на земле? Что заставило нас стремиться к обладанию ненужных вещей?

Лимит

Живут люди, болеют, страдают, ходят по больницам. Иногда подумаешь, за что человеку такие мучения, почему Господь Бог допустил такие пытки болезнями. Взял бы и установил какой-нибудь лимит. Вот, мол, дорогие люди, человеки, устанавливаю вам лимит: живёте без болезней, в счастье и довольстве 70 лет, а потом также без болячек спокойно покидаете этот мир.

Вроде бы хорошая идея, но вряд ли нашлось бы много желающих жить по таким правилам. Ведь каждый человек надеется пережить этот возраст. И уж пусть лучше с букетом болезней, но дольше.

Авторы

Чем отличаются современные авторы от классиков? Казалось бы ничем. Так же держат в руках ручки и карандаши или шлёпают пальцами по клавишам компьютеров, то есть так же пишут, как это делали и прежде. Создают романы, повести, стихи, поэмы, издают книги, которые можно подержать в руках и даже полистать страницы. Но вот когда начинаешь читать их, понимаешь, что чего-то в них недостаёт, а чего с

налёта и не разберёшь. И лишь позже до тебя доходит, что вся разница между творениями современного автора и классика заключается в словах. Нынешние не парятся из-за того, какое слово ставить в строку. Какое первым пришло в голову, то и оставляют на месте. А словарный запас, к сожалению, у современников намного меньше, чем у предков, что объясняется разницей в системах образования. Да и учиться после выпуска из школы никто из них больше не хочет. Это, впрочем, касается не только писателей, но и врачей, и учителей, и инженеров. Многие из них пользуются только теми знаниями, что получили в вузах.

РАЙКОМОВСКИЕ ВЕСТИ

Стелла

Первый секретарь Владимир Андреевич собрал коротенькое совещание:

— Товарищи, сегодня надо поработать физически. Мужики сварили стелу с надписью «Чулым», а мы должны её установить у

въезда в город, кроме нас некому.

Новость обрадовала всех. Это ли не радость – поехать за город, подышать свежим воздухом, повалять дурака вместо того, чтобы сидеть в душных кабинетах и писать никому не нужную белиберду.

Через несколько минут мы были за городом, ещё через несколько минут привезли стелу. Она хоть и была объёмной, но совсем не тяжёлой. Установили её быстро, после чего у нашего руководства возник вопрос: «Почему такая красивая стела должна стоять в чистом поле? Это непорядок, значит, возле неё следует посадить кустарник или деревья».

Перечить первому секретарю – себе в убыток. Кто-то рванул в лесхоз за саженцами, а кто-то в ближайший совхоз за минеральным удобрением. Прошёл час-другой и всё состыковалось в одной точке. Ямки для саженцев подготовлены, молоденькие деревца в них опущены, ждали команду секретаря.

– Засыпайте, – дал отмашку Владимир Андреевич, да сыпьте удобрения побольше.

Не нашлось ни одного человека, кто бы мог отменить команду начальства. Была

команда – надо выполнять, а не рассуждать. Вот и высыпали под десяток несчастных саженьцев мешок минеральных удобрений. А чего их жалеть, не своё ведь.

С тех пор прошёл ни один десяток лет. Стела стоит на своём месте, всё также указывая, что именно с этой точки начинается Чулымский район, но вот беда, возле стелы нет ни кустика, ни деревца, да и трава там расти не желает.

Преображение

Заведующая общим отделом райкома партии Татьяна Петровна, как говорится днём и ночью следила за порядком, регламентом работы с документами и ведала многими другими рутинными делами. Она была женщиной предпенсионного возраста, больная и, с трудом поднимаясь по лестнице на второй этаж, нередко говаривала страдальческим голосом:

– Хоть бы уж до пенсии дотянуть.

Болели у неё ноги, сердце и, наверное, все остальные органы, потому что она постоянно лечилась, часто была на больничном.

Инструкторы уже открыто рассматри-

вали кандидатуру её преемника. Честно говоря, многие хотели попасть на это место.

И вот, наконец, состоялись проводы на пенсию. Татьяна Петровна устроила прощальный обед. Все пили, произносили тосты, здравницы, в общем, мероприятие прошло успешно.

На следующие утро мужики, как обычно, до начала рабочего дня курили, обсуждали вчерашний сабантуй. И вдруг появилась она – Татьяна Петровна. Вы знаете, что такое преображение? Мы тоже не знали, но тут увидели воочию. К лестнице подошла моложавая женщина, на едином духе взлетела по ней наверх, раздала команды дежурному, техничкам и машинисткам, быстро сбежала вниз, разогнала толпу удивлённых мужиков по кабинетам. С той поры никто из нас не слышал от неё жалобы на здоровье. И работала она ещё много-много лет и благополучно пережила многих претендентов на своё место.

День рождения

Я ещё работал в редакции, но уже сдружился с ребятами-инструкторами отдела агитации и пропаганды райкома партии.

Раздаётся звонок:

— Приходи после работы, у меня день рождения, выпьем по стопочке, — это Витя Парфиненко.

— Хорошо.

Прихожу в назначенный час. Настроение у ребят хорошее. Начальство уже успело скрыться, значит, ни кто и ни что нам не мешает провести время, можно прямо сказать, в удовольствие приятно. Витя уже сгонял в магазин, купил большой арбуз, две бутылки водки, какую-то закусь.

Пока мы балагурили по поводу его тезоименитства и без повода, он накрывал на стол. Перво-наперво, водрузил на стол огромный портфель, в котором лежали продукты и водка, вторым делом неподалёку пристроил гигантский арбуз. Он хотел вначале разрезать его, но, как всегда, под рукой не оказалось ножа. Несколько возбуждённые ожиданием грандиозного пиршества мужчины стали искать нож или что-нибудь, хоть отдалённо напоминающего его. Кто-то нечаянно толкнул стол, и арбуз точь-в-точь как колобок, которому надоело лежать на подоконнике, покатился по столу, толкнул портфель, сбросил его на пол и сам, словно

бы понимая, что он натворил, тоже спрыгнул вниз и покончил жизнь самоубийством, разлетевшись на мелкие кусочки.

Гибель арбуза – печальная весть, но не она повергла компанию в шок. Перед тем, как разбиться арбузу, все слышали, как в упавшем на пол портфеле раздался характерный для бьющейся стеклянной посуды звук. Виктор кинулся за портфелем, но было уже поздно. Он опустил голову и грустно развёл руки:

– Всё. Это конец. Больше у меня денег нет.

У нас тоже денег не было. А ведь всё начиналось так здорово.

Секретарь

В Чулымский райком прислали из области третьего секретаря. На месте, видать, умного человека не нашлось. Новому секретарю определили сферу деятельности – сельское хозяйство. Меня это ничуть бы не взволновало, если бы не моя должность – инструктор сельскохозяйственного отдела райкома партии.

В день вступления в должность секретарь Калеватов (это его фамилия) собрал

своих подчинённых, то есть меня и заведующего отделом Сашу П. Он сразу же поставил нас по стойке смирно и, как говаривал мой дядя, замолол, замолол... И что он не потерпит бездельников, и что в совхозах люди должны пахать по 25 часов в сутки, и что мы (сельхозотдел) должны работать ещё больше. Он ходил перед нами и уже начал переходить на крик:

– Я не потерплю, я человек жестокий, у меня не забалуешься.

Стращал он нас таким образом не менее часа. В конце концов, нервы у меня не выдержали, и я сам стал кричать на этого самодура-ленинца, кстати, выпускника Новосибирской партийной школы. Затем выбежал из кабинета, громко хлопнув дверью. «Пропади ты пропадом, – с обидой думал я, – уйду отсюда, найду другую работу, но прогибаться перед идиотом не стану».

Минут через пять прибежал Саша:

– Пойдём к Калеватому, он зовёт.

– Пошёл он к чёрту. Я перед ним пресмыкаться не буду.

В конце концов, Саша уговорил меня вернуться в кабинет, который я с обидой покинул. Новый секретарь повёл себя по-

другому, постепенно всё устаканилось, мы нашли общий язык, как говорится, сработались. Правда, вскоре его перевели в какой-то другой район. Мы с Сашей не жалели об этом, но и не радовались, что его в один прекрасный момент не стало, потому что никто не знал, что нас ждёт впереди.

Облом

В райкоме было заведено, в одном кабинете сидели (если хотите, работали) не менее двух инструкторов. Шурик Пастушенко работал с Васей Хихлухой. Единственное, что их сильно объединяло – постоянное желание выпить что-нибудь крепче чая, кофе или лимонада. Вот и сегодня кто-то из них сбегал в магазин, принёс бутылку. Они даже успели выпить по рюмке. Благо, что рабочий день закончился, начальство успело разбежаться по домам, а посетители в такой час в райком не ходят. Надо сказать, что спрятать в кабинете распечатую бутылку не являлось проблемой, потому что у каждого инструктора имелся персональный сейф. У одного он был на первом «этаже», у второго – на втором.

Ребята выпили ещё по рюмке, закури-

ли (в кабинетах курить не возбранялось) и тут вдруг услышали в коридоре чьи-то шаги. Шурик быстренько схватил бутылку, стаканы и на всякий случай сунул их в свой сейф от греха подальше. Он у него был на верхнем «этаже».

Неизвестный прошёл по коридору и, не заглянув в их кабинет, удалился. По этому случаю у ребят поднялось настроение, в эйфории кто-то толкнул кого-то, тот пошатнулся, задел сейф и только тогда они поняли, что произошло непоправимое. Бутылка, которая покоилась в сейфе, не выдержала толчка, потеряла равновесие и завалилась на бок. Водка вырвалась на свободу и стала плескаться во все стороны. Совершенно случайно она залила все документы, которые хранились вверху, а потом быстренько стекла вниз, где также погуляла по тем документам, которые располагались внизу. А документы эти были не простые, а все с грифом «секретно» или «Для служебного пользования». Мало того, по кабинету растёкся сладостный запах водки, который как его ни уговаривали, стал пробиваться в коридор, вещая: «Остановись, прохожий, загляни в кабинет, познакомься с ребятами,

которые покоятся здесь».

Партийная комедия

Партийное собрание районного управления сельского хозяйства проходит в маленькой комнатухе, совершенно не приспособленной для таких мероприятий. Правда в тесноте, не в обиде, прибывающий народ усаживается вокруг нескольких столов, расставленных посредине комнаты. Почему-то никто из организаторов собрания не догадался перенести их в другой кабинет. Ну что ж, народ немного потолкался, но в конце концов места хватило всем, собрание началось.

Секретарь партийной организации сказал несколько вступительных слов, напомнил повестку дня и предложил собранию избрать председателя собрания и секретаря. Процедура эта известная, кто-то выкрикнул фамилии уважаемых товарищей, собрание проголосовало единогласно. Председателем выбрали Черненко, секретарём — Осипова. Председатель с трудом встал из-за стола, во-первых, он был довольно-таки полным человеком, во-вторых, плотность посадки соседей была очень велика. Тем не

менее он встал:

— Продолжим собрание, — привычно проговорил он, — на повестке дня следующие вопросы... — он взял в руки лист бумаги с повесткой, поднёс его к глазам, смущённо улыбнулся: — Товарищи, тут мелко написано, а я как назло очки дома забыл. Ничего не вижу.

Собравшиеся коммунисты посочувствовали ему, а кто-то из наиболее продвинутых посоветовал:

— А вы с Осиповым поменяйтесь, у него-то очки есть.

И правда у Осипова очки были с собой, поэтому он не стал сопротивляться, а по ногам и головам полез на место Черненко. Тот тоже не стал мешкать, а пополз навстречу товарищу. Сколько трудов положили они, чтобы достигнуть своей цели, сколько ног отдавили, сколько критики получили в свой адрес. Но слава богу всё закончилось. Черненко перебрался на место Осипова, а тот на место Черненко. Они даже и не заметили, что всё собрание зашлось в смехе, некоторые, кто послабее, зашлись в икоте. Вся эта история с перемещением длилась не менее десяти минут. Наконец все успокоились, но

чей-то ехидный голос всё-таки подвёл итог:

— А вы не могли что ли один сесть, а второй встать?

И только тут до них дошло, что за комедию разыграли они на глазах честной публики.

Веточный корм

Из обкома поступило распоряжение: надо срочно мобилизовать все предприятия, всё население на помощь сельчанам, а говоря простым языком, направить все силы на заготовку веточного корма.

Наш райком расстарался, составил график работ, довёл до всех организаций и предприятий задания, предупредил каждого руководителя и партийного работника об ответственности за их невыполнение.

Однако вернёмся к заготовке веточного корма. В субботу в ясный летний денёк к зданию райкома подошло два автобуса, в которых разместились все сотрудники. В первый автобус сели заведующие отделами и инструкторы, во второй — все остальные: технические работники, машинистки и др. Секретари уехали на личных автомобилях. Прибыли на отведённый на участок и стали ожидать человека, который должен был

объяснить нам, как и с каких деревьев обламывать сучья, как вязать веники. Прождали около часа, женщины разбрелись по лугам и полянам, собирали цветы, рвали душицу, мужики валялись на траве и травили анекдоты.

Но наконец-то нужный нам человек прибыл, и мы начали заготовку. Однако продолжалось всё это недолго.

Вскоре подъехал Иван Иванович, чтобы засвидетельствовать своё почтение. Пока он горячо жал руки всем присутствующим, подоспел обед. Боевая и шустрая повариха мигом накрыла поляну, достала из машины ящик водки: «тут и ленивый не мог устоять». После рюмки, другой о работе уже никто не думал. Всех непьющих и женщин загрузили в общий автобус и отправили домой, остальные задержались до полного опустошения содержимого бутылок.

Куда делись заготовленные нами веники неизвестно никому. Правда, немного позже и не в этом совхозе мне довелось проникнуть в тайну использования веточного корма.

По каким-то делам я оказался на одной из ферм Иткульского совхоза. Наверное,

был какой-нибудь рейд по проверке готовности ферм к зимовке. Это вполне вероятно, поскольку в то время я ещё был членом районного комитета народного контроля. Мы осмотрели все помещения, и в одном я поинтересовался у бригадира:

– А где вы храните веточный корм, что заготовили горожане?

– На чердаке этой базы.

– А можно взглянуть на него?

– Конечно.

Мы вышли из помещения, он притащил откуда-то лестницу, я забрался по ней и заглянул в слуховое окно. На чердак я не полез, одного взгляда хватило, чтобы понять всю ненужность проведённой летней кампании. Все веники были свалены в одну кучу ещё сырыми, поэтому они давно уже сгорели, листья осыпались, передо мной лежала гора никому не нужных ветвей.

Я, конечно, возмутился:

– Да что же вы наделали, Вы же труд сотен людей погубили?!

– Это точно, – поддакнул бригадир, – а с той стороны и прошлогодние ветки лежат. Вы что думаете, что за ними на чердак кто-то лазить будет. Если только палкой за-

гонять.

А вот на следующий год дело приняло и вовсе удивительный характер. Животноводы стали замечать, что по чердаку кто-то постоянно бегают. Зимой никто туда не полез, не до того было, а весной бригадир всё-таки решил заглянуть туда. И заглянул. Как только он просунул голову в слуховое окно, так сразу же чуть не упал с лестницы от неожиданности: на него с испугом смотрели сотни кроличьих глаз. Кто запустил их туда, так и не узнали, но веточного корма на тот момент уже не было: ни нового, не старого.

Наши не такие

Идёт уборка урожая. День и ночь гудят трактора, комбайны, автомобили. На току трудятся не покладая рук жители села. Все силы отдаются битве за урожай. В один из жарких страдных дней в совхоз приехал инструктор райкома. Делать ему там по большому счёту нечего, но райкомовское руководство разогнало весь персонал по деревням, «на помощь» крестьянам.

Парторгу тоже особо нечем заняться, он даже обрадовался приезду «важного» гостя. Появился повод убить несколько ча-

сов рабочего времени и показать землякам свою исключительную занятость.

Первым делом партийная пара отправилась на ток. А там каждый человек занимался делом на вверенном ему участке. Постояли в сторонке, посмотрели, как работают люди. Молодцы, ничего не скажешь. Ещё постояли, покурили в специально отведённом месте, потом парторг поинтересовался:

– Ну и как наши дела, если со стороны на них посмотреть?

– Не плохо. Правда один недостаток есть.

– Какой же? – удивился парторг.

– А ты посмотри, как у вас калитка устроена. Сначала надо на три ступеньки подняться, а потом на три ступеньки спуститься.

– Ну и что? Человеку пройти труда не составит, а вот скотина не заберётся.

– Так-то оно так, – не унимался инструктор, – а вдруг дождь пойдёт. Человек ночью насыплет в мешок зерна, станет взбираться на это ваше сооружение, поскользнётся, упадёт и сломает себе что-нибудь.

– Ах, ты вон о чём, – засмеялся

парторг, – зря беспокоишься. Наши люди мешками зерно не таскают. Они вон через те большие ворота на машинах вывозят.

Ермак

Володя Белоглазов работает секретарём комсомольской организации совхоза. Всё вроде хорошо, но вот беда, образования у него маловато – всего восемь классов. А попал он на эту должность случайно. Секретарь парткома никак не мог подобрать толкового молодого человека. Все комсомольцы уже были заняты на производстве и имели гораздо более высокие заработки, чем предлагал им райком комсомола. К счастью, в это время из армии вернулся Володя. Он хоть без образования, зато и без специальности и на другую более высокооплачиваемую должность претендовать не мог. Потому и согласился стать комсомольским функционером.

Партийный комитет тут же дал ему направление от совхоза, хорошие характеристики и послал на учёбу в сельскохозяйственный техникум на заочное отделение. В

средние сельскохозяйственные учебные заведения тогда принимали всех, потому что желающих там учиться было недостаточно.

Володя тоже успешно поступил и обучился до первой сессии. И вот первый экзамен. Химия. Для него это тарабарщина, но тем не менее сдавать надо. Володя взял билет, долго смотрел в него, посидел и вышел отвечать. Весь день ведь не просидишь.

– Так, – сказал преподаватель, – начнём с первого вопроса.

Студент молчал.

– Не знаете? – поинтересовался преподаватель.

– Да вот, – замялся Володя, – вот что-то как-то.

Преподаватель ставить двойку не хотел. Он начал задавать наводящие вопросы, но это не помогало.

– Хорошо, – сдался он, – перейдём ко второму вопросу.

Со вторым вопросом дела обстояли не лучше. И снова наводящие вопросы промчались мимо ушей Володи, как пули плохого стрелка мимо мишени.

– Ну хоть задачу-то решили?

– Вы знаете, я что-то в ней недопонял.

Преподавателю надоело это бестолковое занятие, ему уже хотелось реветь белугой. Но двойку ставить было нельзя, потому что за права заочника стояло горой высшее руководство.

Преподаватель немного подумал и вдруг понял, что не всё ещё потеряно.

– Хорошо, – радостно воскликнул он, – скажите мне, чей это портрет висит на стене в нашем кабинете, и он указал на портрет Дмитрия Менделеева.

Володя с серьёзным видом взглянул на портрет и задумался. Он долго думал, но, наконец, озарение сошло на него.

– Вы что не знаете? – предварил его ответ преподаватель.

– Знаю, – во всё горло радостно рявкнул Володя – это Ермак!

НЕОКОНЧЕННОЕ

Таракан

(Отрывок из неоконченной повести)

...Ближе к утру Сергей все-таки задремал и даже увидел сон, странный такой и немного страшный. Ему приснилось, что он – Большой рыжий таракан, сломя голову, мчался по мокрому осеннему асфальту. Нет, он не участвовал в тараканьих бегах, не убегал от инфаркта, не совершал послеобеденный променад. Он, подгоняемый страхом, бежал в никуда, спасая свою незавидную жизнь. Ничто не могло остановить и даже задержать его хотя бы на одно мгновение. Крупные дождевые капли, песок, мелкие камушки, окурки, бумага, тонкие веточки, сбитые ветром с деревьев, казалось, не мешали ему продвигаться вперед. С искусством скаковой лошади он перепрыгивал через любые препятствия, устанавливая ре-

корды за рекордами достойные занесения в тараканью книгу особых достижений.

Прошло чуть больше минуты, и тараканьи силы начали угасать. Преследуемый ужасом он попытался найти хоть какое-нибудь убежище, хоть маленькую щёлочку, чтобы притаиться там до лучших времён. Но, увы! на городской мостовой, благодаря чудо-дорожникам, не было ни одного даже мало-мальского строительного дефекта, который мог бы послужить несчастному насекомому достойным убежищем. Отчаявшийся прусак завертелся на месте, начал биться головой о холодный бордюр, даже несколько подпрыгивать на месте, подражая своему дальнему сородичу сверчку, — напрасно, он по-прежнему оставался на мокром асфальте посреди улицы в совершенно смятенных чувствах.

А ведь ещё совсем недавно жизнь казалась ему совершенно безоблачной, беззаботной и сулила множество самых превосходных перспектив. Он вместе со своими братьями и сёстрами обитал в большой и тёплой квартире, в которой всегда находилась уютная щёлка в полу или за плинтусом, где можно было безбоязненно

переждать светлую пору. По ночам имелось достаточное количество хлебных крошек, картофельных очисток, капель жира, что не давало повода беспокоиться о своём пропитании.

А вот вчера ночью он забрался в мусорное ведро, где к великому удовольствию обнаружил большой кусок слегка подпорченной колбасы и пустую банку с остатками пива. Таракан тут же начал пиршество, он пил в захлѐб и жрал в три горла, опасаясь лишь, что его пронырливые родичи набредут на этот подарок судьбы. Но ему и тут повезло. Другие тараканы пировали где-то в другом месте.

Не смотря на геройский аппетит нашего насекомого за ночь кусок колбасы не уменьшился, и таракан принял стратегически важное решение: остаться на днёвку рядом с посланным ему судьбой провиантом. Его не испугали тяжѐлые шаги на кухне (к ним он уже давно привык), не насторожили человечесьи голоса (на них он никогда не обращал внимания), даже руки, завязывающие мусорный мешок, в котором он прятался под куском колбасы, не насторожили его. Он даже признал это действие полезным, ибо в

завязанный мешок другие захребетники теперь вряд ли проберутся.

Лёгкая паника началась лишь тогда, когда мусорный мешок с рыжим обжорой оказался на улице в мусорном баке. Но он ещё утешался видом колбасы и запахом, исходящим из банки пива, всячески успокаивал себя, настраивал на долгое и безупречное будущее. И правда, казалось, ничто не может потревожить его: в пакете было тепло, тихо и даже уютно. Подобно большинству героев современных киносериалов он уже готовился сказать: «Все будет хорошо!», как вдруг неведомая сила подхватила его мусорный домик и бросила на бетон. Две страшные мохнатые лапы разорвали мешок, и толстенная морда дворового кота просунулась в него. Огромная прожорливая пасть сомкнулась на куске тараканьей колбасы и потащила её прочь вместе с нашим героем, который тоже мёртвой хваткой вцепился в свою добычу. Скорее всего, он бы не стал держаться за колбасу, если бы знал, кто собирается разделить с ним его скромную трапезу. Скорее всего, он бы остался сидеть в мешке и даже, может быть, забрался бы в металлическую пивную

банку, благо места в ней было предостаточно для многих десятков тараканов.

Но судьба в этот день не благоволила ему. Он вспомнил бабушку, которая рассказывала о котах, этих извергах рода тараканьего. По её словам, коты с удовольствием съедают всё, что движется, шевелится, прыгает, летает и ползёт. Как ни печально, тараканов они тоже любят – только хруст стоит.

Увидев кошачьи глаза, грозные усы и кровожадные зубы, таракан, забыв обо всем, даже о благоразумии, пустился наутёк. Он истерически кричал, стонал, плакал, он ничего и никого не видел, не слышал, и даже не хотел замечать. А напрасно. Если бы он хоть на секунду остановился, посмотрел по сторонам, втянул в свои трахеи запахи города, он бы, наверное, смог узреть человека, шагающего по улице. От его персоны отбрасывалась тень, шаги слышались за десятки метров, в воздухе стоял противный запах дешёвого одеколona. Остановись таракан, он бы мог спасти свою жизнь. Но...тяжёлая подошва рабочего ботинка поднялась в воздух и опустилась точь-в-точь на бестолкового таракана.

Все беды приходят сверху. Хуже всего

бывает тем, кто находится внизу...

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ ДЕДА БАЗЛАЯ	5
ФАНТАСТИКА	46
РАССКАЗЫ	73
ПЬЕСЫ	109
СКАЗКИ	123
МАКСИМЫ	133
ВОКРУГ ДА ОКОЛО	144
БЕЗДЕЛИЦЫ	233
РАЙКОМОВСКИЕ ВЕСТИ	251
НЕОКОНЧЕННОЕ	270